ISSN 2998-8292 (online)
ISSN 2576-9782 (print)

Russian Studies in Culture and Society

Российские исследования. Культура и общество

Volume 10, Number 1
2026

ISSN 2998-8292 (online)
ISSN 2576-9782 (print)

Russian Studies in Culture and Society

Российские исследования. Культура и общество

Volume 10, Number 1
2026

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2026

12+

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер от 06.05.2025 серии ЭЛ № ФС 77 - 89428) и Международным центром ISSN (ISSN 2576-9782 (Print), ISSN 2998-8292 (Online)).

Журнал выходит четыре раза в год. Основан в 2017 г.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

Russian Studies in Culture and Society /
Российские исследования. Культура и общество,
Volume 10, Number 1, 2026

Главный редактор:

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Члены редакционной коллегии:

Г.Д. Гриценко, д-р филос. наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация), **К.А. Долгополов,** д-р соц. наук (Ставрополь, Российская Федерация), **В.Б. Малышев,** д-р филос. наук (Самара, Российская Федерация), **Т.П. Минченко,** д-р филос. наук (Томск, Российская Федерация), **П.Ю. Наумов,** канд. пед. наук (Москва, Российская Федерация), **С.П. Парамонова** (Пермь, Российская Федерация), **Р.Б. Салморбекова,** д-р соц. наук (Бишкек, Кыргызстан), **Н.В. Серов,** д-р культурологии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), **Е.В. Хлыщева,** д-р филос. наук (Астрахань, Российская Федерация), **А.Р. Ахметова,** канд. ист. наук (Казань, Российская Федерация), **М.Х. Ахметова,** канд. соц. наук (Набережные Челны, Российская Федерация), **В.М. Большакова,** канд. юр. наук (Нижний Новгород, Российская Федерация), **Т.А. Магсумов,** д-р. ист. наук (Набережные Челны, Российская Федерация), **Г.В. Малашин,** руководитель отдела по взаимодействию Церкви с обществом и СМИ Красноярской епархии РПЦ (Красноярск, Российская Федерация)

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ, РИНЦ, РЦНИ, ЕГПНИ-Белый список, КиберЛенинка, DOAJ.

Учредитель и издатель:
Научно-инновационный центр
Представитель в США:
3556, S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA
Представитель в России:
ул. 9Мая, 5/192, Красноярск, Красноярский край, 660127, Российская Федерация
E-mail: editor@csjournal.ru
www.csjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Подписано в печать 31.03.2026. Дата выхода в свет 31.03.2026. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 13,82. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ RSCS101/2026. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская» (ИП Давгуненко А.А. ИНН 344210747590). Адрес типографии: ул. Проезд Добролюбова 3 стр. 2, г. Москва, 127254, Россия

The edition is registered (certificate of registry EL № FS 77 - 89428, 06.05.2025) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2576-9782 (Print), ISSN 2998-8292 (Online)).

The journal is published 4 times per year. Founded in 2017.

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

Russian Studies in Culture and Society, Volume 10, Number 1, 2026

Editor-in-Chief:

Galina S. Shirokalova, Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Editorial Board Members:

Galina D. Gritsenko, Doctor of Philosophy (Rostov-on-Don, Russian Federation), **Kirill A. Dolgopolov,** Doctor of Sociology (Stavropol, Russian Federation), **Vladislav B. Malyshev,** Doctor of Philosophy (Samara, Russian Federation), **Tatyana P. Minchenko,** Doctor of Philosophy (Tomsk, Russian Federation), **Petr Yu. Naumov** Ph.D. in Education (Moscow, Russian Federation), **Svetlana P. Paramonova,** Doctor of Philosophy (Perm, Russian Federation), **Rita B. Salmorbekova,** Doctor of Sociology (Bishkek, Kyrgyzstan), **Nikolay V. Serov,** Doctor of Culturology (St. Petersburg, Russian Federation), **Elena V. Khlyshcheva,** Doctor of Philosophy (Astrakhan, Russian Federation), **Albina R. Akhmetova,** Ph.D. in History (Kazan, Russian Federation), **Milausha Kh. Akhmetova,** Ph.D. in Sociology (Naberezhnye Chelny, Russian Federation), **Valentina M. Bolshakova,** Ph.D. in Law (Nizhny Novgorod, Russian Federation), **Timur A. Magsumov,** Doctor of History (Naberezhnye Chelny, Russian Federation), **Gennady V. Malashin,** Head of the Department for Interaction of the Church with the Society and Mass Media of the Krasnoyarsk Diocese of the Russian Orthodox Church (Krasnoyarsk, Russian Federation)

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, RISC, RCSI, White List, CyberLeninka, DOAJ.

Founder and Publisher:
Science and Innovation Center Publishing House
Representative in the U.S.:
3556, S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA
Representative in Russia:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation
E-mail: editor@csjournal.ru
www.csjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Approved for printing 31.03.2026. Format 60x84/16. Order RSCS101/2026. The Printing House. 3/2, Proezd Dobrolyubova Str., Moscow, 127254 Russia

Теория, методология и история социологии / Theory, Methodology and History of Sociology

Научная статья
Original article
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-325
EDN: QJZNFE
УДК 316.36

Социальная поддержка студенческих семей: доступность, информированность и институциональные барьеры (на примере Ярославской области)

К.Ю. Ледянкина
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Основная цель исследования – выявить социально-институциональные барьеры, ограничивающие доступность мер социальной поддержки для студенческих семей.

Метод и методология проведения работы. В процессе работы проведено анкетирование представителей студенческих семей с целью выявления уровня их информированности о мерах социальной поддержки, практики использования доступных льгот и удовлетворённости существующими механизмами помощи. Кроме того, исследование включало анализ существующей научной литературы по данной теме.

Результаты. Анализ собранных данных позволил выявить ключевые проблемы системы поддержки. Установлено, что 9 из 33 опрошенных студентов, состоящих в браке и обучающихся очно, не осведомлены о доступных мерах поддержки, а ещё 14 обладают лишь частичной информацией. Существенным барьером выступает сложность процедур оформления помощи: респонденты отмечают нехватку времени на сбор документов и бюрократические препятствия. Самыми востребованными оказались преимущественно базовые меры – финансовая и жилищная поддержка, тогда как дополнительные льготы практически не используются.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в деятельности органов государственной власти и образовательных организаций для совершенствования системы социальной поддержки студенческих семей.

Ключевые слова: социальная поддержка; социальная политика; молодая семья; студенческая семья; молодежь

Для цитирования. Ледянкина, К. Ю. (2026). Социальная поддержка студенческих семей: доступность, информированность и институциональные барьеры (на примере Ярославской области). *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 4-26. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-325

Social support for student families: accessibility, awareness and institutional barriers (a case study of the Yaroslavl Region)

K.Y. Ledyankina
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

Abstract

Purpose. The main objective of the study is to identify socio-institutional barriers that limit the accessibility of social support measures for student families.

Methodology. During the study, a survey was conducted among representatives of student families to assess their level of awareness of social support measures, the practice of using available benefits, and satisfaction with existing assistance mechanisms. In addition, the study included an analysis of existing scientific literature on this topic.

Results. The analysis of the collected data revealed key problems in the support system. It was found that 9 out of 33 married full-time students surveyed were unaware of the available support measures, while 14 had only partial information. The complexity of the assistance procedures was a significant barrier, with respondents reporting a lack of time to collect documents and bureaucratic obstacles. The most sought-after measures were primarily basic financial and housing support, while additional benefits were rarely utilized.

Practical implications. The research findings can be applied in the activities of government authorities and educational institutions to improve the system of social support for student families.

Keywords: social support; social policy; young family; student family; youth

For citation. Ledyankina, K. Y. (2026). Social support for student families: accessibility, awareness and institutional barriers (a case study of the Yaroslavl Region). *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 4-26. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-325

Введение

В современных социально-экономических условиях особую актуальность приобретает вопрос поддержки молодых семей из числа

учащейся молодежи. Несмотря на относительно небольшую долю таких семей в общей численности студенчества (около 1%), их поддержка имеет стратегическое значение для развития человеческого капитала т улучшения демографической ситуации в стране.

Студенческая семья – это категория молодой семьи, в которой оба супруга (в том числе при наличии детей), либо единственный родитель (усыновитель) ребёнка в возрасте до 35 лет включительно, обучаются по программам среднего профессионального или высшего образования [18].

Выделение этих семей в отдельную категорию связано с особыми условиями: ограниченное материальное обеспечение, нехватка времени, сложности совмещения учебной нагрузки с родительскими обязанностями. В то же время студенческие семьи обладают значительным потенциалом для социально-экономического развития страны.

С точки зрения демографии ранние браки и рождение детей в студенческие годы могут положительно повлиять на общий коэффициент рождаемости, что особенно важно в условиях современных демографических проблем. Кроме того, образовательный капитал играет ключевую роль, так как оба родителя получают профессиональное образование, что повышает их квалификацию и способствует экономическому развитию страны [11].

Совместное преодоление трудностей, связанных с совмещением учебных и родительских обязанностей, способствует укреплению семейных уз и развитию навыков адаптации к сложным условиям, что способствует социальной устойчивости общества в целом. Вместе с тем, молодые семьи, которые успешно сочетают образование и родительские обязанности, показывают сильную мотивацию к саморазвитию и поиску нестандартных решений.

Поддержка студенческих семей – это не только помощь уязвимой группе, но и стратегические инвестиции в будущее страны: в её демографическое благополучие, кадровый потенциал и социальную стабильность [17].

Для понимания актуальности темы важно оценить количественные параметры явления. По данным на 2025 год в России получают

высшее и среднее профессиональное образование около 8 миллионов студентов [8]. Согласно данным Минобрнауки в 2025 г. в России насчитывается около 50 тысяч студенческих семей, из них 13 тысяч пар уже стали родителями [2; 3].

Вопросы социальной поддержки семей получили широкое освещение в научной литературе, однако исследований, посвящённых исключительно студенческим семьям, крайне мало. Большинство имеющихся работ рассматривает проблему молодых семей, игнорируя особые условия и потребности студенческих семей.

Наибольший вклад в изучение проблематики студенческих семей внесла Т.К. Ростовская и её коллеги. В обзорных работах 2022 года систематизированы ключевые исследования по теме, что позволило выявить пробелы в изучении специфических потребностей студенческих семей [15]. В более поздних работах проанализированы параметры благополучия студенческой семьи в современной России, обозначены основные проблемы и намечены возможные пути их решения [16]. Значимые результаты получены и другими исследователями. Вилкова К.А. и соавторы выявили ключевые трудности совмещения учёбы и родительства [4]. Пашкова Я.А., Гайдар К.М. обратили внимание на социально-психологических аспекты, изучая внутренние ресурсы студенческих семей и внешние факторы, влияющие на их устойчивость [9]. Новиков В.Г. с коллегами проанализировали демографические трансформации в России и показали, как государственная политика может стимулировать или сдерживать создание семей среди молодёжи, включая студентов [7].

Зарубежные исследования фокусируются на экономических и карьерных барьерах для создания семьи. Например, американский ученый, социолог и экономист Г.С. Беккер анализировал семью как экономический институт, где дети рассматриваются как «благо длительного пользования», а их рождение – это рациональный выбор, зависящий от доходов и затрат времени [21]. С позиций этого подхода студенческие семьи сталкиваются с особенно высокими трудностями: необходимость совмещать учёбу и работу, а воспитание детей увеличивает финансовую и временную нагрузку на

молодых супругов. Корейские ученые Kim H.W., Kim S.Y. обратили внимание, что при наличии желания создать семью молодые люди испытывают неуверенность из-за экономических и карьерных трудностей [24]. Немецкие ученые Gebel M., Heyne S. в своих трудах отметили, что в условиях растущей неопределённости переход от учёбы к работе и откладывание первого брака становятся взаимосвязанными процессами [23]. Бразильские учёных Andrade J.L., Cunha M. подчеркнули, что отсрочка рождения детей коррелирует с ростом доходов, девушки при выборе между материнством и учёбой и работой, выбирают карьеру [20]. Ученые из Тайланда установили, что продление обязательного образования влияет на возраст вступления в брак и рождаемость [22].

В ряде стран разработаны и успешно функционируют программы финансовой поддержки студенческих семей, в том числе с детьми. В США университеты предоставляют финансовую помощь студентам с детьми (стипендия PhDFamilyGrants), существуют программы субсидирования детских садов при вузах и налоговые льготы. В Германии DAAD предлагает стипендии для студентов с семьями, включая выплаты на детей и помощь с оплатой проживания. В Австралии Программа AustraliaAwards покрывает расходы на членов семьи, сопровождающих студента, включая детей. Эта программа предназначена для студентов из развивающихся стран, которые уже имеют степень бакалавра и желают продолжить обучение в магистратуре или по докторской программе. Также в Австралии распространены гранты от отдельных университетов на оплату услуг няни и частичную компенсацию аренды жилья для семей [1; 18].

Научный пробел заключается в отсутствии глубоких исследований, направленных на изучение студенческих семей, эмпирических данных об осведомленности студенческих семей о мерах поддержки и реальных препятствиях для их получения, а также рекомендаций по адаптации социальной политики.

Тема поддержки студенческих семей крайне актуальна. Важно отметить, что термин «студенческая семья» появился в российском законодательстве совсем недавно – в 2025 году [6]. Это указывает

на необходимость особого внимания к разработке системных подходов к поддержке данной категории семей [12].

Введение официального статуса «студенческая семья» является важным шагом, позволившим четко идентифицировать данную категорию граждан для адресного предоставления льгот и пособий. Закрепление термина на законодательном уровне послужило катализатором для формирования комплексной системы социальной поддержки студенческих семей. На федеральном и региональном уровнях начали приниматься целенаправленные адресные меры с учетом специфики этой социально-демографической группы.

Ключевым достижением стало утверждение Рекомендаций по поддержке студенческих семей. Документ систематизировал подходы к поддержке, обозначил приоритетные направления и создал основу для координации усилий различных ведомств и образовательных организаций [10].

При содействии Минобрнауки России в университетах запущена система «Единое окно» – единая модель поддержки молодых семей из числа обучающихся. Оператор системы: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. «Единое окно» позволяет оперативно получать информацию о мерах поддержки, однако в данный момент система работает с ограничениями: не все вузы подключились к ней, а те, что подключились, предоставляют информацию неравномерно: одни университеты детально описывают меры поддержки, назначают ответственных и поддерживают актуальные разделы на сайтах, другие ограничиваются формальным упоминанием. Кроме того, система пока не охватывает колледжи, хотя семейные студенты средних специальных учебных заведений также нуждаются в поддержке [5].

Региональные власти также активно включились в процесс поддержки студенческих семей. В качестве примера можно привести Ярославскую область, где реализуются следующие меры: единовременная выплата при постановке на учёт по беременности (100 тысяч руб.) для женщин, обучающихся по очной форме; единовременная выплата при рождении ребёнка (200 тысяч руб.) для женщин в воз-

расте до 25 лет (первый ребёнок), до 27 лет (второй ребёнок), до 29 лет (третий и последующие дети) в период с 1 января 2026 года по 31 декабря 2027 года; создание сети социальных пунктов проката предметов первой необходимости для новорождённых (до 1,5 лет) – в регионе действует 24 таких пункта [14].

Тем не менее, несмотря на активное развитие нормативной базы и появление новых мер поддержки, на практике многие студенческие семьи не получают положенной помощи. Ключевые барьеры, ограничивающие доступность социальной поддержки для студенческих семей в России, можно разделить на несколько групп: нормативно-правовые, информационные, финансовые, инфраструктурные и организационные [13].

Цель исследования – выявить социально-институциональные барьеры, ограничивающие доступность мер социальной поддержки для студенческих семей, и разработать практические рекомендации по их устранению.

Материалы и методы

В рамках исследования социальной поддержки молодых семей из числа учащейся молодёжи были применены следующие методы: теоретический анализ научной литературы и законодательных документов; анкетирование студентов, состоящих в браке и обучающихся в образовательных организациях г. Ярославля.

Теоретический анализ использовался при изучении нормативной базы и существующих подходов к поддержке студенческих семей. Анкетирование стало основным инструментом сбора эмпирических данных.

К участию в анкетировании приглашались лица, одновременно соответствующие следующим критериям: статус действующего студента (очная или очно-заочная форма обучения), наличие зарегистрированного брака, обучение в одной из образовательных организаций Ярославской области, представляющей разные типы вузов: классический университет, педагогический, медицинский, технический, театральный и другие), проживание на территории Ярославской области.

В рамках данного исследования под студенческой семьёй понимается семья, в которой оба супруга имеют статус действующего студента (очная или очно-заочная форма обучения) и обучаются в образовательных организациях Ярославской области. Данное определение соответствует принятому в нормативно-правовых актах и позволяет выделить однородную группу респондентов с сопоставимыми социально-экономическими условиями.

Исследование проводилось с октября по декабрь 2025 года в несколько этапов: формирование выборки респондентов на основе установленных критериев, разработка параметров анкетирования, проведение анкетирования среди студентов, отвечающих критериям отбора, обработка и интерпретация данных анкетирования, формулировка выводов и рекомендаций по результатам исследования.

Результаты и обсуждение

В опросе приняли участие 33 молодых жителя, обучающихся очно в образовательных организациях г. Ярославля и имеющих семью.

Возрастной диапазон – от 18 до 27 лет.

Гендерный состав: девушки – 26 человек, юноши – 7 человек. Выборка стихийная.

В рамках исследования были изучены ключевые аспекты информированности студенческих семей о доступных мерах социальной поддержки. Ниже представлены результаты анализа по основным показателям.

Данные представленные на рис.1 демонстрируют неоднородную картину информированности респондентов: лишь 8 опрошенных уверенно заявили, что хорошо осведомлены о действующих мерах поддержки; почти половина юношей и девушек (14 человек) отметили, что знают о мерах частично – имеют общее представление, но не владеют полной информацией; 9 респондентов признались, что вообще не знает о доступных мерах поддержки.

Это свидетельствует о низкой эффективности существующих механизмов информирования студенческих семей. Более трети целевой аудитории остаются вне информационного поля, что автома-

тически исключает их из системы социальной поддержки. Данные согласуются с выводами Т.К. Ростовской и коллег: низкий уровень информированности – это общая проблема для студенческих семей в России, ее причина – слабая работа информационных каналов [15].

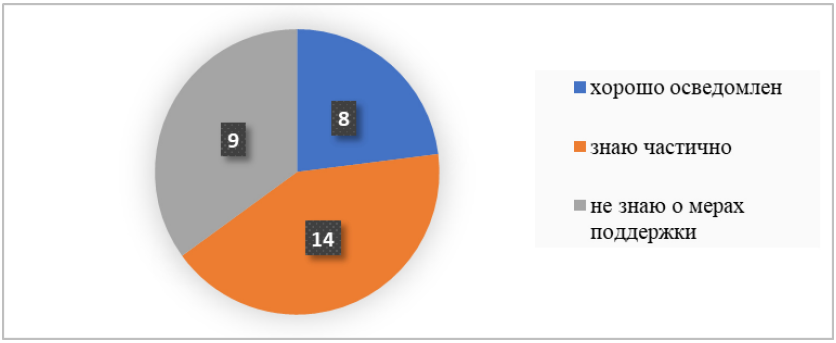

Рис. 1. Осведомленность о мерах поддержки
Fig. 1. Awareness of support measures

Затем был проведен анализ каналов получения информации (рис. 2).

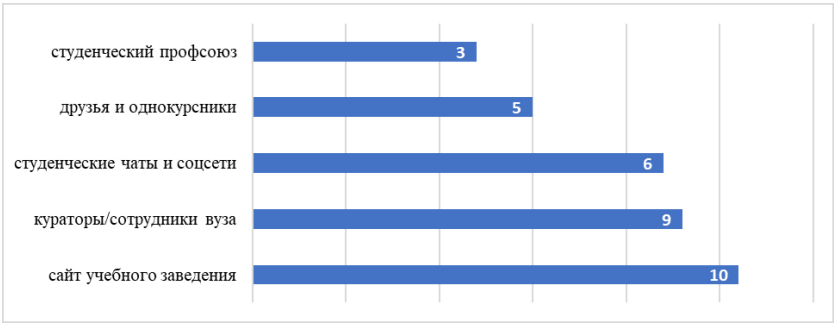

Рис. 2. Основные источники информации
Fig. 2. Main sources of information

Анализ основных источников информации выявил следующую иерархию источников: сайт учебного заведения (10 опрошенных) – лидирующий канал; кураторы и сотрудники вуза (9 человек) – второй по значимости источник; студенческие чаты и соцсети – используют 6 респондентов; друзья и однокурсники – источник информации

для 5 человек; студенческий профсоюз – наименее востребованный канал, им пользуются лишь 3 опрошенных.

Несмотря на доминирование официальных каналов (сайт вуза и сотрудники), их совокупный охват не обеспечивает полной информированности аудитории. Это говорит о недостаточной проработке информационных стратегий вузов в части донесения информации до студенческих семей.

Для оценки реального использования мер поддержки респондентам задавался вопрос о факте обращения за помощью в течение последнего года (рис. 3).

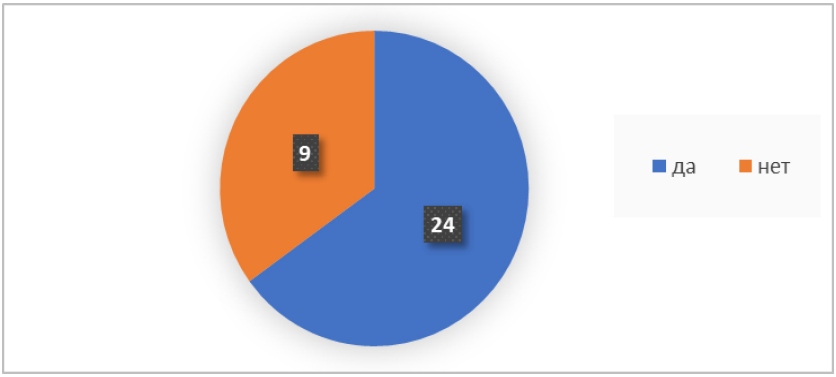

Рис. 3. Использование мер поддержки за последний год
Fig. 3. Use of support measures over the past year

Диаграмма показывает: 24 опрошенных воспользовались теми или иными мерами поддержки, 9 человек не обращались за помощью. Около трети студенческих семей не вовлечены в систему социальной поддержки. Это может быть связано как с недостаточной информированностью, так и с наличием трудностей при получении помощи.

Среди воспользовавшихся поддержкой было важно выявить, какие именно меры оказались наиболее востребованными (рис. 4).

Распределение по видам полученной помощи: по месту учебы единовременную выплату при рождении ребёнка получили 24 человека, материальную помощь при вступлении в брак – 19 респонден-

тов, место в общежитии университета – 17 человек, а городскими пунктами проката воспользовались 14 опрошенных.

Примечательно, что такие меры, как новогодние подарки для детей, бесплатные билеты в театр/цирк, консультационная или юридическая помощь, практически не упоминались.

Рис. 4. Используемые меры поддержки
Fig. 4. Support measures in use

Можно сделать вывод, что студенческим семьям наиболее необходимы базовые финансовые и жилищные меры. Эти данные совпадают с исследованиями Вилковой К.А. и соавторов: студенческие семьи в первую очередь нуждаются в материальной и жилищной поддержке [4].

Для выявления «сложных мест» системы поддержки респондентам предлагалось отметить трудности, с которыми они столкнулись при получении помощи (рис. 5).

Основными барьерами являются: нехватка времени на оформление, отсутствие информации о мерах, и сложный сбор документов.

Ключевые препятствия носят процедурный характер: бюрократия и дефицит времени. Это снижает реальную доступность помощи даже для информированных семей и требует оптимизации процессов.

Для комплексной оценки эффективности системы социальной поддержки респондентам предлагалось оценить свою удовлетворённость мерами поддержки (рис. 6).

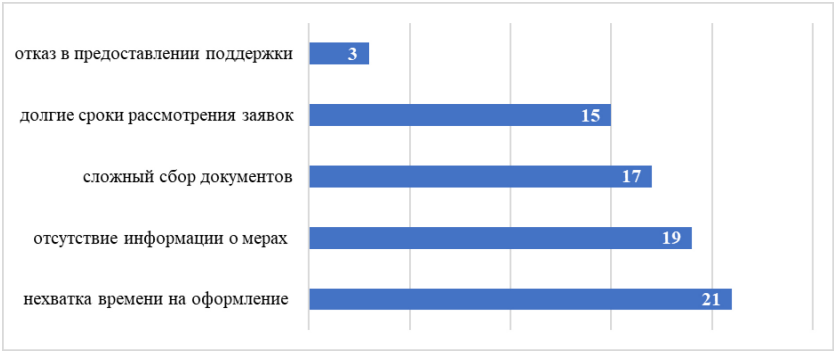

Рис. 5. Трудности при получении поддержки
Fig. 5. Challenges in obtaining support

Полностью удовлетворены системой поддержки студенческих семей – 2 опрошенных, вариант «в основном удовлетворён» выбирает половина респондентов, вариант «частично удовлетворён» – 4 человека, «скорее не удовлетворён» и «совершенно не удовлетворён» – 7 и 3 респондента соответственно.

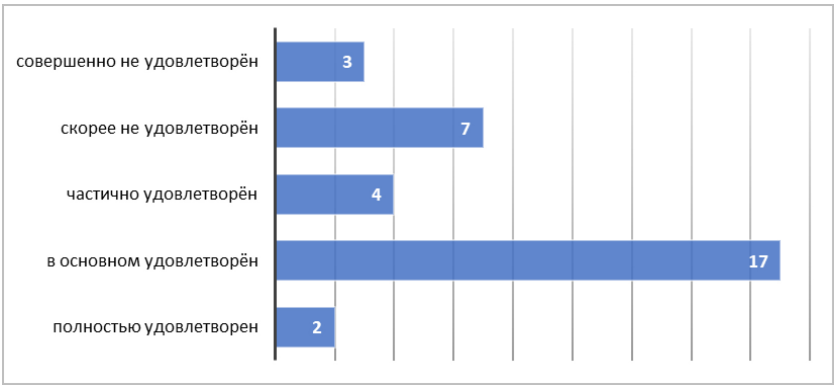

Рис. 6. Общая удовлетворенность системой поддержки
Fig. 6. Overall satisfaction with the support system

Полученные данные позволяют заключить: уровень удовлетворённости действующей системой социальной поддержки студенческих семей характеризуется как умеренный, что объективно указывает на необходимость её модернизации и устранения выявленных недостатков.

Чтобы оценить практическое влияние мер социальной поддержки, респондентам предлагалось отметить, как меры повлияли на их жизнь (рис. 7).

Рис. 7. Влияние мер поддержки на учебную и семейную жизнь
Fig. 7. The impact of support measures on academic and family life

В ходе исследования респонденты оценили, как меры социальной поддержки повлияли на их учебную и семейную жизнь. Результаты ранжированы по популярности – от наиболее часто упоминаемого эффекта к наименее значимому.

На первом месте по популярности оказался эффект «снизилось финансовое напряжение» (31 респондент). Это демонстрирует, что финансовая составляющая мер поддержки (выплаты, пособия, материальная помощь) является наиболее востребованной и ощутимой для студенческих семей.

Второе и третье места (с равным показателем в 22 человека) заняли следующие эффекты: «повысилась мотивация продолжать обучение» – поддержка помогла респондентам сохранить баланс между учёбой и семейными обязанностями, укрепила их уверенность в возможности совмещать эти роли; «усилилось чувство социальной защищённости» – участники опроса ощутили стабильность и поддержку со стороны учебного учреждения и государства, что создало у них чувство уверенности в завтрашнем дне.

На четвёртом месте – «улучшилась психологическая устойчивость». Меры поддержки помогли снизить уровень стресса, связанного с совмещением учёбы, работы и семейных обязанностей.

Пятое место занимает эффект «упростилось решение бытовых вопросов». Сюда относятся меры, облегчающие повседневную жизнь: предоставление общежития, помощь с организацией ухода за ребёнком и другие практические решения.

Также встречаются варианты «практически не повлияло», «стало легче совмещать учёбу и семью», «появилась возможность планировать рождение следующего ребёнка», «появилось больше времени на ребёнка».

Ключевым эффектом мер поддержки является финансовая помощь – она наиболее востребована и ощутима для респондентов. Помимо материальной поддержки, значимую роль играют мотивационный и защитный аспекты (уверенность в стабильности, желание продолжать обучение). Психологические и бытовые улучшения также важны, но их эффект менее выражен, чем финансовый.

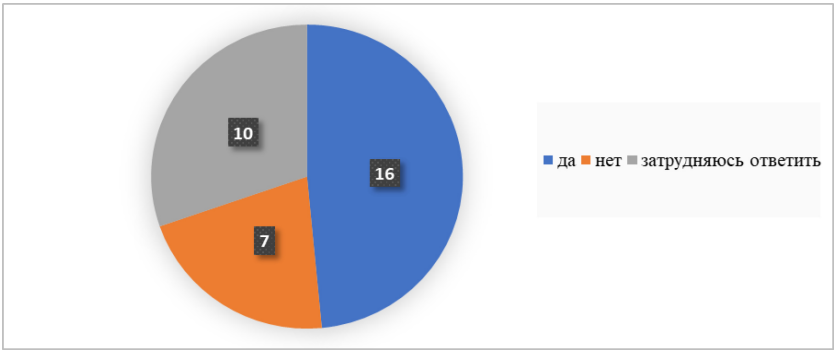

Рис. 8. Планирование рождения ребенка в ближайшие 3 года
Fig. 8. Planning to have a child in the next 3 years

Одним из ключевых индикаторов эффективности системы социальной поддержки является её влияние на репродуктивные планы семей. В связи с этим был задан вопрос о планировании рождения ребёнка в ближайшие 3 года (рис. 8).

На диаграмме представлено следующее распределение ответов: 16 респондентов ответили «да» – почти половина опрошенных планирует рождение ребёнка в ближайшие три года, это свидетельствует о достаточно высоких репродуктивных установках среди студенческих семей, несмотря на сложную нагрузку (учёба, работа, уход за уже имеющимися детьми); 10 респондентов ответили «нет», они не планирует расширение семьи в краткосрочной перспективе; и 7 респондентов затруднились с ответом – данная категория демонстрирует неопределённость в репродуктивных планах. Вероятно, эти семьи рассматривают возможность рождения ребёнка, но пока не приняли окончательного решения, возможно, из-за нестабильности материального положения или других факторов.

Выявленная доля планирующих рождение ребёнка согласуется с выводами Новикова В.Г., Аношиной Ю.Ф., Симонова С.Ю. о том, что при наличии адекватной социальной поддержки студенческие семьи проявляют готовность к увеличению численности семьи [7].

Для понимания мотивов принятия решения о рождении ребенка, респондентам было предложено определить ключевые факторы, влияющие на принятие решения о рождении ребенка. Респонденты выделили ключевые обстоятельства, которые студенческие семьи учитывают при принятии решения о рождении ребенка – это стабильный доход, наличие собственной жилья, стипендия, равная средней заработной плате по региону, места в детских садах рядом с университетом, бесплатные няни для ребенка, возможность дистанционного обучения или наличие индивидуального плана обучения.

Анализ факторов показывает, что решение о рождении ребенка зависит от совокупности социально-экономических факторов (материальное положение, доступность социальной инфраструктуры, адаптивность образовательных процессов, уровня общественной поддержки). Вместе они формируют «зону комфорта» для молодых родителей, позволяя им совмещать семейные обязанности, учебу и работу.

Проведенное исследование позволило комплексно оценить состояние социальной поддержки студенческих семей в Ярославской области и выявить главные проблемы ее функционирования.

Полученные данные подтвердили наличие существенных препятствий на пути получения помощи, а также позволили определить наиболее востребованные виды поддержки и их реальное влияние на жизнь респондентов.

В ходе исследования выявлены следующие группы барьеров:

– информационные: 9 респондентов вообще не знают о доступных мерах поддержки, 14 человек имеют лишь частичное представление о них, официальные каналы информирования (сайт вуза, кураторы) не обеспечивают полного охвата целевой аудитории;

– организационные: сложный сбор документов, нехватка времени на оформление;

– финансовые: приоритет базовых финансовых и жилищных мер (выплаты, общежития) над дополнительными льготами, низкий уровень удовлетворённости системой в целом (только 2 человека полностью удовлетворены), недостаточная материальная обеспеченность мер поддержки (стипендии, пособия);

– инфраструктурные: отсутствие детских садов при вузах, нехватка мест в общежитиях для семейных студентов, дефицит услуг по уходу за детьми (няни).

Эти барьеры взаимосвязаны: недостаток информации снижает вовлечённость, бюрократические трудности усложняют доступ даже для осведомлённых семей, а ограниченность ресурсов делает поддержку недостаточно эффективной. В результате около трети респондентов (9 человек) не обращаются за помощью, а почти половина опрошенных (14 человек) выражают неудовлетворённость действующей системой.

Несмотря на существующие барьеры, почти половина опрошенных (16 человек) планирует рождение ребёнка в ближайшие 3 года. Это свидетельствует о высоком репродуктивном потенциале студенческих семей. Однако 17 респондентов либо не планируют расширение семьи, либо затруднились с ответом, что связано с теми же барьерами – нестабильность дохода, отсутствие своего жилья, недостаточная инфраструктура для совмещения учёбы и родительства. Следует отметить, что исследование не охватывало

влияние жизненных стратегий (карьерные приоритеты, жизненные ценности) на репродуктивные решения, что может быть учтено в дальнейших работах.

Таким образом, повышение доступности социальной поддержки может стать значимым фактором улучшения демографической ситуации среди учащейся молодёжи. Оптимизация информирования, упрощение процедур и расширение ресурсной базы способны повысить вовлечённость студенческих семей в систему поддержки и укрепить их репродуктивные установки.

Заключение

Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели – выявить социально-институциональные барьеры, ограничивающие доступность мер социальной поддержки для студенческих семей.

1. Выявлена существенная недостаточность информированности студенческих семей о доступных мерах поддержки: 9 респондентов не знают о них вовсе, ещё 14 обладают лишь частичными сведениями. При этом даже доминирующие официальные каналы информирования не обеспечивают полного охвата целевой аудитории, а студенческий профсоюз оказался наименее популярным источником информации.
2. Установлено, что наибольшим спросом пользуются базовые финансовые и жилищные меры поддержки. Среди воспользовавшихся помощью (24 опрошенных) чаще всего получали: единовременную выплату при рождении ребёнка (24 человека), материальную помощь при вступлении в брак (19 человек), место в общежитии (17 человек), услуги пунктов проката (14 человек). При этом дополнительные льготы (новогодние подарки для детей, бесплатные билеты в театр/цирк, консультационная или юридическая помощь) практически не упоминались, что подтверждает приоритет решения первоочерёдных материальных и бытовых проблем.
3. Определены ключевые проблемы в существующих системах поддержки: информационные барьеры (низкий охват целе-

вой аудитории, неэффективность каналов информирования); организационные сложности (бюрократия, сложный сбор документов, нехватка времени на оформление); финансовые ограничения (низкий уровень удовлетворённости системой в целом, недостаточная материальная обеспеченность мер поддержки); инфраструктурные барьеры (отсутствие детских садов при вузах, нехватка общежитий для семейных студентов, дефицит услуг по уходу за детьми).

4. Существующая система поддержки требует существенной модернизации и унификации, необходимо создание единого стандарта базовых мер поддержки для всех вузов региона, требуется усиление инфраструктурного обеспечения студенческих семей, а также необходимо развивать информационные механизмы донесения информации о мерах поддержки до целевой аудитории.
5. Результаты исследования могут быть использованы для разработки региональных программ поддержки студенческих семей, совершенствования локальных нормативных актов вузов в сфере социальной поддержки, создания единой информационной системы мер поддержки, формирования рекомендаций по оптимизации существующих механизмов помощи.
6. Дальнейшие научные исследования по данной проблеме предполагает мониторинг эффективности существующих мер поддержки студенческих семей, изучение мнения получателей о качестве предоставляемых услуг, кроме того, необходим анализ влияния мер поддержки на успешность совмещения семейных обязанностей и учебы, а также исследование долгосрочных эффектов от поддержки студенческих семей.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на определенные достижения в развитии социальной поддержки семей из числа учащейся молодежи, сохраняется значительный потенциал для ее совершенствования на региональном уровне. Это требует дальнейших научных исследований и разработки обоснованных рекомендаций.

Информированное согласие. Информированное согласие получено от всех субъектов, которые участвовали в исследовании.

Информация о конфликте интересов. Конфликт интересов отсутствует.

Информация о спонсорстве. Исследование спонсорской поддержки не имело.

Список литературы

1. *Бесплатное обучение за границей: 6 стипендий для семейных студентов* [Электронный ресурс]. https://tengrinews.kz/newseducation/besplatnoe-obuchenie-granitsey-6-stipendiy-semeynyih-544898 (дата обращения: 25.01.2026).
2. Валерий Фальков рассказал о поддержке студенческих семей на первом заседании Совета при Президенте по реализации государственной демографической и семейной политики. *Минобрнауки*. https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/98881 (дата обращения: 25.01.2026).
3. *В России сложилось 50 тыс. студенческих семей* [Электронный ресурс]. https://www.kommersant.ru/doc/8141982 (дата обращения: 25.01.2026).
4. Вилкова, К. А., Груздев, И. А., Шмелева, Е. Д., Тарасова, Е. А., & Старцев, С. В. (2024). Что мы знаем о студенческих семьях: социологический анализ. *Высшее образование в России, 33*(7), с. 67–83. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83. EDN: https://elibrary.ru/MSDITN
5. *Единое окно для молодых семей в образовательных организациях*. *Минобрнауки* [Электронный ресурс]. https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dgmpispvsvo/year_family/window/ (дата обращения: 25.01.2026).
6. *Меры материальной поддержки семейных студентов — современная политика российских вузов* [Электронный ресурс]. https://deminform.ru/analytics/mery-materialnoy-podderzhki-semeynykh-studentov-sovremennaya-politika-rossiyskikh-vuzov (дата обращения: 25.01.2026).
7. Новиков, В. Г., Аношина, Ю. Ф., & Симонов, С. Ю. (2025). Анализ демографических трансформаций в России: экономические последствия и направления государственной демографической политики. *Научные труды Вольного экономического общества России, (3)* (253), с. 570–590. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-570-590. EDN: https://elibrary.ru/YCCSFZ
8. *Образование в цифрах: 2025: краткий статистический сборник* / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025, 136 с.
9. Пашкова, Я. А., & Гайдар, К. М. (2025). Ресурсы и проблемы студенческой семьи: социально-психологический анализ. *Вестник Воронежского государ-*

ственного университета. Серия: Проблемы высшего образования, (1), с. 42–47. EDN: https://elibrary.ru/WORTYW

10. Приказ Минобрнауки России от 30 октября 2025 г. № 807 «Об утверждении Рекомендаций по поддержке студенческих семей». *Справочно-правовая система «Гарант»* [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/413018013/?ysclid=mjex0o2382188256504 (дата обращения: 25.01.2026).
11. *Проблема доверия молодёжи к общественным и государственным институтам в контексте обеспечения национальной безопасности в условиях проведения специальной военной операции (региональный аспект): монография* / коллектив авторов; под общ. ред. С. В. Устинкина, А. В. Никитина. Нижний Новгород: НГЛУ, 2024, 374 с.
12. Разгильдяева, М. Б. (2025). Правовые аспекты формирования современной государственной демографической политики. *Общество: политика, экономика, право, (7)*, с. 176–183. https://doi.org/10.24158/pep.2025.7.23. EDN: https://elibrary.ru/UZHNWS
13. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/ff6f00b4c5087a436c9a2df72ab18e1bd109886f/ (дата обращения: 25.01.2026).
14. *Региональный проект «Поддержка семьи» национального проекта «Семья»* [Электронный ресурс]. https://portal.yarregion.ru/depts-dtspn/activity/proekt-semya-podderzhka-semi/ (дата обращения: 25.01.2026).
15. Ростовская, Т. К., Князькова, Е. А., & Ширшова, Т. М. (2022). Студенческая семья как объект научного исследования: (обзор научных исследований по проблематике студенческих семей). *Alma Mater (Вестник высшей школы), (11)*, с. 106–113. https://doi.org/10.20339/AM.11-22.106. EDN: https://elibrary.ru/DPNJUA
16. Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н., & Никольский, В. С. (2024). Параметры благополучия студенческой семьи в современной России: основные проблемы и поиск ресурсов. *Высшее образование в России, 33*(7), с. 15–31. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31. EDN: https://elibrary.ru/DGYWQL
17. Ростовская, Т. К. (2024). *Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия: монография*. Иваново: Ивановский государственный университет, 472 с. ISBN: 978-5-7807-1456-9. EDN: https://elibrary.ru/NIKQQJ
18. Тербежеков, К. К. (2023). Зарубежный опыт социальной поддержки и защиты семьи. *Образование и право, (2)*, с. 352–356. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-2-352-356. EDN: https://elibrary.ru/ABHNKZ
19. Федеральный закон 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/

cons_doc_LAW_372649/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 25.01.2026).
20. Andrade, J. L., & Cunha, M. (2019). PNS12: The impact of the postponement of maternity on women's income in Brazil. *Value in Health Regional Issues, 19*, Article no. S65.
21. Becker, G. S. (1991). *A treatise on the family*. Enlarged ed. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, XII, 424 p.
22. Chaijaroen, P., & Panda, P. (2023). Women's education, marriage, and fertility outcomes: Evidence from Thailand's compulsory schooling law. *Economics of Education Review, 96*. https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2023.102440. EDN: https://elibrary.ru/GTFUYR
23. Gebel, M., & Heyne, S. (2016). Delayed transitions in times of increasing uncertainty: School-to-work transition and the delay of first marriage in Jordan. *Research in Social Stratification and Mobility, 46* (Part A), pp. 61–72.
24. Kim, H. W., & Kim, S. Y. (2023). Gender differences in willingness for childbirth, fertility knowledge, and value of motherhood or fatherhood and their associations among college students in South Korea, 2021. *Archives of Public Health, 81*(1), Article no. 110. https://doi.org/10.1186/s13690-023-01127-x. EDN: https://elibrary.ru/DMDAPE

References

1. *Free Education Abroad: 6 Scholarships for Student Families* [Electronic resource]. Retrieved from: https://tengrinews.kz/newseducation/besplatnoe-obuchenie-granitsey-6-stipendiy-semeynyih-544898 (accessed: 25.01.2026).
2. Falkov, V. (2026). Valeriy Falkov spoke about support for student families at the first meeting of the Presidential Council on the implementation of state demographic and family policy. *Ministry of Education and Science*. Retrieved from: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/98881 (accessed: 25.01.2026).
3. *There are 50 000 student families in Russia* [Electronic resource]. Retrieved from: https://www.kommersant.ru/doc/8141982 (accessed: 25.01.2026).
4. Vilkova, K. A., Gruzdev, I. A., Shmeleva, E. D., Tarasova, E. A., & Startsev, S. V. (2024). What we know about student families: A sociological analysis. *Higher Education in Russia*, 33(7), pp. 67–83. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83. EDN: https://elibrary.ru/MSDITN
5. *A Single Window for Young Families in Educational Organizations*. Ministry of Education and Science [Electronic resource]. Retrieved from: https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dgmpispvsvo/year_family/window/ (accessed: 25.01.2026).
6. *Measures of Financial Support for Student Families — Modern Policy of Russian Universities* [Electronic resource]. Retrieved from: https://deminform.ru/analytics/

mery-materialnoy-podderzhki-semeynykh-studentov-sovremennaya-politika-rossiyskikh-vuzov (accessed: 25.01.2026).

7. Novikov, V. G., Anoshina, Yu. F., & Simonov, S. Yu. (2025). Analysis of demographic transformations in Russia: Economic consequences and directions of state demographic policy. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, (3) (253), pp. 570–590. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-570-590. EDN: https://elibrary.ru/YCCSFZ
8. Varlamova, T. A., Gokhberg, L. M., Zorina, O. A., et al. (2025). *Education in Figures: 2025: A Brief Statistical Compendium*. Moscow: ISIEZ HSE, 136 pp.
9. Pashkova, Ya. A., & Gaidar, K. M. (2025). Resources and problems of the student family: A socio-psychological analysis. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Issues of Higher Education*, (1), pp. 42–47. EDN: https://elibrary.ru/WORTYW
10. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2025). Order No. 807 of October 30, 2025 "On Approval of Recommendations for Supporting Student Families". *Legal Reference System "Garant"* [Electronic resource]. Retrieved from: https://base.garant.ru/413018013/?ysclid=mjex0o2382188256504 (accessed: 25.01.2026).
11. Ustinkin, S. V., & Nikitin, A. V. (Eds.). (2024). *The Problem of Youth's Trust in Public and State Institutions in the Context of Ensuring National Security During a Special Military Operation (Regional Aspect): A Monograph*. Nizhny Novgorod: NGLU, 374 pp.
12. Razgildyaeva, M. B. (2025). Legal aspects of forming modern state demographic policy. *Society: Politics, Economics, Law*, (7), pp. 176–183. https://doi.org/10.24158/pep.2025.7.23. EDN: https://elibrary.ru/UZHNWS
13. Government of the Russian Federation. (2025). Decree No. 615-r of March 15, 2025 "On Approval of the Strategy for Implementing Family and Demographic Policy, Supporting Large Families in the Russian Federation Until 2036" [Electronic resource]. Retrieved from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/ff6f00b4c5087a436c9a2df72ab18e1bd109886f/ (accessed: 25.01.2026).
14. *Regional Project "Family Support" of the National Project "Family"* [Electronic resource]. Retrieved from: https://portal.yarregion.ru/depts-dtspn/activity/proekt-semya-podderzhka-semi/ (accessed: 25.01.2026).
15. Rostovskaya, T. K., Knyazkova, E. A., & Shirshova, T. M. (2022). The student family as an object of scientific research: (A review of scientific studies on student families). *Alma Mater (Bulletin of Higher Education)*, (11), pp. 106–113. https://doi.org/10.20339/AM.11-22.106. EDN: https://elibrary.ru/DPNJUA
16. Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N., & Nikolsky, V. S. (2024). Parameters of well-being of the student family in modern Russia: Key problems and search for resources. *Higher Education in Russia*, 33(7), pp. 15–31. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31. EDN: https://elibrary.ru/DGYWQL

17. Rostovskaya, T. K. (2024). *Student Family in Russia: Barriers and Opportunities for Well-Being: A Monograph*. Ivanovo: Ivanovo State University, 472 pp. ISBN: 978-5-7807-1456-9. EDN: https://elibrary.ru/NIKQQJ
18. Terbezhekov, K. K. (2023). Foreign experience of social support and protection of the family. *Education and Law*, (2), pp. 352–356. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-2-352-356. EDN: https://elibrary.ru/ABHNKZ
19. Russian Federation. (2020). Federal Law No. 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation" [Electronic resource]. Retrieved from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (accessed: 25.01.2026).
20. Andrade, J. L., & Cunha, M. (2019). PNS12: The impact of the postponement of maternity on women's income in Brazil. *Value in Health Regional Issues*, 19, Article no. S65.
21. Becker, G. S. (1991). *A Treatise on the Family* (Enlarged ed.). Cambridge, MA; London: Harvard University Press, XII, 424 pp.
22. Chaijaroen, P., & Panda, P. (2023). Women's education, marriage, and fertility outcomes: Evidence from Thailand's compulsory schooling law. *Economics of Education Review, 96*. https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2023.102440. EDN: https://elibrary.ru/GTFUYR
23. Gebel, M., & Heyne, S. (2016). Delayed transitions in times of increasing uncertainty: School-to-work transition and the delay of first marriage in Jordan. *Research in Social Stratification and Mobility, 46* (Part A), pp. 61–72.
24. Kim, H. W., & Kim, S. Y. (2023). Gender differences in willingness for childbirth, fertility knowledge, and value of motherhood or fatherhood and their associations among college students in South Korea, 2021. *Archives of Public Health, 81*(1), Article no. 110. https://doi.org/10.1186/s13690-023-01127-x. EDN: https://elibrary.ru/DMDAPE

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ледянкина Ксения Юрьевна, студент

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ул. Республиканская, 108/1, г. Ярославль, 150000, Российская Федерация
ledyankina10@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ksenia Yu. Ledyankina, student

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
108/1, Respublikanskaya Str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation
ledyankina10@yandex.ru

Поступила 05.03.2026 Received 05.03.2026
После рецензирования 21.03.2026 Revised 21.03.2026
Принята 28.03.2026 Accepted 28.03.2026

Социология культуры / Sociology of Culture

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-310 **EDN: OFUDCR**
УДК 316.4

Гендерный фактор при выборе инженерных профессий современными юношами и девушками

Е.В. Баранова[1], Ю.Р. Гуро-Фролова[2], Е.В. Киселева3, Е.Г. Соколова[4]
[1,2,4]Волжский государственный университет водного транспорта, Нижний Новгород, Российская Федерация
[3]Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена социально значимой проблеме влияния гендерных стереотипов общества на профессиональную ориентацию юношей и девушек при поступлении в технический вуз. Одним из приоритетных направлений современной политики правительства России в области высшего образования является подготовка инженерных кадров страны, популяризация инженерных профессий в разных сферах. Исследование данного вопроса проводилось авторами в форме анкетного опроса на базе ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта», г. Нижний Новгород (далее по тексту - ФГБОУ ВО «ВГУВТ»). Предметом исследования являются гендерные стереотипы в восприятии «традиционно мужских» специальностей обучающимися-девушками и обучающимися-юношами.

Цель. Авторы ставят целью изучить гендерные различия при выборе стереотипно «мужских» специальностей в техническом вузе обучающимися-девушками и обучающимися-юношами на примере инженерных специальностей (например, судоводитель, судовой механик, радист и т.п.).

Методология проведения работы. Основу исследования образуют статистические и математические методы сбора и обработки информации. Анкетный опрос являет собой эмпирическое, описательное исследование, проведенное посредством специально разработанных электронных опросных форм в сети Интернет на платформе Яндекс.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что авторы выявили основные гендерно обусловленные факторы, влияющие на выбор будущей профессии студенческой молодежью, а также на восприятие стереотипно «мужских» специальностей девушками на современном этапе развития общества. Кроме того,

авторы выяснили степень стереотипности отношения юношей, получающих высшее инженерное образование, к выбору инженерных и эксплуатационных специальностей девушками. Статистический анализ полученных данных показал, что степень гендерной стереотипности в выборе инженерных специальности в транспортном вузе среди обучающихся женского пола довольно низкая, и инженерные профессии набирают популярность у абитуриентов-девушек. Обработка данных позволила прийти к выводу о более высокой степени гендерной стереотипности у студентов-юношей по сравнению с девушками.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы с целью социологической оценки уровня гендерной стереотипизации в представлении современной молодежи о профессиях инженерного профиля. Количественные и качественные показатели гендерных различий при выборе стереотипно «мужских» специальностей в техническом вузе обучающимися-девушками и обучающимися-юношами имеют практическую значимость для понимания причин, влияющих на выбор будущей профессии, для изменения отношения общества к гендерным стереотипам в вопросе профессиональной ориентации молодого поколения, для акцентирования внимания на особенностях профессионального становления в транспортной сфере на примере девушек. Полученные данные могут стать основой для создания в технических вузах оптимальных педагогических условий, способствующих личностной самореализации и профессиональной самоидентичности студента с учетом гендерного фактора, что, в свою очередь, повысит эффективность процесса профессиональной подготовки будущих специалистов-инженеров (как юношей, так и девушек).

Ключевые слова: гендерные различия; инженерные профессии; транспортный профиль; стереотип; девушки; юноши

Для цитирования. Баранова, Е. В., Гуро-Фролова, Ю. Р., Киселева, Е. В., & Соколова, Е. Г. (2026). Гендерный фактор при выборе инженерных профессий современными юношами и девушками. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 27-47. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-310

Gender factor in the choice of engineering professions by modern young men and young women

E.V. Baranova[1], Y.R. Guro-Frolova[2], E.V. Kiseleva[3], E.G. Sokolova[4]
[1,2,4]Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russian Federation
[3]Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract

Background. The article covers the problem of gender stereotype impact on the professional orientation of modern young men and young women entering an engineering

university. One of the priorities of the Russian government policy in the field of higher education is engineering personnel training, popularization of engineering professions in various fields. The study of this issue was conducted by the authors in the form of a questionnaire survey carried out in Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod (hereinafter referred to as VSUWT). The subject of the study is gender stereotypes in the perception of «traditionally male» specialties in a technical university by female and male students.

Purpose. The authors aim to study gender differences in the choice of stereotypically «male» specialties in a technical university by female and male students on the example of engineering specialties (for example, navigator, engineer, radio operator, etc.).

Methodology. The research is based on statistical and mathematical methods of collecting and processing information. A questionnaire survey is an empirical, descriptive study carried out by means of specially designed electronic survey forms on the Internet using Yandex platform.

Results. Main gender-related factors influencing student future profession choice were identified, as well as the perception of stereotypically «male» specialties by female students at the current stage of society development. The authors determined the degree of stereotypical attitude of young men obtaining higher engineering education in the transport sphere to the choice of engineering and operational specialties by female students – young women. Statistical analysis of the data obtained showed that the degree of gender stereotyping in choosing a specialty in a transport university among female students is quite low, and engineering professions are gaining popularity among female applicants. Data processing also led to the conclusion that male students have higher degree of gender stereotyping compared to female students.

Practical implications. The results of the study can be applied for the purpose of sociological assessment of gender stereotyping level in the perception of modern youth concerning engineering professions. Quantitative and qualitative indicators of gender differences in the choice of stereotypically «male» specialties at an engineering university by female and male students are of practical importance for understanding the reasons influencing the choice of a future profession, for changing society's attitude to gender stereotypes in the issue of professional orientation of the younger generation, for focusing on the specifics of professional development in the transport sector on the example of young women. The data obtained can become the basis for developing optimal pedagogical conditions in technical universities that promote personal self-realization and professional self-identity of a student, considering gender factor, which, in turn, will increase the efficiency of future engineers professional training (referred to both young men and young women).

Keywords: gender differences; engineering professions; transport profile; stereotype; young women; young men

For citation. Baranova, E. V., Guro-Frolova, Y. R., Kiseleva, E. V., & Sokolova, E. G. (2026). Gender factor in the choice of engineering professions by modern young men and young women. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 27-47. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-310

Введение

В настоящее время, отличающееся кардинальными изменениями, и не всегда позитивными, во всех сферах жизнедеятельности человека остро встают вопросы личностного самоопределения, и одним из важнейших является вопрос выбора будущей профессии представителями молодого поколения. Как известно, одним из факторов выбора абитуриентами направления подготовки или специальности в вузе является давно сформированное в нашем обществе стереотипное представление о традиционно «мужских» и «женских» профессиях [1; 5; 8]. В последние годы обращает на себя внимание тот факт, что такие стереотипы меняются и даже нивелируются.

С давних времен инженерные специальности транспортного профиля, например судоводитель или судомеханик, относились к категории «только для мужчин». Однако, согласно недавним статистическим данным Минтруда России, профессии в сфере морского и речного судоходства вызывают достаточно большой интерес среди женщин в связи с высокой заработной платой, их престижностью и востребованностью специалистов водного транспорта не только в России, но и на международном рынке труда [2; 6; 16; 18]. Следует отметить отсутствие исследований данного вопроса касательно студентов вузов транспортного профиля, где широко представлены инженерные и эксплуатационные специальности, до недавнего времени считающиеся абсолютно «мужскими», но на которых из них появляется все больше девушек. Таким образом, представляется важным выяснить гендерные различия в восприятии стереотипно «мужских» специальностей обучающимися технического вуза транспортного профиля. Гендерные различия при выборе стереотипно «мужских» специальностей в транспортном вузе обучающимися-девушками и обучающимися-юношами на примере инженерных и

эксплуатационных специальностей выступают в качестве предмета исследования. Объектом исследования являются девушки и юноши, обучающиеся инженерным и эксплуатационным специальностям (судоводитель, судовой механик, радист и электромеханик) в ФГБОУ ВО «ВГУВТ».

Социологическая проблема стереотипного деления профессий на «мужские» и «женские» имеет свою историю. Вопрос гендерных стереотипов, представляющих собой совокупность социальных и культурных норм, устойчивых стандартизованных представлений о моделях поведения и чертах характера людей в зависимости от их биологического пола, и, в связи с этим, деление профессий на «мужские» и «женские», стал актуальным в западных странах и России во второй половине XX века [4; 11; 14]. Согласно зарубежным источникам, гендерная стереотипизация в обществе является крайне интересным объектом многих западных исследований как в области социологии, так и психологии. Изначально ученые рассматривали причины и источники появления гендерных стереотипов. Важно отметить, что целью некоторых исследований с точки зрения мыслительных и физических возможностей в зависимости от половой принадлежности человека было оправдание гендерных стереотипов в социуме [18; 19]. В начале XXI века данная проблема приобрела широкий научный охват, произошли изменения в восприятии роли женщины в политике, экономике и других сферах. На законодательном уровне в западных странах женщинам предоставили равные права в вопросах трудоустройства, появились исследования и обсуждения влияния гендерной дифференциации на профессиональную ориентацию молодежи [18; 21; 22].

Анализ отечественных работ указывает на первичный интерес психологов к проблеме гендерных стереотипов. Далее, на основе отечественных и зарубежных источников, гендерный фактор стал предметом социологических исследований и других наук [9]. С середины 1950-х годов появился список профессий, запрещенных для женщин. В 2000 году он насчитывал 456 «неженских» профессиональных позиций [17]. В январе 2021 года список сократили до 98

профессий. Несмотря на положительные изменения в виде научных выводов и государственных гарантий о равных возможностях мужчин и женщин выполнять разные виды работы, в начале XXI века женщинам в России было сложнее добиться карьерного роста в некоторых стереотипно «мужских» сферах профессиональной деятельности по сравнению с западными странами [7]. Соответствующие поправки в приказ Минтруда России вступили в силу 13.05.2021 года [15]. Таким образом, в настоящее время наблюдается тенденция к уравниванию прав женщин и мужчин в рамках профессиональной деятельности со стороны государства, так и со стороны взрослого работающего населения [10; 13]. Однако, долгое существование стереотипов о профессиях повлияло на профессиональную ориентацию абитуриентов-девушек [3; 12].

Вопрос гендерной стереотипности недостаточно изучен на данный момент времени применительно к развитию профессиональной самоидентичности и выбору будущей профессии юношами и девушками, планирующими получать высшее образование в узко профильных вузах. Данный вывод позволил нам сформулировать цель исследования - изучить гендерные различия при выборе стереотипно «мужских» специальностей в транспортном вузе обучающимися-девушками и обучающимися-юношами на примере инженерных и эксплуатационных специальностей ФГБОУ ВО «ВГУВТ».

Для проведения исследования были сформулированы задачи: а) провести анализ нормативных документов, научной литературы по теме исследования; б) разработать электронный опросник для проведения анкетирования; в) провести анкетный опрос на платформе Яндекс (Яндекс. Формы); г) обработать полученные данные и сформулировать выводы по проведенному исследованию.

Материалы и методы

Проведенный анкетный опрос представляет собой эмпирическое исследование посредством сбора необходимых данных с целью их статистической и математической обработки – электронный

опрос, проводимый в таргет-группах респондентов (студентов транспортного профиля), дифференцированных по половой принадлежности, направлению подготовки (специальности) и году их обучения. Социологическое исследование проводилось поэтапно. В процессе подготовительного этапа была изучена информация в научных отечественных и зарубежных источниках по теме исследования с целью его теоретического, методологического и практического обоснования; изучены и проанализированы нормативные документы по теме; разработан электронный опросник. Основной этап исследования включал непосредственное проведение анкетного опроса, сбор информации, математический и статистический анализ полученных данных, формулирование выводов по итогам эксперимента, а также визуально-графическое представление результатов в виде статистических шкал, диаграмм и таблицы ответов формата Excel. Электронное анкетирование проводилось среди студентов Института «Морская академия» ФГБОУ ВО «ВГУВТ». В опросе приняли участие 245 респондентов, из них 230 человек (93,9%) – юноши и 15 человек (6,1%) – девушки. Следует отметить ограниченность эмпирической базы исследования в связи с опросом в рамках одного факультета в рассматриваемом нами вузе. Также небольшое количество девушек обусловлено добровольной основой участия студентов в исследовании.

Результаты и обсуждение

В результате проведения анкетного опроса были получены и обработаны данные о распределении респондентов по курсам (году обучения), которые представлены в диаграмме на рисунке 1.

Данные о распределении респондентов по специальностям представлены в таблице 1.

Кроме того, респонденты указали информацию о месте своего постоянного проживания (город-миллионник, небольшой город, сельская местность). Процентное соотношение представлено в диаграмме на рисунке 2.

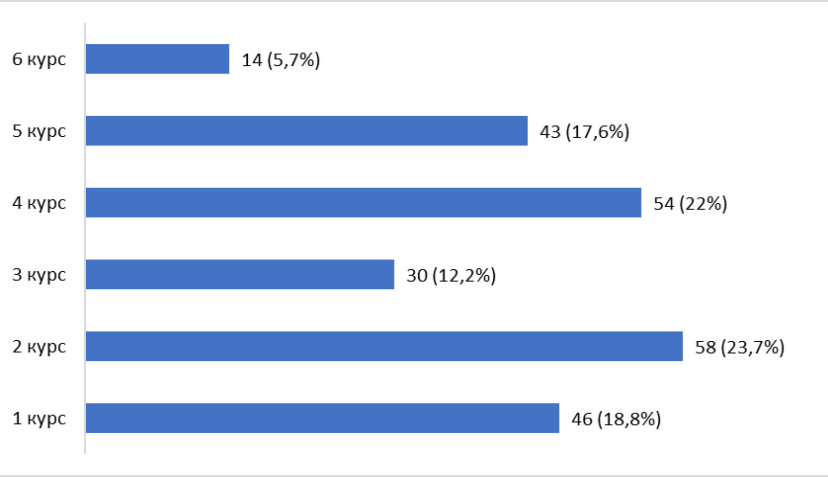

Рис. 1. Распределение респондентов по курсам (год обучения в вузе)
Fig. 1. Distribution of respondents by academic year

Таблица 1.

Распределение респондентов по специальностям
Table 1. Distribution of respondents by major

Специальность	**Количество респондентов**
26.05.05 Судовождение	171 (69,8%)
26.05.06 Эксплуатация судовых энергетических установок	23 (9,4%)
26.05.07 Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики	40 (16,3%)
26.05.03 Техническая эксплуатация радиооборудования	11 (4,5%)

Подсчёт количества обучающихся-девушек на инженерных и эксплуатационных специальностях ФГБОУ ВО «ВГУВТ» показал, что по данным 2024-2025 уч. гг. такие специальности, как 26.05.05 «Судовождение» и 26.05.03 «Техническая эксплуатация радиооборудования» самые популярные среди обучающихся-девушек. Общее количество представительниц женского пола по специальности «Судовождение» - 12 человек и по специальности «Техническая эксплуатация радиооборудования» - 11 человек. По специальности 26.05.07 «Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики» обучается одна девушка. На специальности 26.05.06

«Эксплуатация судовых энергетических установок» обучающиеся-девушки отсутствуют. Данные представлены в таблице 2.

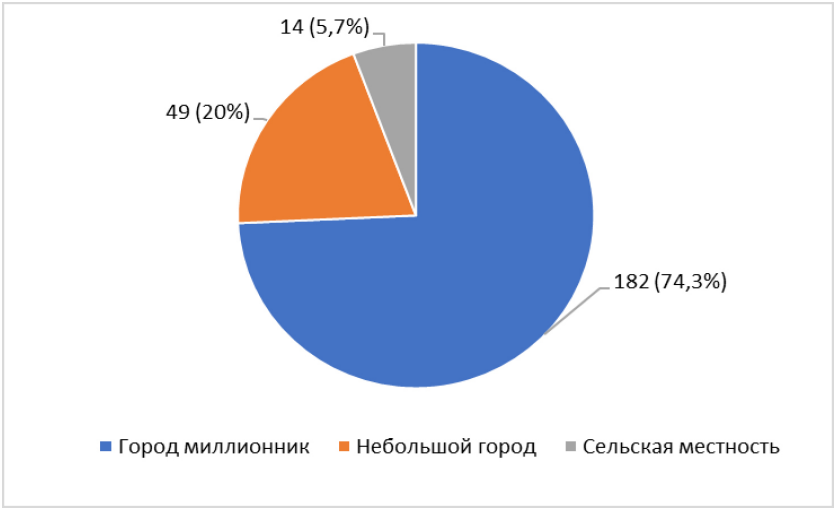

Рис. 2. Место проживания респондентов
Fig. 2. Respondents' place of residence

Таблица 2.

Количество обучающихся-девушек на инженерных и эксплуатационных специальностях ФГБОУ ВО «ВГУВТ» (данные на 2024-2025 уч. гг.)

Table 2. Number of female students in engineering and operations programs at the Volga State University of Water Transport (data for the 2024–2025 academic years)

Специальность	Курс	Обучающиеся-девушки (чел.)	Общее количество обучающихся-девушек по специальности
26.05.05 Судовождение	1	1	12
	2	3	
	3	3	
	4	2	
	5	2	
	6	1	
26.05.06 Эксплуатация судовых энергетических установок	1	0	0
	2	0	
	3	0	
	4	0	
	5	0	
	6	0	

26.05.07 Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики	1	0	1
	2	0	
	3	0	
	4	1	
	5	0	
	6	0	
26.05.03 Техническая эксплуатация радиооборудования	1	1	11
	2	1	
	3	1	
	4	3	
	5	5	
	6	0	

Респондентам был задан вопрос относительно причины выбора специальности. Среди предложенных вариантов самый большой процент оказался у критериев «высокооплачиваемая профессия» (23%), «интересная специальность/профессия» (21,9%) и «возможность посмотреть мир/страну» (19%).

Рис. 3. Критерии, повлиявшие на выбор специальности
Fig. 3. Factors that influenced the choice of major

Наименее важными критериями среди респондентов были выбраны «все родственники работают по этой специальности» (2,2%), «проще работать в команде с мужчинами» (1,6%) и «выбор женщиной «мужской» профессии - быть вне стереотипов» (0,9%). Данные представлены в диаграмме на рисунке 3.

Был задан вопрос, собираются ли в дальнейшем респонденты работать по специальности. Из 245 ответов положительно ответили 188 человек (76,7%), отрицательно ответили 15 человек (6,1%), не высказали уверенности 42 человека (17,1%). В связи с этим респонденты должны были оценить свою уверенность в процентном соотношении, что они будут работать по специальности всю свою профессиональную жизнь. Был получен результат, что 75% уверенности высказали 39,2% респондентов, 100% уверенность у 22,4%, 50% уверенности принадлежит 21,2%. Незначительное количество респондентов (10,6%) выразило 25% уверенности, а 6,5% совсем не уверены, в том, что будут работать по специальности. Данные представлены в диаграмме на рисунке 4.

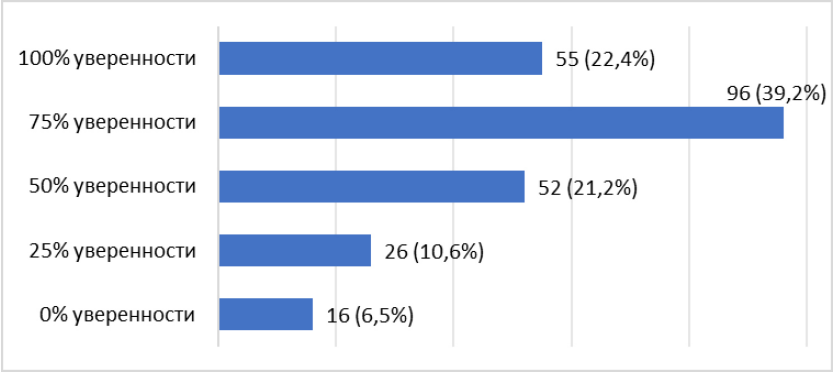

Рис. 4. Процентное соотношение уверенности в работе по специальности
Fig. 4. Percentage of confidence in working in one's field

Одним из важных вопросов для респондентов был связан с одобрением друзей, родителей, близких родственников выбора будущей профессии. По результатам виден значительный процент (81,6%) одобрения близких людей выбора инженерной профессии

юношами и девушками. Ответы представлены в виде диаграммы на рисунке 5.

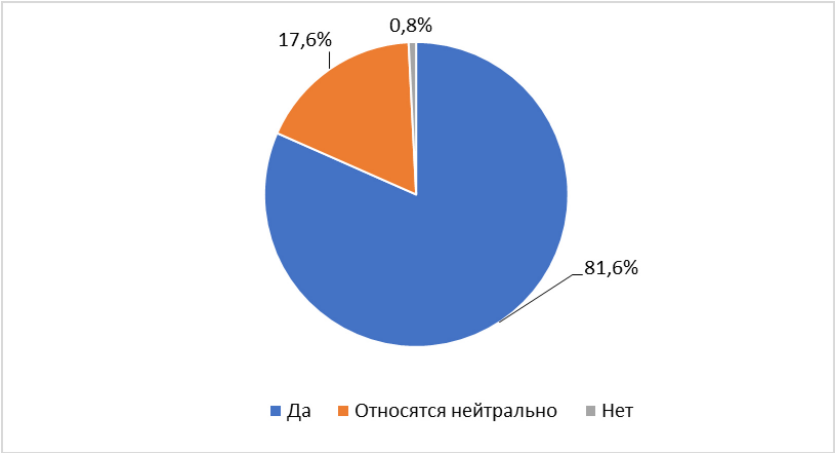

Рис. 5. Одобряют ли Ваши друзья (родители, близкие родственники) Ваш выбор?
Fig. 5. Do your friends (parents, close relatives) approve of your choice?

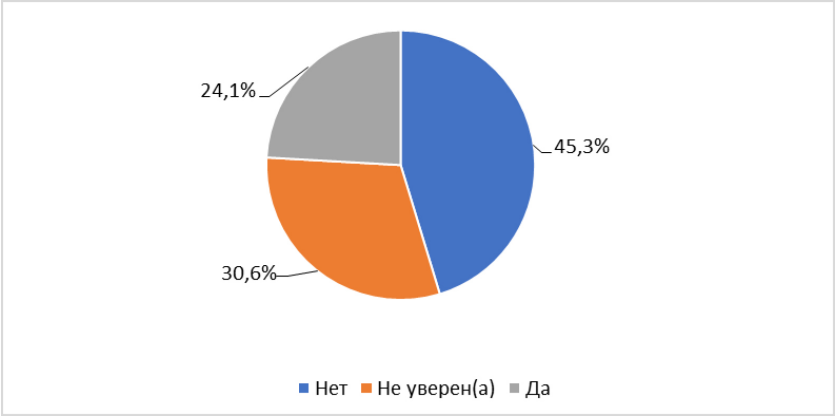

Рис. 6. Посоветуете ли Вашу специальность/профессию представительницам женского пола?
Fig. 6. Would you recommend your field of study or profession to women?

В рамках данного исследования необходимо было выяснить посоветуют ли респонденты свою специальность/профессию представительницам женского пола. Были получены следующие результаты,

представленные в диаграмме на рисунке 6, на котором видно, что лишь 24,1% респондентов посоветуют свою инженерную специальность девушкам, 30,6% не уверены в этой необходимости, а 45,3% опрошенных дали отрицательный ответ.

Интересными оказались ответы на вопрос, касающийся реальных ситуаций при прохождении практики в профессиональном коллективе. Необходимо было выяснить, встречались ли респонденты с примерами, перечисленными в таблице 3. При 34,5% респондентов, не сталкивающихся ни с одной из предложенных ситуаций, 20,2% отметили, что женщинам физически сложно выполнять отдельные виды работ, которые легко выполняют мужчины, а 11,6% акцентировали внимание на неуверенности коллег-мужчин в том, что коллега-женщина сможет выполнить ту или иную задачу.

Таблица 3.

Сталкивались ли Вы со следующими примерами в профессиональном коллективе в ходе прохождения практики?

Table 3. Have you encountered the following situations in your professional team during your internship?

№	Примеры из практики	%
1	Женщинам физически сложно выполнять отдельные виды работ, которые легко выполняют мужчины	20,2%
2	Неуверенность коллег-мужчин в том, что коллега-женщина сможет выполнить ту или иную задачу	11,6%
3	Выбор работодателем работника мужского пола при найме на работу	6,9%
4	Недоверие к коллеге-женщине со стороны коллег-мужчин	6,4%
5	Женщинам сложно общаться и обсуждать отдельные вопросы с коллегами-мужчинами	6,2%
6	Назойливые, а иногда некорректные знаки внимания коллег-мужчин к коллеге-женщине, отвлекающие от работы	5,4%
7	Дискриминация со стороны коллег-мужчин к коллегам-женщинам	3,9%
8	Работнику-мужчине предлагалась более высокая заработная плата	2,7%
9	Другое	2,2%
10	Не сталкивался(ась) ни с чем вышеперечисленным	34,5%

Респондентам также было предложено представить ситуацию, если бы их дочь выбрала «мужскую» специальность и согласились бы они с этим. Согласными оказались 28,6% при несогласных 46,5%

респондентов и неуверенных в выборе 24,9% опрошенных. Результаты представлены в диаграмме на рисунке 7.

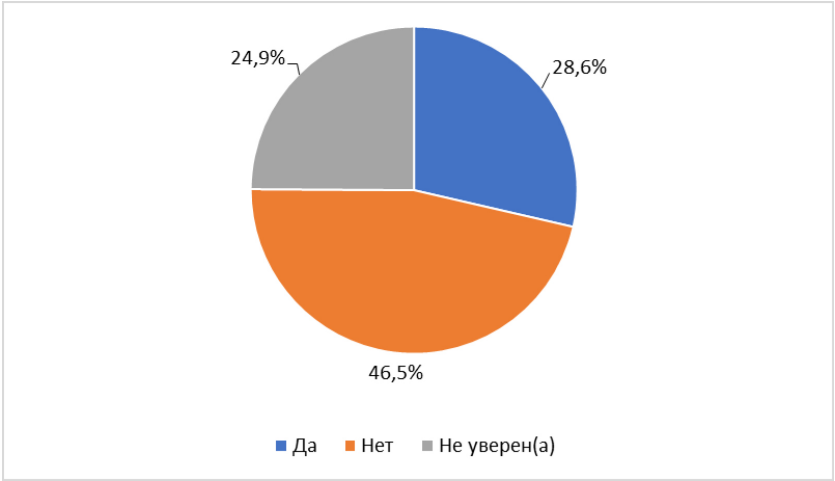

Рис. 7. Оценили бы выбор Вашей дочери выбрать Вашу профессию/специальность?
Fig. 7. Would you approve of your daughter choosing your profession or field of study?

Таблица 4.
Почему женщине сложно сделать карьеру в стереотипно «мужской» профессии?
Table 4. Why is it difficult for women to advance in a stereotypically "male" profession?

№	Причина	%
1	Большая физическая нагрузка	47,3%
2	Слабая стрессоустойчивость женщин	18,9%
3	Стереотипы общества по отношению к женскому труду	17,3%
4	Семья для женщины важнее, чем карьера	11,3%
5	Сложность в поиске работы	5,4%

Кроме того, респонденты высказали своё мнение по поводу причин, которые препятствуют построить карьеру женщине в стереотипно «мужской» профессии. Было получено 185 ответов, которые можно разделить на пять групп. Первая группа (47,3%) отмечает большую физическую нагрузку, вторая группа (18,9%) - слабую стрессоустойчивость женщин, третья группа (17,3%) - стереотипы общества по отношению к женскому труду. Семья для женщины

важнее, чем карьера считают 11,3% и сложность в поиске работы 5,4% респондентов. Ответы представлены в таблице 4.

Заключение

По результатам выполненной НИР сделаны следующие выводы:

1. Количественная оценка ответов студентов инженерных и эксплуатационных специальностей ФГБОУ ВО «ВГУВТ» электронного опросника показывает наличие стереотипного деления профессий на «мужские» и «женские» среди студентов-юношей.

2. Согласно подробному анализу ответов респондентов-девушек, студентки, выбравшие будущую профессию судоводителя, электромеханика или радиста, получили одобрение семьи и друзей. Основными причинами их выбора послужили такие факторы, как престижность и высокая зарплата в транспортной сфере, интерес к работе на водном транспорте, а также семейные традиции в выборе места работы.

3. Такие факторы, как высокооплачиваемая профессия, интересная специальность и возможность посмотреть мир оказывают значительное влияния на современных девушек при выборе ими будущей профессии, считающейся мужской.

4. Сравнительный анализ полученных данных показывает минимизацию гендерной стереотипности при выборе специальности в транспортном вузе среди обучающихся-девушек. Особо популярны у девушек направления подготовки 26.05.05 «Судовождение» и 26.05.03 «Техническая эксплуатация радиооборудования».

5. На основании полученных ответов по поводу реальных ситуаций при прохождении практики в профессиональном коллективе, отмечается высокий процент ответов, подтверждающих, что женщинам физически сложно выполнять отдельные виды работ. Кроме того, респонденты акцентировали внимание на неуверенности коллег-мужчин в том, что коллега-женщина выполнит ту или иную задачу.

6. Полученные данные позволяют сделать вывод, что выбор инженерной специальности в транспортном вузе набирает популярность у девушек. У студентов-юношей отмечается более высокая степень гендерной стереотипности.

Список литературы

1. Ариничева, О. В., Зюба, Т. В., & Малишевский, А. В. (2020). Влияние половых различий на надёжность профессионального психологического отбора авиационных специалистов. *Надёжность, 20*(1), с. 39–46. https://doi.org/10.21683/1729-2646-2020-20-1-39-46. EDN: https://elibrary.ru/EKANZQ
2. Болдырева, Е. В. (2025). Гендерные установки и их влияние на компоненты субъективного карьерного успеха женщин в инженерных профессиях. В: *Цифровое общество: научные инициативы и новые вызовы: сборник научных трудов по материалам XIV Международной научно-практической конференции (Москва, 16 июня 2025 г.)* (с. 47–53). Москва: АНО ДПО «Университет ИТБО». EDN: https://elibrary.ru/CNERGZ
3. Валяева, А. А. (2021). Содержание представлений о мужских и женских профессиях у молодёжи и у лиц среднего возраста. В: *Международный научно-образовательный форум «Педагогика XXI века: вызовы и решения». Международная конференция «Приоритеты и стратегические направления развития педагогического образования в эпоху 4.0»: материалы форума и конференции. В 2-х томах (Томск, 19–24 апреля 2021 г.), Т. 1* (с. 253–257). Томск: Томский государственный педагогический университет. EDN: https://elibrary.ru/REKAFI
4. Васильченко, Н. А. (2020). Женщины в экстремальных профессиях: история и современность. В: *Личность курсанта: психологические особенности бытия: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Краснодар, 20–21 ноября 2019 г.), Т. 2* (с. 314–323). Краснодар: Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова. EDN: https://elibrary.ru/YYZSLJ
5. Замятнина, Е. С. (2017). Гендерные различия при выборе специальности в вузе в современной России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, (3)* (139), с. 163–176. https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.11. EDN: https://elibrary.ru/XBYZBV
6. Инженерная профессия для женщин: институциональные барьеры входа (2025). *Terra Economicus, 23*(3), с. 97–113. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2025-23-3-97-113. EDN: https://elibrary.ru/OXMLFM
7. Калабихина, И. Е. (2017). Новые подходы к измерению представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России. *Женщина в российском обществе, (1)* (82), с. 5–16. https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.1.1. EDN: https://elibrary.ru/YGSNSF
8. Коваленко, Е. С. (2022). Не профессия выбирает человека, а человек профессию: роль ценностных ориентаций личности в выборе профессии. В: *Профессиональное самоопределение молодёжи инновационного региона: проблемы и перспективы: сборник статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (Красноярск, 15–29 ноября 2021 г.)* (с. 149–

152). Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. EDN: https://elibrary.ru/QKYRRQ

9. Козлитина, Д. Д. (2024). Гендерные аспекты выбора профессии в России: анализ мотивов женщин. *Вестник Башкирского государственного медицинского университета, (6)*, с. 122–126. EDN: https://elibrary.ru/RBJRFY
10. Корниенко, О. Ю. (2014). Мужская карьера. Какие профессии выбирают мужчины. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, (6-2)*, с. 206–208. EDN: https://elibrary.ru/SIHDKN
11. Кручинина, Е. А. (2021). Дискриминация женщин в выборе профессий по гендерному признаку. *Форум молодых учёных, (6)* (58), с. 427–428. EDN: https://elibrary.ru/RLVGPR
12. Кузнецова, К. С. (2019). Проблематика определения женщиной своей профессии. В: *Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: материалы VI Международной научно-практической конференции (Брянск, 8 июня 2019 г.)* (с. 53–55). Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского. EDN: https://elibrary.ru/HCRJOQ
13. Михайлова, Е. А. (2016). Реализация профессионального потенциала российских женщин: социологическое измерение. *Женщина в российском обществе, (3)* (80), с. 25–38. https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.3. EDN: https://elibrary.ru/WWJPKL
14. Попова, В. (2015). Мужской фрак для современной женщины. *Инженерно-педагогический вестник: лёгкая промышленность, (1-4)*, с. 17–31. EDN: https://elibrary.ru/ZHFSOF
15. Приказ Минтруда России от 13.05.2021 № 313н. https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2002
16. Скальская, О. Н. (2017). Женщины в сложных профессиях. Женщины в море. В: *Проблемы транспорта Дальнего Востока: доклады научно-практической конференции, Т. 1* (с. 476–489). EDN: https://elibrary.ru/YXOTNR
17. Шведова, Н. А. (2021). Гендерное равенство в меняющемся мире: «Нам нужны большие смелые шаги…». *Женщина в российском обществе, (2)*, с. 90–106. https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.7. EDN: https://elibrary.ru/ZMAAGG
18. Cech, E. (2015). Engineers and Engineeresses? Self-Conceptions and the Development of Gendered Professional Identities. *Sociological Perspectives, (1)* 58, с. 56–77. https://doi.org/10.1177/0731121414556543
19. Ceci, S., Williams, W., & Barnett, S. (2009). Women's underrepresentation in science: sociocultural and biological considerations. *Psychological Bulletin, 135*(2), с. 218. https://doi.org/10.1037/a0014412
20. Historical and philosophical representation of the male gender regime in the process of woman's social status transformation. *Modern Studies of Social Issues, 15*(2), с. 44–63 (2023). https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-2-44-63. EDN: https://elibrary.ru/FGHGOF

21. Lippa, R. (2010). Gender differences in personality and interests: When, where, and why? *Social and Personality Psychology Compass, 4*(11), c. 1098–1110. https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2010.00320.x
22. Saavedra, L., Araújo, A. M., de Oliveira, J. M., & Stephens, C. (2014). Looking through glass walls: Women engineers in Portugal. *Women's Studies International Forum, 45*, c. 27–33. https://doi.org/10.1016/j.wsif.2014.04.005

References

1. Arinicheva, O. V., Zyuba, T. V., & Malishevsky, A. V. (2020). The influence of gender differences on the reliability of professional psychological selection of aviation specialists. *Reliability*, 20(1), pp. 39–46. https://doi.org/10.21683/1729-2646-2020-20-1-39-46. EDN: https://elibrary.ru/EKANZQ
2. Boldyreva, E. V. (2025). Gender attitudes and their influence on components of subjective career success for women in engineering professions. In: *Digital Society: Scientific Initiatives and New Challenges: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference* (Moscow, June 16, 2025) (pp. 47–53). Moscow: ANO DPO "University ITBO". EDN: https://elibrary.ru/CNERGZ
3. Valyaeva, A. A. (2021). Content of ideas about male and female professions among youth and middle-aged people. In: *International Scientific and Educational Forum "Pedagogy of the XXI Century: Challenges and Solutions". International Conference "Priorities and Strategic Directions for the Development of Pedagogical Education in the 4.0 Era": Proceedings of the Forum and Conference*. In 2 vols. (Tomsk, April 19–24, 2021), Vol. 1 (pp. 253–257). Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. EDN: https://elibrary.ru/REKAFI
4. Vasilchenko, N. A. (2020). Women in extreme professions: History and modernity. In: *Cadet's Personality: Psychological Features of Being: Proceedings of the X All-Russian Scientific and Practical Conference* (Krasnodar, November 20–21, 2019), Vol. 2 (pp. 314–323). Krasnodar: Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov. EDN: https://elibrary.ru/YYZSLJ
5. Zamyatnina, E. S. (2017). Gender differences in choosing a major at university in modern Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3) (139), pp. 163–176. https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.11. EDN: https://elibrary.ru/XBYZBV
6. Engineering as a profession for women: Institutional barriers to entry. (2025). *Terra Economicus*, 23(3), pp. 97–113. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2025-23-3-97-113. EDN: https://elibrary.ru/OXMLFM
7. Kalabikhina, I. E. (2017). New approaches to measuring the representation of women in STEM education and STEM employment in Russia. *Woman in Russian Society*, (1) (82), pp. 5–16. https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.1.1. EDN: https://elibrary.ru/YGSNSF

8. Kovalenko, E. S. (2022). It is not the profession that chooses the person, but the person who chooses the profession: The role of personal value orientations in career choice. In: *Professional Self-Determination of Youth in an Innovative Region: Problems and Prospects: Collection of Articles Based on the Materials of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference* (Krasnoyarsk, November 15–29, 2021) (pp. 149–152). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University. EDN: https://elibrary.ru/QKYRRQ
9. Kozlitina, D. D. (2024). Gender aspects of career choice in Russia: Analysis of women's motives. *Bulletin of Bashkir State Medical University*, (6), pp. 122–126. EDN: https://elibrary.ru/RBJRFY
10. Kornienko, O. Yu. (2014). Male career. What professions do men choose? *Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*, (6–2), pp. 206–208. EDN: https://elibrary.ru/SIHDKN
11. Kruchinina, E. A. (2021). Discrimination of women in career choice based on gender. *Forum of Young Scientists*, (6) (58), pp. 427–428. EDN: https://elibrary.ru/RLVGPR
12. Kuznetsova, K. S. (2019). The issue of women defining their professions. In: *Actual Problems of Modern Humanitarian Science: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference* (Bryansk, June 8, 2019) (pp. 53–55). Bryansk: Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky. EDN: https://elibrary.ru/HCRJOQ
13. Mikhailova, E. A. (2016). Realization of the professional potential of Russian women: A sociological measurement. *Woman in Russian Society*, (3) (80), pp. 25–38. https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.3. EDN: https://elibrary.ru/WWJPKL
14. Popova, V. (2015). A man's tailcoat for a modern woman. *Engineering and Pedagogical Bulletin: Light Industry*, (1–4), pp. 17–31. EDN: https://elibrary.ru/ZHFSOF
15. Ministry of Labour of the Russian Federation. (2021). Order No. 313n of May 13, 2021. Retrieved from: https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2002
16. Skalskaya, O. N. (2017). Women in challenging professions. Women at sea. In: *Problems of Transport in the Far East: Reports of the Scientific and Practical Conference*, Vol. 1 (pp. 476–489). EDN: https://elibrary.ru/YXOTNR
17. Shvedova, N. A. (2021). Gender equality in a changing world: "We need big bold steps…". *Woman in Russian Society*, (2), pp. 90–106. https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.7. EDN: https://elibrary.ru/ZMAAGG
18. Cech, E. (2015). Engineers and engineeresses? Self-conceptions and the development of gendered professional identities. *Sociological Perspectives*, (1) 58, pp. 56–77. https://doi.org/10.1177/0731121414556543
19. Ceci, S., Williams, W., & Barnett, S. (2009). Women's underrepresentation in science: Sociocultural and biological considerations. *Psychological Bulletin*, 135(2), p. 218. https://doi.org/10.1037/a0014412
20. Historical and philosophical representation of the male gender regime in the process of woman's social status transformation. *Modern Studies of Social Issues*, 15(2),

pp. 44–63 (2023). https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-2-44-63. EDN: https://elibrary.ru/FGHGOF

21. Lippa, R. (2010). Gender differences in personality and interests: When, where, and why? *Social and Personality Psychology Compass*, 4(11), pp. 1098–1110. https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2010.00320.x
22. Saavedra, L., Araújo, A. M., de Oliveira, J. M., & Stephens, C. (2014). Looking through glass walls: Women engineers in Portugal. *Women's Studies International Forum, 45*, c. 27–33. https://doi.org/10.1016/j.wsif.2014.04.005

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Баранова Екатерина Владимировна, доцент кафедры иностранных языков и конвенционной подготовки, кандидат педагогических наук, доцент
Волжский государственный университет водного транспорта
ул. Нестерова, 5, г. Нижний Новгород, Нижегородская область, 603950, Российская Федерация
baranovavguwt@mail.ru

Гуро-Фролова Юлия Романовна, заведующий кафедрой иностранных языков и конвенционной подготовки, кандидат психологических наук, доцент
Волжский государственный университет водного транспорта
ул. Нестерова, 5, г. Нижний Новгород, Нижегородская область, 603950, Российская Федерация
business_box_2@mail.ru

Киселева Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков
Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
ул. Ильинская, 65, г. Нижний Новгород, Нижегородская область, 603000, Российская Федерация
khellen@mail.ru

Соколова Елена Геннадьевна, доцент кафедры иностранных языков и конвенционной подготовки, кандидат педагогических наук, доцент
Волжский государственный университет водного транспорта
ул. Нестерова, 5, г. Нижний Новгород, Нижегородская область, 603950, Российская Федерация.
egsokolova2013@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Baranova, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Conventional Training

Volga State University of Water Transport
5, Nesterov Str., Nizhniy Novgorod, Nizhniy Novgorod Region, 603950, Russian Federation
baranovavguwt@mail.ru
SPIN-code: 2903-7067
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9081-7924

Yulia R. Guro-Frolova, Head of the Department of Foreign Languages and Conventional Training
Volga State University of Water Transport
5, Nesterov Str., Nizhniy Novgorod, Nizhniy Novgorod Region, 603950, Russian Federation
business_box_2@mail.ru
SPIN-code: 8875-8709
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6048-8576
ResearcherID: AHH-1395-2022
Scopus Author ID: 57555554200

Elena V. Kiseleva, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages
Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering
65, Ilyinskaya Str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603000, Russian Federation
khellen@mail.ru
SPIN-code: 4745-6978
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2969-497X

Elena G. Sokolova, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Conventional Training
Volga State University of Water Transport
5, Nesterov Str., Nizhniy Novgorod, Nizhniy Novgorod Region, 603950, Russian Federation
egsokolova2013@yandex.ru
SPIN-code: 3939-0710
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4006-6840
ResearcherID: X-9787-2019

Поступила 10.02.2026 Received 10.02.2026
После рецензирования 07.03.2026 Revised 07.03.2026
Принята 11.03.2026 Accepted 11.03.2026

Социология культуры / Sociology of Culture

Научная статья
Original article
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-326
EDN: LEOVCD
УДК 316.4

Ценностно ориентированное здравоохранение: качество жизни и равенство

Е.А. Смирнова
Череповецкий государственный университет, Череповец, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Для современной системы здравоохранения характерен кризис доверия. Так, 52% населения РФ недовольны ее оказанием. Также выделяется и «этический лаг» при внедрении NBIC-технологий. Распространенная технократическая модель в основном ориентирована на количественные показатели и объективацию пациента и требует изменений в сторону ценностно ориентированного и человекоцентричного подхода.

Цель – теоретическое обоснование и разработка концептуальной модели эмпатичного биоинтегративного здравоохранения (ЭБЗ) как инновационной парадигмы, гармонизирующей высокие технологии с духовно-нравственными ценностями.

Результаты. Впервые сформулировано понятие этического биоинтегративного здравоохранения, которое основывается на интегральной теории К. Уилбера и концепции «активной эмпатии». Разработаны: авторская концепция электронных баз интегрированных знаний, где клинические данные объединяются с субъективной иерархией ценностей пациента; протоколы эмпатичной коммуникации (правило «трех В»); алгоритмы совместного принятия решений на основе биомаркеров и индивидуальных приоритетов. Определены этические регуляторы (справедливость, обратимость, прозрачность) для снижения рисков техно-стратификации при использовании современных технологий. Установлено, что соединение духовно-нравственного скрининга в клиническую практику повышает комплаентность и субъективное благополучие пациентов.

Область применения результатов. Результаты применимы при проектировании «клиник будущего», разработке государственных стратегий по сокращению цифрового неравенства в медицине, создании интерфейсов медицинских ИИ-систем и в учебных программах по биоэтике.. Модель позволяет перейти от фрагментарной диагностики к холистическому управлению здоровьем, обеспечивая национальную

биобезопасность через сохранение человеческого начала в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: эмпатичное биоинтегративное здравоохранение; активная эмпатия; ценностно ориентированная медицина; человекоцентричный подход; трансгуманизм; биоэтика; конвергенция NBIC-технологий; цифровая медицина; духовно-нравственные ценности; терапевтический альянс

Для цитирования. Смирнова, Е. А. (2026). Ценностно ориентированное здравоохранение: качество жизни и равенство. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 48-71. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-326

Value based health care: quality of life and equality

E.Al. Smirnova
Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

Abstract

Background. Modern healthcare is characterized by a crisis of trust (52% public dissatisfaction in the Russian Federation) and an "ethical lag" in the implementation of NBIC technologies. The existing technocratic model, focused on quantitative indicators and the objectification of the patient, requires transformation towards a value-oriented and human-centered approach.

Purpose. To provide a theoretical justification and develop a conceptual model of Empathic Biointegrative Healthcare (EBH) as an innovative paradigm that harmonizes high technologies with spiritual and moral values.

Results. The concept of EBH, based on K. Wilber's integral theory and the concept of "active empathy," has been formulated for the first time. Within the framework of the model, the following have been developed: an original concept of Electronic Bases of Integrated Knowledge (EBIK), combining clinical data with a hierarchy of patient values; protocols for empathic communication in a digital environment (the "three V's" rule); algorithms for shared decision-making based on biomarkers and personal priorities. Ethical regulators (justice, reversibility, transparency) have been defined to minimize the risks of techno-stratification when using transhumanist technologies. It has been established that the integration of spiritual and moral screening into clinical practice increases patient compliance and subjective well-being (PROMs).

Practical implications. The results are applicable in the design of "clinics of the future," the development of state strategies to reduce digital inequality in medicine, the creation of interfaces for medical AI systems, and in bioethics curricula. The EBH model allows for a transition from fragmented diagnostics to holistic health management, ensuring national biosecurity through the preservation of human essence in the era of digitalization.

Keywords: empathetic bio-integrative healthcare; active empathy; values-based medicine; human-centered approach; transhumanism; bioethics; NBIC technologies convergence; digital health; ethical and spiritual values; therapeutic alliance

For citation. Smirnova, E. A. (2026). Value based health care: quality of life and equality. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 48-71. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-326

Введение

В условиях конвергенции NBIC-технологий и распространении в обществе идей трансгуманизма [1; 11] современная система здравоохранения переживает кризис доверия, который усугубился вызовами пандемии. В обществе сформировался запрос на изменение методов ценообразования на медицинские услуги [2; 3; 5; 6; 14; 17-19]. По данным ВЦИОМ[1] (2025), неудовлетворённость качеством предоставляемых медицинских услуг выражают 52% россиян. Среди основных причин такой неудовлетворенности респонденты выделяют: дефицит квалифицированных кадров и недостаток компетенций медицинских работников (83%), недоступность медицинских услуг (70%) и низкое качество медицинской помощи (23%). Лишь 41% россиян обращаются в государственное лечебно-профилактическое учреждение при возникновении заболевания, что ниже показателя 2006 года (52%). В отношении внедрения искусственного интеллекта в медицинскую практику 43% россиян выражают опасения, полагая, что это может привести к ухудшению здоровья населения (12%), увеличению доли врачебных ошибок (17%) и возрастанию риска нарушения конфиденциальной медицинской информации (18%). Кроме того, каждый пятый респондент (18%) прогнозирует возникновение трудностей во взаимоотношениях между врачами и пациентами, а также предвзятое отношение медицинских работников к пациентам различных возрастных групп (11%).[2]

[1] Здравоохранение в России: мониторинг // Официальный сайт ВЦИОМ. Дата размещения 02.12.2025. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdravookhranenie-v-rossii-monitoring (Дата обращения 01.03.2026)

[2] Нейросеть в белом халате, или новая эра медицины? // Официальный сайт ВЦИОМ. Дата размещения 19.11.2024. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroset-v-belom-khalate-ili-novaja-ehra-mediciny (Дата обращения 01.03.2026)

Эмпатичное биоинтегративное здравоохранение – модель, интегрирующая биологические, технологические и духовно-нравственные аспекты личности на основе интегральной теории К. Уилбера [20], где «активная эмпатия» выступает системообразующим принципом. В основе модели эмпатичного биоинтегративного здравоохранения лежит осмысление интегральной теории К. Уилбера, однако ее оригинальность заключается в выделении и развитии концепции «активной эмпатии» как основного элемента, пронизывающего все уровни интеграции – от биологического до духовно-нравственного. Это позволяет создать человекоцентричный подход к здоровью. Для демонстрации уникальности и преимуществ данной модели, а также для выявления ее отличий от доминирующих и потенциально рискованных парадигм, ниже представлена сравнительная таблица, анализирующая ключевые аспекты технократической модели, трансгуманистических тенденций и эмпатичного биоинтегративного здравоохранения (табл. 1).

Таблица 1.

Сравнительный анализ моделей здравоохранения
Table 1. Comparative Analysis of Healthcare Models

Аспект	Технократическая модель	Трансгуманистический подход и связанные риски	Эмпатичное биоинтегративное здравоохранение (ЭБЗ)
Пациент	Объект («тело-машина») (Foucault, 1963) [11]	Постчеловеческий субъект (Fukuyama, 2004) [12]	Личность как целостный социально-духовный феномен
Знание	Фрагментированное (Bertalanffy, 1968) [13]	Алгоритмическая предвзятость	Интегративное
Этика	Негативная свобода (Beauchamp & Childress) [4]	Этический лаг (Habermas, 2003) [15]	Активная эмпатия и биофилия (Fromm, 1964, 1973) [9,10]
РФ контекст	Доминирование бюрократических и стандартизированных подходов, приводящее к институциональной стигматизации	Потенциальная угроза традиционным ценностям и национальной идентичности через дегуманизацию и унификацию человека	Духовно-нравственная интеграция (Силуянова, 2018) [7]. Соответствие традиционным российским ценностям целостности личности и духовно-нравственного развития

Эмпатичное биоинтегративное здравоохранение представляет собой подход, объединяющий принципы ценностно ориентированного здравоохранения (по М. Портеру – фокус на результатах для пациента относительно затрат [16]) с биоинтегративным видением человека как целого и эмпатическим взаимодействием (авторское определение). В отличие от технократической модели (табл. 1), где пациент воспринимается как «тело-машина», концепция ЭБЗ воспринимает его как социально-духовный феномен. Он ориентирован на достижении наилучших результатов для пациента, с учитом его индивидуальных ценностей, биологических потребностей, психологического состояния, социального окружения и духовной составляющей в контексте эмпатичного и партнерского взаимодействия.

Современный медицинский дискурс обнаруживает ряд критических противоречий, которые можно классифицировать следующим образом. Во-первых, это объективация пациента, заключающаяся в том, что в рамках биомедицинской модели, критикуемой М. Фуко [11], пациент низводится до статуса биологического объекта, что ведет к утрате терапевтического альянса. Во-вторых, - это фрагментация медицинского знания, т.к. специализация препятствует холистическому пониманию здоровья, что в терминах системного подхода снижает общую эффективность медицинского вмешательств [13]. Ну и в-третьих, - это этический лаг. Скорость внедрения искусственного интеллекта и нейротехнологий опережает развитие системы ценностей и норм [8; 15], что способствует возникновению риска «алгоритмической предвзятости» и дегуманизации клинических решений. Основное противоречие заключается в несоответствии идей трансгуманизма, целью которого провозглашается радикальное улучшение человека и потребностью общества в сохранении человеческой сущности как «социально-духовного феномена». В условиях сохранения стигматизации ряда медицинских направлений переход к ЭБЗ, интегрирующей православные этические традиции, становится условием национальной биобезопасности.

В основе представленной концепции здравоохранения находится ориентация на ценности пациента, интегрированной с биоэтическими

принципами, прошедшими изменения от защиты прав к активному расширению возможностей пациента. Потребности пациента воспринимаются как неотъемлемая составляющая его благополучия, а технологии применяются с пониманием этических и экзистенциальных последствий. Такое здравоохранение содействует целостному развитию человека, учитывая его прошлое (историческое отношение к здоровью, методам его поддержания), настоящее (его ценности и духовность) и будущее (потенциал трансгуманизма).

Предложенная концепция обладает потенциалом для восстановления доверия населения к системе здравоохранения и к медицине в целом, а ее ключевой особенностью становится холистический подход, ставящий человека в центр внимания. Он объединяет физическое, психическое, духовное и социальное благополучие человека, учитывая его ценности убеждения. Развитие же трансгуманистических технологий обусловливает необходимость быстрого формирования этической основы регулирующей применение данных технологий. Трансгуманистические технологии – это скорее не набор инструментов для «улучшения» человека, а потенциальные средства, которые должны быть внедрены в систему здравоохранения таким образом, чтобы они способствовали целостному благополучию личности, уважали ее ценности и не подрывали ее человеческую сущность и духовные основы. Это свидетельствует о стремлении к сохранению природы человека и традиционных духовных ценностей.

Целью исследования стало теоретическое обоснование и разработка концептуальной модели эмпатичного биоинтегративного здравоохранения (ЭБЗ) как инновационной парадигмы, гармонизирующей высокие технологии с духовно-нравственными ценностями.

Для достижения поставленной цели были определены следующие *задачи:*

1. проанализировать современное состояние доверия в системе здравоохранения;

2. сформулировать теоретико-методологические основы модели ЭБЗ, базирующиеся на интегральной теории К. Уилбера и концепции

«активной эмпатии» как системообразующего фактора взаимодействия медицинского работника и пациента;

3. осуществить сравнительный анализ основных моделей здравоохранения для выявления их этических, социальных и клинических различий;

4. детерминировать понятийно-категориальный аппарат: ценностно ориентированное здравоохранение (оценка по ценности для пациента, а не по объему услуг [M. Porter, 17]), электронных баз интегрированных знаний (ЭБИЗ) как систему, соединяющую доказательную медицину, поведенческие и социальные детерминанты через эмпатичную коммуникацию (авторское определение), и эмпатично-интегративную клинику будущего;

5. разработать протоколы и механизмы обеспечения эмпатии в условиях цифровизации медицины (например, телемедицина, искусственный интеллект) и алгоритмы совместного принятия решений на основе биомаркеров и индивидуальных ценностей пациента;

6. предложить этические регуляторы и принципы (справедливость, обратимость, прозрачность) для контроля технологий, способствующих расширению возможностей человека и снижению рисков техно-стратификации общества.

Обсуждение и выводы

Мероприятия для поддержания здоровья:

В концепции ЭБЗ здоровье определяется, как динамическая способность адаптироваться в биологической, психологической и социальной сфере с учётом ценностей, а не универсальные нормы (авторское определение). Болезнь - нарушение гомеостаза на разных уровнях, которое снижает выполнение индивидом социальных ролей и занижает личные жизненные ценности (авторское определение). Это позволяет переходить от фрагментарной к холистической диагностике, анализируя биомаркеры с эмоциональными переживаниями, ценностями и сложившимися социальными связями. Эмпатично-интегративная медицинское учреждение будущего реализует это как единое пространство, сочетающее в себе искусственный

интеллект, оказание помощи силами междисциплинарных команд и протоколами эмпатии, основываясь на профилактике и адаптации к возможным изменениям.

Биологический уровень: первичная профилактика (вакцинация по календарю, скрининги по возрасту и риску), управление факторами риска (АД, липиды, глюкоза), индивидуальное питание, управление сном для повышения его качества, дозированная физическая активность (кардио + силовая 2–3 раза в неделю), мониторинг биомаркеров с корректировкой планов.

Психологический уровень: дыхательные практики, развитие когнитивно-поведенческих навыков самопомощи и эмоциональной грамотности, квалифицированная психотерапевтическая поддержка, цифровые дневники самочувствия.

Социальный уровень: укрепление поддерживающих социальных связей, участие в сообществах, работа с факторами среды (свет, шум, воздух), формирование здоровых рабочих мест.

Ценностно-смысловой уровень: практики рефлексии, учет важных для личности ценностей и целей, согласование медицинских планов с жизненными приоритетами, поддержка в принятии решений в сложных жизненных ситуациях.

Организация помощи: создание междисциплинарных команд (врачи различных специальностей, биологи, психологи, специалисты по социальной работе) и координация маршрута пациента, совместные клинические планы, информированное согласие доступное для понимания пациентами, не обладающим медицинскими и юридическими знаниями, защита данных и прозрачность алгоритмов.

Цифровые инструменты: носимые устройства и приложения для мониторинга, телемедицинские визиты, персональные напоминания и адаптивные планы, аналитика данных для раннего выявления отклонений.

Образование и мотивация: краткие обучающие модули, коучинговые сессии, цели по модели SMART, обратная связь по прогрессу.

Использование технологий для персонализированного улучшения здоровья происходит этично, с уважением к автономии и ценностям

пациента, обеспечивая комплексную поддержку и предотвращая неравенство.

Основные принципы концепции:

I. Эволюция биоэтических принципов:

От защиты прав к расширению возможностей. Если раньше биоэтика акцентировала свое внимание на защите пациента от злоупотреблений, то теперь она должна активно способствовать расширению его возможностей для принятия осознанных решений и достижения желаемого качества жизни.

Активное участие и информированное согласие нового уровня, которое становится процессом диалога, учитывающего ценности и понимание пациента.

Новые этические вызовы. Развитие технологий (генетика, ИИ, трансгуманизм) порождает новые этические дилеммы, которые требуют переосмысления существующих принципов и разработки новых.

Баланс между инновациями и человечностью. Технологии должны служить человеку, а не наоборот. Биоэтика помогает найти этот баланс.

II. Духовно-нравственные аспекты неотъемлемая часть благополучия:

Целостность человека. Здоровье – это не только физическое, но и психологическое, социальное и духовное состояние человека. Духовно-нравственные аспекты имеют первостепенное влияние на способность справляться с болезнями. Фундаментальным аспектом в Концепции является признание духовно-нравственной составляющей при принятии решений о применении новых технологий и обеспечение уважительного отношения к духовным потребностям пациентов.

Признание и уважение духовных потребностей. Медицинские работники должны быть готовы обсуждать и учитывать духовные убеждения пациента (религиозные, философские и другие вопросы), обеспечивать доступ к религиозным представителям, молитвенным комнатам и создание атмосферы для пациента, где он будет свободно выражать свои духовные потребности.

Влияние духовности на процесс выздоровления. Такие духовные составляющие как вера, надежда и смысл жизни могут играть важную роль в мотивации пациента к осознанному желанию начать лечение и успешно его завершить (комплаентности), его способности переносить боль и стресс, а также в общем исходе лечения.

Этические границы. Необходимо проводить четкую грань между поддержкой духовных потребностей пациента и навязыванием каких-либо убеждений. Требуется определить чёткие критерии необходимости привлечения духовного консультанта (например, при серьёзных рисках, паллиативной помощи, решениях об отказе/приостановке терапии, при выраженном запросе пациента или его семьи). Разработать и внедрить протоколы скрининга религиозно-духовных потребностей на этапе первичного обследования и при ключевых решениях в терапии.

Необходимо обеспечить гарантии нейтральности и недопущения навязывания убеждений. Необходимо проведение политики, запрещающей навязывание религиозных или иных убеждений со стороны медицинского персонала и других сотрудников. Необходимо обеспечить право пациента выбирать, отказываться или менять духовного консультанта без объяснения причин. Обучать персонал принципам культурной чувствительности, неназидательной коммуникации и разграничению духовной поддержки и проповеди. Для быстрого выявления и своевременного реагирования на все случаи давления или навязывания необходимо внедрить механизмы контроля и жалоб (анонимные и открытые).

Процедуры документирования и согласия. Фиксировать в медицинской документации факт проведения скрининга духовных потребностей и согласие или отказ на привлечение консультанта. Обеспечить участие духовного консультанта исключительно на основе информированного согласия пациента, с объяснением роли консультанта и границ его вмешательства.

Оценка вклада духовной поддержки в исходы. Включить в протоколы исследования и клинической практики соответствующие PROMs и PEI, показатели духовного благополучия, удовлетворённости

поддержкой и восприятия качества принятия решений. Например, уровень духовного благополучия, снижение тревоги/страха, удовлетворённость процессом принятия решений, соответствие ухода ценностям пациента, показатели качества жизни. Осуществлять регулярный сбор данных (до вмешательства, в ходе и в постинтервенционный период) и проводить анализ вклада духовной поддержки в клинические и опытные исходы. Для оценки влияния духовной поддержки на опыт пациента и их семей в программу исследования необходимо включать наряду с количественными методами исследования и качественные методы (интервью, фокус-группы).

Обеспечение равного доступа и культурной релевантности. Обеспечение доступности духовной поддержки для всех пациентов, независимо от религиозной принадлежности или её отсутствия, включая секулярные формы духовной/экзистенциальной поддержки. Разрабатывать ресурсы и обучение, учитывающие культурные и языковые особенности различных групп.

III. Технологии как инструмент, а не цель:

Технологии на службе ценностей. Технологии, такие как искусственный интеллект, телемедицина, устройства, генетическое тестирование, должны использоваться для лучшего понимания проблем пациента, его индивидуального лечения и расширения доступа к информации и услугам, для более эффективного мониторинга состояния.

Глубокое понимание этических и экзистенциальных последствий. Основные вопросы, которые встают перед обществом:

- **Приватность данных и безопасность.** Как обеспечить конфиденциальность больших объемов медицинских данных?
- **Цифровое неравенство.** Как избежать ситуации, когда доступ к передовым технологиям будет доступен только избранным?
- **Риск дегуманизации.** Не способствует ли зависимость от технологий к потере «человеческого» контакта и эмпатии в отношениях «врач-пациент»?
- **Вопросы идентичности и самоопределения.** Как технологии, которые влияют на генетику или когнитивные способности человека, изменят наше представление о самих себе?

- **Технологии как средство расширения возможностей.** Искусственный интеллект способен помочь пациентам лучше понять свои заболевания, варианты лечения, а также управлять своим здоровьем.

Для обеспечения эмпатии в процессе цифровизации в здравоохранении необходим комплексный подход, охватывающий коммуникационные стандарты, обучение персонала и дизайн интерфейсов. **Механизмы** обеспечения эмпатии при цифровизации:

Стандарты коммуникации в телемедицине:

Разработка и внедрение обязательных протоколов эмпатичной коммуникации для всех видов удаленного взаимодействия (видео, аудио, чат). Эти протоколы должны акцентировать внимание на визуальном контакте, активном слушании и вербализации эмоциональной поддержки. Например, можно использовать «правило трех В» для видеоконсультаций, который включает в себя: 1) взгляд - убедитесь, что камера находится на уровне глаз, чтобы создавать ощущение прямого контакта. Смотрите в камеру, когда говорите, и на экран, когда слушаете. 2) Внимание - активно слушайте пациента, используйте кивки, «понимаю», чтобы показать вовлеченность. Избегайте многозадачности. 3) вовлечение - задавайте открытые вопросы, которые позволяют пациенту выразить свои чувства и опасения («Что Вас сейчас больше всего беспокоит?» или «Как Вы себя чувствуете в связи с этим?»). Включение в медицинские онлайн-сервисы функции «напоминания об эмоциональном контакте» для врача, которая будет активироваться при длительном отсутствии обратной связи от пациента или на отдельных этапах консультации.

Обучение персонала. Разработка и введение обязательного модуля по цифровому этикету для всего медицинского и прочего персонала, взаимодействующего с пациентами через цифровые каналы. Например, модуль «Эмпатия в цифровую эпоху» может включать ролевые игры с симуляцией онлайн-консультаций и оценкой как точности диагностики и лечения, так и способности врача обеспечить психологический комфорт пациента с различными эмоциональными состояниями.

Объединение критериев эмпатии и качества цифрового взаимодействия в систему регулярной оценки эффективности медицинских работников, а обратная связь от пациентов по этим критериям должна стать частью этой оценки.

Дизайн интерфейсов с учётом психологии. При проектировании всех цифровых продуктов и сервисов применять принципы человекоцентрированного дизайна с акцентом на ясность, интуитивность и эмоциональную поддержку. Например, алгоритм «пояснения для пациента» вместо того чтобы просто давать рекомендацию «Принимайте препарат А дважды в день», предоставляет простое и понятное объяснение: «Препарат А помогает снизить симптом, блокируя механизм действия. Важно принимать его дважды в день, чтобы поддерживать постоянную концентрацию в организме и избежать [побочный эффект]. Если вы забудете принять дозу, [инструкции]». Другим примером может стать использование «человечного» языка в уведомлениях чат-ботах и сообщениях и избегание медицинского жаргона. Персонализация обращений, например, «Добрый день, [И.О. Пациента]. Как Вы себя чувствуете сегодня?». Возможность выбора тона общения в чат-ботах (формальный/поддерживающий). Включение в дизайн функций «проверки понимания» (например, короткие интерактивные квизы после объяснения сложной информации или просьба пациента своими словами пересказать ключевые моменты рекомендаций).

Интегративное эмпатичное цифровое здравоохранение – модель, объединяющая телемедицину, искусственный интеллект и сенсоры с междисциплинарным подходом при первостепенности эмпатии (авторское определение). ЭБИЗ (электронная база интегрированных знаний) выступает как цифровая платформа, обеспечивает индивидуальный уход на основе анализа данных о ценностях пациента. Человекоцентрированная биоинтегративная медицина дополняет этот подход, предлагая совместные решения, основанные на биомаркерах и целях пациента.

Протокол совместного принятия решений с использованием биомаркеров и ценностей пациента:

Подготовка: сбор клинических данных, релевантных биомаркеров, вариантов лечения и их исходов; изучение ценностей и

предпочтений пациента, например его целей, приемлемых рисков, ограничений.

Объяснение вариантов: врач в понятной форме описывает диагноз, роль биомаркеров, прогноз, возможные варианты лечения и в доступной форме предоставляет материалы пациенту.

Согласование приоритетов: обсуждение, того как биомаркеры влияют на вероятность пользы и риска каждого варианта лечения и соотнесение их с ценностями пациента.

Совместная оценка последствий: визуализация абсолютного и относительного риска, изучение качества жизни, обсуждение побочных эффектов лечения, его стоимости и доступности.

Принятие решения: фиксирование выбранного варианта, аргументация с опорой на биомаркеры и ценности, составление плана мониторинга и критериев необходимости его корректировки.

Реализация и пересмотр: начало терапии, мониторинг биомаркеров и исходов лечения важных для пациента, корректировка плана при изменении исходных данных или ценностей.

Важной задачей является **решение проблемы цифрового неравенства**, во избежание исключения из доступа к цифровым медицинским услугам социально уязвимых групп населения.

Программы субсидий и обеспечения доступа. Реализация государственных и частных программ по обеспечению доступа к интернету и базовым цифровым устройствам (планшеты, смартфоны) для социально уязвимых групп населения. Например, в рамках программы «Цифровое здоровье для всех» создание общедоступных «цифровых хабов» в медицинских учреждениях или общественных объединениях, где пациенты могут бесплатно воспользоваться компьютером и интернетом для получения цифровых услуг с помощью волонтера или сотрудника.

Офлайн альтернативы. Сохранение и усиление традиционных (офлайн) каналов доступа к медицинской помощи и информации, а также их интеграция с цифровыми системами. Например, «Гибридная запись», когда имеется возможность записи на приём к врачу как через онлайн-портал, так и по телефону или через физическую

регистратуру. Обеспечение того, чтобы телефонные линии были достаточно укомплектованы, а время ожидания было минимальным. Еще одним примером может послужить «Информационные пункты здоровья», созданные в поликлиниках и общественных местах пунктов, где пациенты могут получить распечатки ключевой медицинской информации, которая также доступна онлайн, и получить помощь в навигации по цифровым сервисам. Организация выездных бригад врачей различных специальностей для базового обследования и консультаций населения в отдаленные или труднодоступные районы, где цифровой доступ ограничен.

Дизайн с низким порогом входа. При проектировании всех цифровых медицинских сервисов обязательное соблюдение принципов универсального дизайна и стандартов доступности, чтобы сделать их интуитивно понятными и удобными для людей всех возрастов и с разными уровнями цифровой грамотности. Например, «Умный интерфейс» с использованием крупного шрифта, высокой контрастности, интуитивно понятных иконок, голосовое управление и поддержка нескольких иностранных языков. Минимизация количества шагов для выполнения ключевых операций. Возможность переключения между «простым» и «расширенным» режимами интерфейса. Например, «Центры цифровой поддержки», представляющие собой создание горячих линий и чатов с операторами, которые могут пошагово объяснить, как пользоваться цифровыми сервисами. Разработка простых обучающих материалов (видеоуроки, иллюстрированные инструкции) на различных платформах (Макс, веб-сайты, печатные брошюры), объясняющие возможность использования цифровых инструментов.

IV. Этические аспекты технологий, направленных на расширение человеческих возможностей:

Предвидение и подготовка. Здравоохранение будущего столкнется с вызовами и новыми возможностям, которые несет в себе развитие и распространение трансгуманистический идей, таких как улучшение человеческих способностей, продление жизни, интеграция человека и технологий.

Разработка новых этических принципов и норм, рамки регулирующих применение трансгуманистических технологий во благо всего человечества и предотвращения создания новых форм неравенства и рисков.

Обеспечение сохранения фундаментальной «человечности», заключающейся в сохранении эмпатии и духовной глубины в эпоху стремления к всеобщему «улучшению».

В контексте здравоохранения, под технологиями, направленными на расширение человеческих возможностей мы подразумеваем использование медицинских или биотехнологических вмешательств не для лечения болезней, а для значительного улучшения физических, когнитивных или эмоциональных функций человека сверх нормального уровня, а также для продления его жизни. Примеры таких технологий включают:

усиление когнитивных функций (фармакологические или нейроинтерфейсные методы для улучшения памяти, внимания, скорости обработки информации);

сенсорное расширение (технологии, позволяющие воспринимать новые диапазоны света, звука или электромагнитных полей);

продление жизни (вмешательства, замедляющие или обращающие вспять процессы старения);

нейроинтерфейсы и кибернетические импланты (управление внешними устройствами силой мысли, улучшение двигательных функций или даже интеграции с цифровыми системами).

Однако внедрение новейших технологий порождает ряд этических, социальных и правовых проблем:

социальное неравенство, при котором существует реальная угроза создания «двухклассового общества», где доступ к технологиям улучшения будет зависеть от благосостояния, усиливая существующие социальные разрывы;

психологические и социальные последствия, проявляющиеся в виде изменений самоидентификации человека, давлении общества на использование улучшений, потенциальная стигматизация «неулучшенных» людей;

безопасность и отдаленные эффекты, это долгосрочные риски для здоровья, непредвиденные побочные эффекты технологий, действующих на фундаментальные биологические процессы;

автономия и согласие или сложности с получением подлинно свободного и информированного согласия в условиях мощного маркетинга или социального давления;

вопросы ответственности, а именно, определение того, кто несет ответственность за последствия применения технологий (разработчик, врач, пользователь).

Для оценки и регулирования любых новых технологий в здравоохранении, особенно направленных на расширение человеческих возможностей, предлагаются следующие основополагающие принципы:

справедливость: доступ к новым медицинским и биотехнологиям должен быть справедливым и не усиливать существующие социальные, экономические или географические неравенства. Необходимо проактивно разрабатывать механизмы для обеспечения равного доступа и предотвращения дискриминации.

доступность: медицинские технологии должны быть доступны всем, кому они необходимы по клиническим показаниям, с учетом финансовой, информационной, культурной и логистической доступности;

обратимость: предпочтение следует отдавать технологиям, чьи эффекты или само вмешательство являются обратимыми. В случаях необратимых изменений, должны быть особенно строгие требования к безопасности, информированному согласию и обоснованию;

прозрачность: процессы разработки, тестирования, оценки рисков и принятия решений о применении новых медицинских и биотехнологий должны быть максимально открытыми и понятными, как для пациентов, так и для общественности;

согласие с расширенным информированием:

- стандартное информированное согласие должно быть дополнено глубоким и всесторонним объяснением всех потенциальных рисков и выгод, включая долгосрочные, социальные и психологические аспекты;

- предоставление информации о неопределенности и отсутствующих данных;
- обсуждением альтернативных вариантов (включая отказ от технологии);
- обеспечением достаточного времени для принятия решения и возможности отзыва согласия без негативных последствий;
- учетом потенциального давления на человека при принятии решения об «улучшении».

Участие общественности (граждан, пациентов, этических экспертов, социологов и других заинтересованных сторон) в процессе разработки решений по внедрению новых технологий на всех этапах.

В отличие от существующих подходов, акцентирующих внимание на биомедицинской безопасности и индивидуальном информированном согласии индивида, предлагаемый подход: 1) понимает доступность как многомерную категорию, охватывающую кроме финансовых барьеров, доступ к информации, образованию и инфраструктуре. Такой подход позволяет выявлять системные неравенства и как следствие - снижать риск техно-стратификации;

2) вводит принцип приоритетности обратимых технологий и повышенных требований к обоснованию и безопасности в случаях необратимости, что операционализирует предосторожность для возможности быстро эволюционирующих вмешательств;

3) закрепляет требование процессной прозрачности от протоколов испытаний до оценки рисков и принятия решений. Данная процедура рассматривается в качестве публичного стандарта подотчетности и как следствие повышается доверие и качество внешнего аудита;

4) расширяет стандарт информированного согласия до процедуры, включающей артикуляцию долгосрочных социальных и психологических последствий, указание неопределенностей и пробелов в данных, рассмотрение альтернатив (включая отказ), достаточное время на выбор, право безусловного отзыва и анализ потенциального внешнего давления на индивида;

5) институционализирует широкое участие заинтересованных сторон (граждан, пациентов, социологов и др.) на постоянной осно-

ве, что превращает общественную экспертизу из консультативной в ко-управляющую.

Проведенное исследование позволило сформировать концептуальную основу модели эмпатичного биоинтегративного здравоохранения (ЭБЗ). В ответ на системный кризис доверия (52% неудовлетворенности) данная модель предлагается не как умозрительная конструкция, а как результат объединения интегральной теории К. Уилбера и доказательных практик ценностно-ориентированной медицины (М. Портер). Новизна исследования заключается в обосновании «активной эмпатии» не просто как этической категории, а как технологического и управленческого регламента. Впервые предложено:

- авторское определение «электронных баз интегрированных знаний» как цифровой основы, где клинические данные впервые объединяются с субъективными иерархиями ценностей пациента.
- концепция «эмпатично-интегративной клиники», функционирующей на стыке биомедицины и духовно-нравственного сопровождения, что позволяет преодолеть «этический лаг» внедрения искусственного интеллекта.

Для обоснования реалистичности модели был проведен сравнительный анализ (табл. 2), показывающий преимущество ЭБЗ перед доминирующей технократической моделью.

Таблица 2.

Сравнительная эффективность моделей в контексте качества жизни (КЖ)

Table 2. Comparative effectiveness of models in terms of quality of life (QoL)

Показатель	**Технократическая модель**	**Модель ЭБЗ (предлагаемая)**	**Эффект для пациента**
Цель лечения	Нормализация биомаркеров	Достижение жизненных целей пациента	Рост комплаентности
Роль пациента	Пассивный объект	Активный со-исследователь	Снижение уровня стресса и тревоги
Коммуникация	Директивная, дефицит времени	Протокол «активной эмпатии», 3 «В»	Повышение доверия к системе
Результат	Клиническое выздоровление	Интегративное благополучие (КЖ)	Долгосрочная ремиссия и социализация

Модель ЭБЗ обеспечивает измеряемое улучшение КЖ через конкретные внедренческие механизмы, описанные в работе:

Клинико-психологический эффект - внедрение «Протокола совместного принятия решений» позволяет избежать «врачебного патернализма». Пациент, чьи духовные и культурные ценности учтены (например, выбор между агрессивной терапией и качеством оставшейся жизни), демонстрирует более высокие показатели субъективного благополучия.

Цифровая гуманизация - предложенные алгоритмы и правила «цифрового этикета» (взгляд, внимание, вовлечение) при переходе на телемедицину сохраняют терапевтический альянс, сложившийся между врачом и пациентом, снижая риск дегуманизации лечебного процесса.

Социальная устойчивость - включает принципы справедливости и обратимости при внедрении новейших медицинских технологий в медицинскую практику защищают пациента от «техно-стратификации», гарантируя, что технологическое «улучшение» не станет обязательным требованием для социального выживания.

Выводы

1. Модель эмпатичного биоинтегративного здравоохранения объединяет биоэтику, интегральную психологию и концепцию ценностно-ориентированного здравоохранения. Она является ответом на дефицит «человеческого измерения» в условиях стремительной цифровизации.

2. Разработан комплексный инструментарий (от электронной базы интегрированных знаний до протоколов скриннинга духовных потребностей), который превращает эмпатию из абстрактного понятия в операциональный критерий качества медицинской помощи.

3. Переход от оценки объема услуг к оценке ценности для пациента в рамках эмпатичного биоинтегративного здравоохранения позволяет не только оптимизировать расходы, но и восстановить национальную биобезопасность через внедрение традиционных духовно-нравственных ценностей в современную медицинскую практику.

Таким образом, эмпатичное биоинтегративное здравоохранение – это не просто новый термин, а стратегия глубинных изменений, уравновешивающий технологический прогресс с этической ответственностью.

Список литературы

1. Бостром, Н. *Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии* / пер. с англ. С. Филина. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2016, 496 с.
2. Бударин, С. С., & Эльбек, Ю. В. (2024). *Анализ международных подходов к выбору и использованию индикаторов для оценки внедрения ЦОЗ: экспертный обзор*. Москва: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 36 с. ISBN: 978-5-907805-32-3. EDN: https://elibrary.ru/HGSZOI
3. Зуенкова, Ю. А. (2021). Ценностно-ориентированный подход: анализ руководства Европейского института инноваций и технологий. *Медицинские технологии. Оценка и выбор, (43-1)*, с. 28–35. https://doi.org/10.17116/medtech20214301128. EDN: https://elibrary.ru/WXHHFU
4. Петров, В. И., & Седова, Н. Н. (2023). Медицина и философия: любовь без брака. *Гуманитарные проблемы медицины и здравоохранения, (1-1)*, с. 11–20. EDN: https://elibrary.ru/ASDUQQ
5. Седова, Н. Н. (2005). *Юридическая институционализация субъектов биоэтики в правовом поле современной России*: дис. … д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 347 с. EDN: https://elibrary.ru/NNSRRL
6. Силуянова, И. В. (2018). *Биомедицинская этика: учебник и практикум для вузов*. Москва: Издательство Юрайт, 312 с.
7. Смирнова, Е. А. (2025). Трансгуманизм как интеллектуальная и технологическая парадигма медицины будущего: возможности и угрозы. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество, 9*(3), с. 75–100. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2025-9-3-302. EDN: https://elibrary.ru/EQDUAG
8. Фромм, Э. (2010). *Душа человека, её способность к добру и злу* (1964) / пер. В. А. Закса. Москва: АСТ, Астрель, 256 с.
9. Фромм, Э. (2007). *Анатомия человеческой деструктивности* (1973) / пер. с англ. Э. М. Телятниковой. Москва: АСТ, Хранитель, Мидгард, 624 с. ISBN: 5-17-039867-0. EDN: https://elibrary.ru/QXQEUZ
10. Фуко, М. (2025). *Рождение клиники: Археология врачебного взгляда*. Ад Маргинем, 350 с.
11. Фукуяма, Ф. (2004). *Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции*. Москва: АСТ, 349 с. ISBN: 5-17-024038-4. EDN: https://elibrary.ru/QOEXLL

12. Beauchamp, T. L., & Childress, J. F. (1994). *Principles of Biomedical Ethics*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 546 pp.
13. Bertalanffy, L. von (1968). *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. New York: George Braziller, 289 p.
14. Gray, J., & Abbasi, K. (2007). How to get better value healthcare. *Journal of the Royal Society of Medicine, 100*(10), p. 480. https://doi.org/10.1177/014107680710001019
15. Habermas, J. (2003). *The Future of Human Nature*. Polity, 127 p.
16. Porter, M., & Teisberg, E. (2006). *Redefining Health Care: Creating Value-Based Competition on Results*. Harvard Business School Press, 432 p.
17. Porter, M. E. (2010). What is value in health care? *New England Journal of Medicine, 363*(26), pp. 2477–2481. https://doi.org/10.1056/NEJMp1011024
18. Strazzabosco, M., Allen, J., & Teisberg, E. (2017). Value-based care in hepatology. *Review Hepatology, 65*(5), pp. 1749–1755. https://doi.org/10.1002/hep.29042
19. Tanja, S., Jens, J., Annette, H., Heidi, M., Betina, S., Anne-Marie, T., et al. (2018). Protocol for evaluating and implementing a pragmatic value-based healthcare management model for patients with inflammatory arthritis: a Danish population-based regional cohort and qualitative implementation study. *BMJ Open, 8*(10), pp. 1–9. https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-023915
20. Wilber, K. (2000). *Integral Psychology: Consciousness, Spirit, Psychology, Therapy*. Shambhala Publications, 320 p.

References

1. Bostrom, N. (2016). *Artificial Intelligence: Paths, Threats, Strategies* (S. Filin, Trans.). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 496 pp.
2. Budarin, S. S., & Elbek, Yu. V. (2024). *Analysis of International Approaches to Selecting and Using Indicators for Assessing the Implementation of Value-Based Healthcare: An Expert Review*. Moscow: GBU "NIIOZMM DZM", 36 pp. ISBN: 978-5-907805-32-3. EDN: https://elibrary.ru/HGSZOI
3. Zuenkova, Yu. A. (2021). Value-based approach: Analysis of the European Institute of Innovation and Technology guidelines. *Medical Technologies. Assessment and Choice*, (43–1), pp. 28–35. https://doi.org/10.17116/medtech20214301128. EDN: https://elibrary.ru/WXHHFU
4. Petrov, V. I., & Sedova, N. N. (2023). Medicine and philosophy: Love without marriage. *Humanitarian Problems of Medicine and Healthcare*, (1–1), pp. 11–20. EDN: https://elibrary.ru/ASDUQQ
5. Sedova, N. N. (2005). *Legal Institutionalization of Bioethics Subjects in the Legal Framework of Modern Russia: Doctoral Dissertation in Law*. Rostov-on-Don, 347 pp. EDN: https://elibrary.ru/NNSRRL
6. Siluyanova, I. V. (2018). *Biomedical Ethics: A Textbook and Workbook for Universities*. Moscow: Yurait Publishing House, 312 pp.

7. Smirnova, E. A. (2025). Transhumanism as an intellectual and technological paradigm of future medicine: Opportunities and threats. *Russian Studies in Culture and Society*, 9(3), pp. 75–100. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2025-9-3-302. EDN: https://elibrary.ru/EQDUAG
8. Fromm, E. (2010). *The Heart of Man: Its Genius for Good and Evil* (1964) (V. A. Zaks, Trans.). Moscow: AST, Astrel, 256 pp.
9. Fromm, E. (2007). *The Anatomy of Human Destructiveness* (1973) (E. M. Telyatnikova, Trans.). Moscow: AST, Khranitel, Midgard, 624 pp. ISBN: 5-17-039867-0. EDN: https://elibrary.ru/QXQEUZ
10. Foucault, M. (2025). *The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Gaze*. Ad Marginem, 350 pp.
11. Fukuyama, F. (2004). *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnological Revolution*. Moscow: AST, 349 pp. ISBN: 5-17-024038-4. EDN: https://elibrary.ru/QOEXLL
12. Beauchamp, T. L., & Childress, J. F. (1994). *Principles of Biomedical Ethics* (4th ed.). Oxford: Oxford University Press, 546 pp.
13. Bertalanffy, L. von (1968). *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. New York: George Braziller, 289 pp.
14. Gray, J., & Abbasi, K. (2007). How to get better value healthcare. *Journal of the Royal Society of Medicine*, 100(10), p. 480. https://doi.org/10.1177/014107680710001019
15. Habermas, J. (2003). *The Future of Human Nature*. Polity, 127 pp.
16. Porter, M., & Teisberg, E. (2006). *Redefining Health Care: Creating Value-Based Competition on Results*. Harvard Business School Press, 432 pp.
17. Porter, M. E. (2010). What is value in health care? *New England Journal of Medicine*, 363(26), pp. 2477–2481. https://doi.org/10.1056/NEJMp1011024
18. Strazzabosco, M., Allen, J., & Teisberg, E. (2017). Value-based care in hepatology. *Review Hepatology*, 65(5), pp. 1749–1755. https://doi.org/10.1002/hep.29042
19. Tanja, S., Jens, J., Annette, H., Heidi, M., Betina, S., Anne Marie, T., et al. (2018). Protocol for evaluating and implementing a pragmatic value-based healthcare management model for patients with inflammatory arthritis: A Danish population-based regional cohort and qualitative implementation study. *BMJ Open*, 8(10), pp. 1–9. https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-023915
20. Wilber, K. (2000). *Integral Psychology: Consciousness, Spirit, Psychology, Therapy*. Shambhala Publications, 320 pp.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Елена Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий
ФГБОУ ВО Череповецкий государственный университет

пр. Луначарского, 5, г. Череповец, 162602, Российская Федерация
smirnova56@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena Al. Smirnova, Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof., Department of Sociology and Social Technologies
Cherepovets State University
5, Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162602, Russian Federation
smirnova56@yandex.ru
SPIN-code: 1540-3581
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9383-0649

Поступила 28.01.2026
После рецензирования 25.02.2026
Принята 05.03.2026

Received 28.01.2026
Revised 25.02.2026
Accepted 05.03.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья
Original article
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-305
EDN: DYEJCG
УДК 008:004.738.5:379.85

Социальные сети как среда формирования туристских образов территории

В.А. Гусарова, М.Э. Кулян-Козионова
Дальневосточный государственный университет путей, Хабаровск, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В цифровую эпоху социальные сети становятся ключевым источником формирования туристских предпочтений и визуальных образов мест.

Цель исследования: на материале контрастных примеров тревел-видеоконтента описать две стратегии медиавоздействия, которые возникают при пересечении формата контента (М. Маклюэн) и механизмов подсознательного убеждения (Э. Бернейс): практико-ориентированные видео и визуально-эмоциональные ролики без комментариев.

Методология. В качестве метода использована сравнительная герменевтика для интерпретации контрастных видеоматериалов в их культурном и коммуникативном контексте (структурированное вербально сопровождаемое видео и визуально-эмоциональный формат без закадрового текста). Интерпретации подлежали следующие параметры видео: структура повествования, монтаж, тип визуального ряда, наличие закадрового комментария, музыкальное сопровождение и формируемая позиция зрителя.

В качестве материала исследования были использованы 30 полноформатных видеоролика двух тревел-блогов социальной сети ВКонтакте - «Своим ходом» и «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй» (11 и 19 соответственно). Отбор осуществлялся методом сплошной выборки всех релевантных публикаций за период с сентября по декабрь 2025 года по следующим критериям: тематическая принадлежность к туризму и путешествиям, использование только полнометражных видеороликов, исключение нерелевантного и развлекательного контента.

Видеоматериалы были дополнительно структурно закодированы формальным параметрам, что позволило систематизировать наблюдения. Показатели реакции аудитории (просмотры, лайки, комментарии и репосты) использовались как интерпретационный инструмент для уточнения характера вовлеченности.

Результаты. Результаты показали, что видеоконтент в социальных сетях сочетает практико-ориентированные (видеоблог «Своим ходом») и эмоционально-образные (видеоблог «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй») стратегии, отражая восприятие туристских пространств и культурные ожидания аудитории. В рамках сравнительной герменевтики был проведен анализ форматов видео, структуры коммуникации, визуальных и символических элементов, а также реакции пользователей. Сопоставление с теориями М. Маклюэна и Э. Бернейса выявило, как разные форматы формируют стратегии убеждения, направленные на рациональное планирование и уверенность в осуществимости путешествия («Своим ходом») и эмоциональное желание и вовлечение, формирование «мечты о путешествии» («Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй»).

Сравнительный анализ 30 видеороликов, размещенных в таких блогах социальной сети ВКонтакте, как «Своим ходом» и «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй», продемонстрировал возможность использования качественно-интерпретационного подхода для анализа цифрового медиапространства и культурной репрезентации туристских пространств.

Область применения результатов. Новизна работы состоит в применении классических теорий медиакоммуникации к анализу видеоконтента социальных сетей с точки зрения формирования туристских образов. Практическая значимость исследования проявляется в возможности использования результатов при проектировании контента, медиастратегий и взаимодействия с аудиторией в сфере туризма, а также для разработки визуально-эмоциональных и информационно-практических форматов видеопродукции.

Ключевые слова: визуальный контент; полнометражные видеоролики; тревел-блоги; туристский интерес; горячие и холодные медиа; инженерия согласия; ВКонтакте

Для цитирования. Гусарова, В. А., & Кулян-Козионова, М. Э. (2026). Социальные сети как среда формирования туристских образов территории. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 72-93. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-305

Social networks as a medium for shaping tourist images of territories

V.A. Gusarova, M.E. Kulyan-Kozionova
Far Eastern State University of Railways, Khabarovsk, Russian Federation

Abstract

Background. In the digital age, social networks have become a central platform for shaping tourist preferences and visual representations of destinations.

Purpose. Using contrasting examples of travel video content, to describe two media influence strategies that shift at the intersection of content form (M. McLuhan) and subconscious persuasion cues (E. Bernays): practice-oriented videos and visual-emotional videos without commentary.

Methodology. The method used was comparative hermeneutics for contrasting video materials in their cultural and communicative formats (structured video with verbal accompaniment and visual-emotional format without voiceover). Interpretations were based on the following video parameters: narrative structure, editing, type of visual sequence, presence of voiceover, musical accompaniment, and the viewer's position.

The study material consisted of 30 full-length videos from two travel blogs on VKontakte social networks - "Svoym Khodom" (On Your Own) and "Watch. Inspire. Travel" (11 and 19, respectively). The selection was conducted using a continuous sampling method of all relevant publications for the period from September to December 2025, based on the following criteria: thematic relevance to tourism and travel, the use of only full videos, and the inclusion of irrelevant and entertaining content.

The videos were additionally structurally coded according to formal parameters, allowing for systematization of the observations. Behavioral indicators (views, likes, comments, and reposts) were used as an interpretive tool to clarify the nature of the processing.

Results. The results show that video content on social media combines practice-oriented (the video blog "Svoym Khodom") and emotionally figurative (the video blog "Watch. Inspire. Travel") strategies, reflections on tourist spaces, and cultural expectations. Using comparative hermeneutics, an analysis of video forms, communication structure, visual and symbolic elements, and the mode of use was conducted. A comparison of this theory with the theories of M. McLuhan and E. Bernays revealed how different forms of persuasive strategies, focused on rational planning and confidence in the feasibility of travel ("On Your Own Route") and emotional desire and involvement, enable "dreams of travel" ("Watch. Be Inspired. Travel").

A comparative analysis of 30 videos posted on VKontakte social media blogs such as "On Your Own Route" and "Watch. Be Inspired. Travel," demonstrated the feasibility of using a qualitative-interpretive approach to analyze media trends and the cultural representation of tourist spaces.

Practical implications. The novelty of this study lies in the application of classical theories of media communications to the analysis of social media video content from the perspective of the formation of tourist images. The practical originality of the study is demonstrated by the potential for using the results in content design, media strategies, and audience engagement in the tourism sector, as well as in the development of visual-emotional and informational-practical video formats.

Keywords: visual content; full-length videos; travel blogs; tourist interest; hot and cold environments; agreement engineering; VKontakte

For citation. Gusarova, V. A., & Kulyan-Kozionova, M. E. (2026). Social networks as a medium for shaping tourist images of territories. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 72-93. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-305

Введение

В современном культурном контексте туризм воспринимается не только как способ перемещения или экономическая деятельность, но и как особая культурная практика, через которую создаются и передаются устойчивые образы городов, стран и регионов. Социальные сети при этом выступают не просто каналом распространения информации, а самостоятельной медиасредой, в которой формируются визуальные представления туристского опыта. Данные образы влияют на восприятие повседневной жизни, аутентичности и массовости. Видеоблоги о путешествиях, действующие в рамках визуальной культуры, можно рассматривать как посредников между реальными местами и его символическими образами. Что в свою очередь превращает туристские пространства в своего рода культурный текст, который можно интерпретировать.

Актуальность темы связана с тем, что в цифровую эпоху процесс планирования путешествий изменился: социальные сети (далее – соцсети) стали своеобразным «местом рождения туристской мечты». Визуальный контент способствовал изменению поведения туристов, сфокусировав внимание не на рациональном сравнении туров (стоимость, даты), а на эмоциональном и образном погружении в атмосферу места [2]. На сегодняшний день турист сначала «видит» будущий опыт в соцсетях, формирует желание его получить и только потом ищет возможности его реализации. Согласно исследованию, проведенному компанией Яндекс в 2024 году [13], каждый десятый россиянин выбирает место отдыха с помощью соцсетей, при этом 4% сразу ищут билеты и отели, а 3% бронируют их после просмотра контента. Эти данные показывают, что первичная мотивация туристов чаще формируется не на сайте туроператора, а в соцсетях, где визуальные образы и истории блогеров создают эффект эмоционального вовлечения. В этом контексте анализ ви-

деоконтента в социальных сетях позволяет рассмотреть, каким образом формируются и передаются культурные смыслы, связанные с туристскими практиками.

Объектом исследования являются социальные сети как пространство формирования туристских практик и культурных образов, а *предметом* – роль визуального контента социальных сетей в восприятии туристских пространств пользователями.

Цель исследования – на примере двух контрастных тревел-блогов ВКонтакте обосновать применение двух стратегий воздействия (практико-ориентированного и эмоционально-атмосферного), которые возникают на пересечении формата видеоконтента (М. Маклюэн) и механизмов подсознательного убеждения (Э. Бернейс).

Гипотеза исследования – практико-ориентированные и эмоционально-атмосферные видеоблоги реализуют различные стратегии воздействия на аудиторию: первый тип стимулирует рациональное обоснование и чувство контроля над путешествием, а второй - эмоциональное вовлечение и эстетическое желание, что соответствует логике “горячих” и “холодных” медиа и механизмам подсознательного убеждения.

Методология проведения работы

Методология исследования основана на сочетании изучения классических подходов медиакоммуникации и анализа визуального контента социальных сетей. В качестве теоретической рамки использованы идеи М. Маклюэна о роли медиаплатформ в формировании способов восприятия информации, и концепция Э. Бернейса, объясняющая механизмы актуализации интереса через эмоциональные и символические элементы. Эти подходы позволяют рассматривать социальные сети не только как каналы передачи информации, но и как медиасреду, где осуществляется культурная репрезентация туристских практик.

Для анализа были выбраны два блога в социальной сети ВКонтакте: «Своим ходом» [10] и «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй» [11]. Выбор этих сообществ обусловлен несколькими причинами: 1) формат: структурированные видео с практическими советами (более

«горячее» медиа) и визуально-эмоциональные ролики без закадрового голоса (более «холодное» медиа); 2) аудитория: крупная массовая (207 тыс. подписчиков) и «нишевая» (11,6 тыс. подписчиков); 3) возможность проверки теорий: каждый канал иллюстрирует отдельный механизм воздействия контента (М. Маклюэн, Э. Бернейс).

Блог «Своим ходом» [10] в основном ориентирован на структурированные видеоролики с практическими советами, маршрутами и инструкциями для самостоятельных путешествий. Такой контент предполагает относительно прямое восприятие и минимальное домысливание со стороны зрителя, что можно рассматривать как преимущественно рациональное («горячее») воздействие на аудиторию. На момент исследования аудитория канала превышала 207 тыс. подписчиков, а в блоге представлено 23 полноценных видеоролика длительностью от 25 минут до 4 часов (публикации с 22.03.2023).

В отличие от него, блог «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй» [11] преимущественно использует визуально-эмоциональные ролики без закадрового голоса. Они предполагают активное вовлечение зрителя в атмосферу ролика, интерпретацию образов и эмоциональное соучастие, что можно рассматривать как склонное к эмоциональному («холодному») восприятию воздействие. Аудитория блога носит более нишевый характер и насчитывает около 11,6 тыс. подписчиков, а контент представляют 640 полноценных видеороликов длительностью от 8 минут до 2 часов (публикации с 07.02.2025), что создает условия для анализа формирования культурного восприятия туристских пространств в среде с меньшей плотностью коммуникации и более избирательным характером потребления контента.

Следует отметить, что в условиях цифровых платформ граница между «горячими» и «холодными» медиа носит подвижный и контекстуальный характер. Визуальный контент социальных сетей часто сочетает элементы обоих типов медиавзаимодействия, что требует рассматривать данные категории не как жесткую дихотомию, а как аналитический континуум.

Из общего массива публикаций для анализа были отобраны одиннадцать видеороликов блога «Своим ходом» и девятнадцать

видеороликов блога «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй», что составило репрезентативную выборку из тридцати единиц анализа. Такой объем обусловлен полным охватом всех полнометражных видеопубликаций, соответствующих критериям отбора, в заданный временной период (сентябрь–декабрь 2025). Критерии отбора были следующими: 1) включение только полнометражных видеороликов (короткие форматы – клипы – и статичные публикации были исключены как имеющие иную логику воздействия); 2) соответствие базовому формату канала (туризм и путешествия); 3) исключение нерелевантного развлекательного контента (мемы, юмористические обзоры). Подобный подход – сплошной отбор всех релевантных публикаций за период – обеспечивает максимальную валидность для исследования, нацеленного на выявление типовых, а не единичных стратегий. Он позволил не просто проиллюстрировать различия между блогами, но и выявить устойчивые паттерны в их медиастратегиях, подтвердив типичность наблюдаемых форматов («горячего» структурированного гида и «холодного» атмосферного видео) в рамках каждого канала.

Выборка демонстрирует контраст между практико-ориентированным контентом («более горячее» медиавоздействие) и визуально-эмоциональным контентом («более холодное» медиавоздействие), что позволяет рассмотреть разные стратегии подачи материала. Анализ проводился с использованием метода сравнительной герменевтики и включал поэлементную кодировку визуальных и структурных характеристик видеоматериалов: наличие или отсутствие закадрового комментария, тип визуального ряда (динамичные панорамы, статичные планы, детализация пространства), использование музыкального сопровождения, монтажный ритм и композицию кадра.

Для уточнения стратегий медиавоздействия был рассчитан коэффициент вовлеченности (Engagement Rate, ER), отражающий долю лайков, комментариев и репостов относительно числа просмотров. Показатели демонстрируют различия не только в охвате, но и в характере взаимодействия: массовый блог вызывает больше комментариев и репостов, тогда как “нишевый” – преимущественно

«тихое» потребление визуального контента, что отражает различие рационально- и эмоционально ориентированных стратегий.

Следует подчеркнуть, что эмпирическая часть исследования носит иллюстративный характер и не претендует на статистическую репрезентативность или количественную верификацию выявленных эффектов. Выбранные материалы демонстрируют типичные стратегии и приемы медиавоздействия, которые анализируются в рамках классических теорий медиакоммуникации, чтобы лучше понять, как цифровые платформы и визуальный контент формируют восприятие туристских пространств.

Результаты и обсуждение

Социальные сети сегодня выступают ключевым источником вдохновения и информации для современных туристов. Процесс выбора путешествия все чаще начинается не с сайта туроператора, а с ленты в социальной сети, где пользователь получает визуальное и эмоциональное представление о потенциальной поездке. В этом контексте социальные сети рассматриваются не просто как канал информации, но как пространство, в котором конструируются культурные образы туристских мест, их эстетическая и символическая значимость.

Современные исследования показывают, что анализ визуального контента социальных сетей актуален для понимания формирования туристского восприятия [8]. В российских условиях данные свидетельствуют, что социальные сети используются как источник идей и вдохновения для путешествий: согласно опросу Tiburon Research и сервиса «Туту», около 21% россиян после взаимодействия с тревел-контентом в соцсетях задумываются о поездке. Это особенно актуально среди молодёжи, для которой визуальные впечатления играют важную роль в формировании туристских предпочтений [12]. А.Г. Сарафанова и А.А. Сарафанов [9] отмечают, что социальные сети влияют на восприятие туристских дестинаций, участвуя в создании образов мест и отражении культурных значений, сопровождающих процесс планирования путешествий. Кроме того, анализ визуальных форматов показывает, что фотографии и видео

активно используются для привлечения внимания аудитории, подчёркивая значимость визуального контента для коммуникации с потенциальными туристами [1]. А исследование М.А. Жулиной, Е.В. Кедровой и В.М. Кициса [7] подчёркивает, что визуальный контент способствует вовлечённости аудитории и формирует представления о культурных и эстетических характеристиках мест.

Эти наблюдения сопоставимы с зарубежными исследованиями, где показано, что визуальные пользовательские материалы влияют на туристские намерения через эмоциональное вовлечение. Например, исследование, опубликованное в South India Journal of Social Sciences в 2024 году, демонстрирует связь между визуальной привлекательностью контента и заинтересованностью пользователей в посещении представленных направлений [17] Аналогично, в публикациях MDPI вводится концепция «destination imagery» — когнитивно-аффективная модель, согласно которой визуальный контент формирует комплексный образ дестинации, влияющий на выбор путешествий через культурные и символические коды, связанные с этим образом [15].

Цифровой тревел-контент социальных сетей формирует не только визуальное впечатление, но и туристский образ территории, который определяет способы восприятия и мотивацию аудитории. Согласно Климановой О.А и Тельновой Н.О. (2008), туристский образ территории представляет собой “систему рационально и эмоционально сформированных представлений, в основе которой лежат специфические особенности территории, подчеркивающие ее индивидуальность с точки зрения массового туриста”. Образ имеет двойственную природу: с одной стороны, он объективен, так как основывается на реальных характеристиках территории; с другой - субъективен, так как связан с “психологическими особенностями личности и целевой аудитории, на которую он рассчитан” [5].

В контексте видеоблогов такой туристский образ конструируется через сочетание визуальных, звуковых и сюжетных элементов, что позволяет реализовать различные стратегии медиавоздействия.

В данной работе для анализа выбрана социальная сеть ВКонтакте, одна из наиболее популярных платформ в России и странах

СНГ. По данным Mediascope [6], в октябре 2025 года социальная платформа ВКонтакте (далее – ВК) продемонстрировала резкий рост времени, которое пользователи проводят в её экосистеме. Показатель увеличился на 34% по сравнению с 2024 годом. Эти данные свидетельствуют об усилении роли платформы как медиасреды, формирующей культурное восприятие туристских пространств.

ВК характеризуется интегративной структурой контента, объединяющей различные форматы: текстовые посты с изображениями, длинные видео, короткие видео (VK Клипы), истории, музыкальные и аудио публикации, а также интерактивные элементы (опросы, голосования). Такое сочетание позволяет одновременно воздействовать на рациональное восприятие информации и на эмоциональное вовлечение.

Через разные форматы контента ВК отвечает на растущий интерес к путешествиям: 1) рациональное воздействие: предоставляет практическую информацию и конкретные рекомендации, включая маршруты, советы по организации поездки и подробности через тексты и длинные видео; 2) эмоциональное воздействие: формирует эстетическое и эмоциональное впечатление через короткие видео, истории и музыкальное сопровождение, стимулируя интерес и желание исследовать туристские пространства.

Для теоретической интерпретации визуального контента в исследовании использовано объединение двух классических подходов. Теория М. Маклюэна [7] подчёркивает значимость медиасреды как формы, влияющей на способы восприятия контента; а концепция Э. Бернейса [2] объясняет механизмы эмоциональной и символической актуализации интереса через визуальные и текстовые сообщения. В контексте туризма это означает, что социальная платформа одновременно формирует эстетическое восприятие туристских пространств, структурирует коммуникацию и стимулирует внутренние эмоциональные реакции пользователей.

Таким образом, ВКонтакте функционирует как интегративная медиасреда, где визуальные и текстовые форматы взаимодействуют, создавая комплексное воздействие на пользователей. Концепция

М. Маклюэна «средство есть сообщение» позволяет интерпретировать, как сама медиаплатформа формирует способы восприятия контента. Длинные структурированные видео и посты обеспечивают «более горячее» рациональное восприятие, а короткие видеоклипы, истории и музыкальные публикации создают «более холодное» эмоциональное вовлечение [7].

Современные исследования показывают, что теория М. Маклюэна сохраняет актуальность при анализе медиа в социальных сетях. В работах отечественных авторов отмечается, что социальные сети способствуют трансформации культурного восприятия и социальных практик пользователей, что позволяет использовать маклюэновскую концепцию медиасреды для интерпретации особенностей визуального контента и способов его восприятия в туристском контексте [3]. Так, В.П.Чумакова [13] подчёркивает, что идеи М. Маклюэна о медиасреде как активной среде коммуникации сохраняют аналитическую значимость при изучении платформ, где визуальный контент формирует способы взаимодействия и восприятия пользователей. Зарубежные исследования аналогично рассматривают цифровые социальные сети как новую медиасреду (medium-ambience), в которой сама платформа структурирует культурные практики и взаимодействие пользователей, что напрямую соотносится с классической концепцией [16]. Эти работы создают основу для более детального рассмотрения процессов коммуникации и особенностей визуального контента в цифровых платформах.

В свою очередь концепция Э. Бернейса «инженерия согласия» дополняет эту теорию, объясняя, как контент формирует условия, при которых пользователи самостоятельно приходят к желаемым решениям, не ощущая прямого давления. Персонализированная лента, «трендовые челленджи», интерактивные элементы и визуальные приёмы создают иллюзию самостоятельного выбора, одновременно формируя привычки, ценности и эмоциональную мотивацию туристов [2].

Совокупность этих подходов позволяет рассматривать социальные сети как медиасреду, которая структурирует восприятие туристских

пространств, формирует эмоциональные и рациональные реакции аудитории и создаёт культурный контекст, в котором пользователи конструируют представления о городах, странах и туристических объектах. Теоретический каркас, основанный на работах М. Маклюэна и Э. Бернейса, демонстрирует, что социальные сети функционируют не просто как каналы передачи информации, а как интегративная медиасреда, где визуальные и текстовые форматы взаимодействуют, создавая когнитивные, эмоциональные и культурные эффекты. Этот подход позволяет интерпретировать визуальный контент через культурологическую призму, рассматривая социальные сети как инструмент формирования коллективного восприятия и культурного опыта туристских пространств.

Применение данных подходов на примере туристических блогов ВКонтакте позволяет рассмотреть визуальный контент как интегративное средство коммуникации. Для анализа были выбраны два блога во ВКонтакте: «Своим ходом» [10] и «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй» [11]. Их различие состоит в формате (практические видео против эмоциональных), размере аудитории (207 тыс. и 11,6 тыс.), а также в отражении теорий Маклюэна и Бернейса. Всего в сравнительный анализ вошло 30 видеороликов: 11 из первого и 19 из второго блога.

Каждый элемент контента кодировался по типу воздействия: рациональный (предоставление практической информации, маршрутов, советов, цен) и эмоциональный (визуальные впечатления, атмосферные кадры, музыка, эмоциональные подписи). Далее проводилась систематизация данных по формату видео, типу воздействия, структуре коммуникации и эффекту на аудиторию. Полученные результаты сопоставлялись с теоретическими подходами М. Маклюэна, рассматривающего формат платформы и медиа как конструкт воздействия, и Э. Бернейса, анализирующего механизмы подсознательного влияния и формирования мотивации.

Таблица 1 наглядно демонстрирует различия форматов контента, типов медиавоздействия и характерных реакций аудитории.

Таблица 1.

Сравнительный анализ тревел-блогов: «Своим домом» vs. «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй»

Table 1. Comparative Analysis of Travel Blogs: “My Home” vs. “Look. Be Inspired. Travel”

Критерий / блог	**«Своим ходом»**	**«Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй»**	**Интерпретация через Маклюэн / Бернейс**
Формат контента	Структурированные видео с закадровым голосом и советами. Длительность 57–240 минут	Видео разной длительности (25–120 минут) без слов, с акцентом на эстетику	«Своим ходом» – сообщение о практической ценности; «Смотри…» – сообщение о мгновенном впечатлении
Основной тип воздействия	Рациональный и эмоциональный	Эмоциональный	«Своим ходом» – комбинированное воздействие; «Смотри…» – подсознательная мотивация через эстетику и чувства
Подписчики / просмотры	207 тыс. / ~130 тыс. просмотров	11,6 тыс. / ~4 тыс. просмотров	Массовая аудитория ищет практические решения; нишевая – эстетический и медитативный контент
Механизм убеждения	Через факты и личный опыт	Через визуальный соблазн и формирование желания	«Своим ходом» – инженерия согласия; «Смотри…» – эмоциональная пропаганда желания
Призывы к действию	Присутствуют	Отсутствуют	–
Потенциальное решение туриста	На основе оценки и примера, что это выполнимо	На основе эмоционального импульса, требует поиска практической информации	–

Таблица 1 отражает результаты сравнительного анализа двух типов тревел-видеоконтента – блогов «Своим ходом» и «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй» – на основе конкретизированных положений теорий М. Маклюэна и Э. Бернейса. Ее цель заключается не в сопоставлении форматов, а в выявлении устойчивых стратегий медиавоздействия и механизмов формирования туристской мотивации в цифровой видеосреде.

В теоретическом плане работа подтверждает значимость классических концепций медиакоммуникации при их адаптации к логике

платформенного контента. Использование маклюэновской дихотомии «горячих» (с четкой информацией, не требующей активного участия) и «холодных» (менее определенная информация, предполагающая активное вовлечение) медиа через формальные особенности видеоряда (степень информационной насыщенности, способ обращения к зрителю и темп монтажа) показало, что формат видеоролика задаёт режим его восприятия и влияет на характер вовлеченности аудитории. Одновременно концепция «инженерии согласия» Э. Бернейса в работе применяется к анализу туристского видеоконтента и уточняется через выделение двух тактик. Первая, «инженерия уверенности», направлена на работу с рациональными барьерами и ощущением доступности путешествия. Вторая, «инженерия мечты», ориентирована на эмоциональные потребности и эстетическое желание. Тем самым исследование уточняет и развивает классические теории в контексте цифровой медиасреды.

С точки зрения формата контента, блог «Своим ходом» характеризуется высокой степенью структурированности: видеоролики имеют значительную продолжительность (от 57 до 240 минут), сопровождаются закадровым голосом автора и включают практические советы, инструкции и пояснения. Такой формат смещает контент к «горячему» полюсу маклюэновского континуума и соответствует «инженерии уверенности», поскольку отличается высокой информационной плотностью и минимизирует необходимость интерпретационных усилий со стороны зрителя. Напротив, видеоролики проекта «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй», как правило, лишены вербального сопровождения, варьируются по длительности (25–120 минут) и строятся вокруг эстетически насыщенного визуального ряда. Здесь сообщение передается преимущественно через атмосферу и визуальные образы, что соответствует логике «холодного» медиа и «инженерии мечты», требующих активного сенсорного и эмоционального соучастия аудитории.

Различия в формате напрямую соотносятся с доминирующим типом воздействия. В случае «Своим ходом» воздействие носит комбинированный характер: рациональные аргументы (факты,

маршруты, бюджеты, логистика) дополняются эмоциональными элементами личного опыта автора. Такое сочетание формирует у зрителя ощущение контроля и предсказуемости туристского опыта. Видеоблог «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй», напротив, ориентирован преимущественно на эмоциональное воздействие, активируя чувства, воображение и эстетическое восприятие без апелляции к рациональному планированию.

Эта разница проявляется и в характеристиках аудитории. Более высокий уровень подписчиков и просмотров у «Своим ходом» (207 тыс. подписчиков и около 130 тыс. просмотров) свидетельствует о востребованности практико-ориентированного контента массовой аудиторией, ориентированной на решение конкретных задач. Существенно меньшие показатели у «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй» (11,6 тыс. подписчиков и около 4 тыс. просмотров) указывают на нишевый характер проекта, рассчитанного на зрителя, ищущего эстетический, медитативный и созерцательный опыт.

С точки зрения механизмов убеждения, различия между блогами могут быть интерпретированы через концепцию Э. Бернейса. В «Своим ходом» реализуется классическая «инженерия согласия»: доверие формируется за счет сочетания фактов, демонстрации личной компетентности автора и репрезентации путешествия как выполнимого и рационально организуемого действия. Зрителю предлагается не просто желать, но и верить в собственную способность воспроизвести показанный опыт. В проекте «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй» доминирует иной механизм – формирование желания через визуальный соблазн и эмоциональную пропаганду мечты. Здесь активируются символические цепочки свободы, красоты и «идеального переживания», а дефицит создается за счет контраста между повседневной реальностью зрителя и эстетизированным образом туристского пространства.

Наличие или отсутствие прямых призывов к действию также отражает различие стратегий. В «Своим ходом» призывы встроены в структуру повествования и логично вытекают из демонстрируемой рациональности путешествия. В «Смотри. Вдохновляйся. Путеше-

ствуй» прямые призывы отсутствуют, поскольку воздействие осуществляется опосредованно – через эмоциональную идентификацию и желание «обладать» переживанием, а не через немедленное практическое решение.

В итоге потенциальное туристское решение в первом случае формируется на основе оценки выполнимости и примера («я тоже могу так путешествовать»), а во втором – на основе эмоционального импульса, который требует последующего поиска практической информации за пределами самого медиатекста. Таким образом, таблица демонстрирует, как сочетание формальных параметров видеоконтента, описываемых в концепции М. Маклюэна, активирует различные механизмы убеждения (Э.Бернейс), формируя принципиально разные модели репрезентации туристского пространства и траектории зрительской мотивации.

Переходя от качественного анализа стратегий медиавоздействия к их эмпирическому уточнению, целесообразно обратиться к количественным показателям вовлечённости аудитории. Представленные показатели отражают различия не только в охвате, но и в характере взаимодействия аудитории с контентом. Массовый блог демонстрирует более высокий уровень комментариев и репостов, тогда как нишевый — преимущественно «тихое» потребление визуального материала.

Для сопоставимой оценки характера пользовательского взаимодействия был рассчитан коэффициент вовлечённости (Engagement Rate, ER), отражающий долю активных реакций по отношению к числу просмотров:

$ER = \frac{L+C+R}{P} * 100\%$, где L – количество лайков, C – количество комментариев, R – количество репостов, P – количество просмотров

Расчеты по полученным данным выявляют две принципиальные закономерности. Во-первых, для всех проанализированных роликов характерен в целом невысокий уровень интерактивности (ER в пределах ~1,5–2,5%), что типично для длительного видеоформата и указывает на преимущественно пассивную, «вещательную» модель потребления контента в социальной сети. Во-вторых, при

сопоставимых значениях ER фиксируется качественное различие в структуре вовлеченности. В случае блога «Своим ходом» наблюдается более сбалансированный профиль реакций с заметной долей репостов, что свидетельствует об утилитарной значимости контента и его восприятии как практического ресурса. Напротив, для канала «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй» характерно доминирование лайков при минимуме комментариев и репостов, что указывает на эмоционально-созерцательный тип взаимодействия.

Таким образом, количественные метрики подтверждают различие не столько в уровне, сколько в режиме вовлеченности: «Своим ходом» формирует инструментально-социальную вовлеченность, тогда как «Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй» – эмоционально-эстетическую, что количественно коррелирует с выявленными ранее стратегиями медиавоздействия.

Проведённое исследование подтвердило гипотезу: цифровой тревел-контент в социальных сетях реализует разные стратегии медиавоздействия в зависимости от формата видеороликов. Он функционирует не как нейтральная визуальная фиксация туристских практик, а как активный медиамеханизм конструирования мотивации, идентичности и способов восприятия туристского пространства. Синтез теоретических подходов М. Маклюэна и Э. Бернейса позволил перейти от описательного анализа медиатекстов к выявлению стратегий воздействия, реализуемых через формальные параметры видеоконтента.

Теоретический вклад работы заключается в апробации комплексной схемы сравнительного анализа, интегрирующей формальный медиаанализ и интерпретацию механизмов убеждения. Ключевым результатом стало выявление связи между медиаприёмами и конструированием «прототипа пользователя», на которого ориентирован контент. Дидактический закадровый голос, высокая информационная насыщенность и управляемый монтаж апеллируют к рациональному, планирующему субъекту, тогда как отсутствие вербальной наррации, созерцательные планы и эмбиент-звук формируют образ чувствительного созерцателя и мечтателя. Количественные метрики

вовлечённости подтвердили существование различных коммуникативных режимов – инструментально-социального и эмоционально-созерцательного, – коррелирующих с выявленными стратегиями медиавоздействия.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в сфере медиапродакшена и туристских коммуникаций. Анализ показал, что выбор формата контента предопределяет не только эстетическое решение, но и тип взаимоотношений с аудиторией, формируя либо сообщество практиков, ориентированных на достижимость и контроль, либо сообщество мечтателей, ориентированных на эмоциональное переживание и эстетическую идентификацию. Осознание этой зависимости позволяет более точно проектировать пользовательский опыт и коммуникационные стратегии в цифровой среде.

В целом исследование демонстрирует, что социальные сети выступают активной средой культурного посредничества, формируя туристский образ территории через визуальные Полученные результаты создают теоретико-методологическую основу для дальнейших междисциплинарных исследований в области цифровой культуры, визуальной коммуникации и социологии туризма, включая расширение эмпирической базы, углубление количественно-качественных методов анализа и изучение долгосрочных эффектов медиапотребления.

Список литературы

1. Баканов, Р., & Симкачева, М. (2025). Визуально-смысловые приёмы привлечения внимания аудитории в социальных медиа Республики Татарстан. *Динамика медиасистем, (5-1)*, с. 198–210. https://doi.org/10.47475/2949-3390-2025-5-1-198-210. EDN: https://elibrary.ru/PPIBJM (дата обращения: 13.12.2025).
2. Васильева, А. Л. (2025). Пропаганда и влияние на общество в трактовке Э. Бернейса. *Вестник науки, 4*(5), с. 2308–2315.
3. Друкер, М. М., & Яновская, Г. В. (2021). Социальные медиа: подходы к дефиниции понятия. *Электронный научный журнал «Медиаскоп», (2)*. http://www.mediascope.ru/2699 (дата обращения: 12.01.2026). https://doi.org/10.30547/mediascope.2.2021.2. EDN: https://elibrary.ru/QGYDGC
4. Жулина, М. А., Кедрова, Е. В., & Кицис, В. М. (2019). Визуальный контент как основа продвижения туристской дестинации в социальных сетях. *Гео-*

графический вестник = Geographical Bulletin, (1), с. 107–120. https://press.psu.ru/index.php/geogr/article/view/2216 (дата обращения: 12.01.2026). https://doi.org/10.17072/2079-7877-2019-1-107-120. EDN: https://elibrary.ru/VYCSOV

5. Климанова, О. А., & Тельнова, Н. О. (2008). Природный и историко-культурный потенциал региона как основа формирования туристского образа территории. *Современные проблемы сервиса и туризма, (4)*, с. 49–55. EDN: https://elibrary.ru/JVTDYD
6. *Конференция Mediascope 2025 — итоги и материалы*. Mediascope [Электронный ресурс]. https://mediascope.net/news/3216980/?sphrase_id=299587 (дата обращения: 12.01.2026).
7. *Маршалл Маклюэн: главные идеи и теории*. Art for introvert [Электронный ресурс]. https://artforintrovert.ru/magazine/tpost/aldtj5rvj1-marshall-maklyuen-glavnie-idei-i-teorii (дата обращения: 12.01.2026).
8. Новак, Л. В., Аникина, Л. А., & Беляковский, Б. Ю. (2025). Соцсети как способ продвижения услуг в туризме. *Вестник Алтайской академии экономики и права. Рубрика: Экономические науки, (4-1)*, с. 111–116. https://sciup.org/socseti-kak-sposob-prodvizhenija-uslug-v-turizme-142244584 (дата обращения: 12.01.2026). https://doi.org/10.17513/vaael.4082. EDN: https://elibrary.ru/SPUICX
9. Сарафанова, А. Г., & Сарафанов, А. А. (2022). Влияние социальных сетей на потребителей туризма. *Вестник ВГУ. Серия: География. Геоэкология, (1)*, с. 28–35. https://journals.vsu.ru/geo/article/view/9083/9161 (дата обращения: 13.12.2025). https://doi.org/10.17308/geo.2022.1/9083. EDN: https://elibrary.ru/FLEZUB
10. *Своим ходом — Виталик и Лиза*. ВКонтакте [Электронный ресурс]. https://vk.com/svoimxodom?ysclid=mjhyjvm8r897729654 (дата обращения: 12.01.2026).
11. *Смотри. Вдохновляйся. Путешествуй*. ВКонтакте [Электронный ресурс]. https://vk.com/trip_mydream?ysclid=mjhyne5y5w620060247 (дата обращения: 12.01.2026).
12. *Тревел-контент в соцсетях мотивирует каждого пятого россиянина на поездку*. Adindex [Электронный ресурс]. https://adindex.ru/news/researches/2025/07/9/335201.phtml (дата обращения: 12.01.2026).
13. Чумакова, В. П. (2015). Роль Герберта Маршалла Маклюэна в социологии медиа и формировании научного направления «медиаэкологии». *Электронный научный журнал «Медиаскоп», (1)*. http://www.mediascope.ru/1695 (дата обращения: 12.01.2026). EDN: https://elibrary.ru/TNIBQH
14. *Яндекс Путешествия. Соцсети влияют на каждого десятого россиянина при выборе места для поездки, узнали Яндекс Путешествия*. Яндекс Путешествия [Электронный ресурс]. https://travel.yandex.ru/journal/socseti-vliyayut-na-kazhdogo-desyatogo-rossiyanina-pri-vybore-mesta-dlya-poezdki-uznali-yandeks-puteshestviya/ (дата обращения: 12.01.2026).

15. Aboalganam, K. M., AlFraihat, S. F., & Tarabieh, S. (2025). The impact of user-generated content on tourist visit intentions: The mediating role of destination imagery. *MDPI*. https://www.mdpi.com/2076-3387/15/4/117?utm_source
16. Barichello, E. M. da R., & Carvalho, L. M. (2013). Understanding the digital social media from McLuhan's idea of medium-ambience. *MATRIZes, 7*(1), pp. 235–246. https://doi.org/10.11606/issn.1982-8160.v7i1p235-246
17. Joseph, A., Vasundhara, T. P., & Thomas, T. (2024). How social media influences travel decisions: The effect of user-generated content, visual appeal, and storytelling on destination intentions. *South India Journal of Social Sciences*. https://doi.org/10.62656/sijss.v22i4.1413. EDN: https://elibrary.ru/HHBZPD

References

1. Bakanov, R., & Simkacheva, M. (2025). Visual and semantic techniques for attracting audience attention in social media of the Republic of Tatarstan. *Dynamics of Media Systems*, *(5)*(1), pp. 198–210. https://doi.org/10.47475/2949-3390-2025-5-1-198-210. EDN: https://elibrary.ru/PPIBJM (Retrieved: December 13, 2025).
2. Vasilyeva, A. L. (2025). Propaganda and its influence on society in E. Bernays' interpretation. *Bulletin of Science*, *4*(5), pp. 2308–2315.
3. Druker, M. M., & Yanovskaya, G. V. (2021). Social media: Approaches to defining the concept. *Electronic Scientific Journal "Mediascope"*, *(2)*. http://www.mediascope.ru/2699 (Retrieved: January 12, 2026). https://doi.org/10.30547/mediascope.2.2021.2. EDN: https://elibrary.ru/QGYDGC
4. Zhulina, M. A., Kedrova, E. V., & Kitsis, V. M. (2019). Visual content as the basis for promoting tourist destinations in social networks. *Geographical Bulletin*, *(1)*, pp. 107–120. https://press.psu.ru/index.php/geogr/article/view/2216 (Retrieved: January 12, 2026). https://doi.org/10.17072/2079-7877-2019-1-107-120. EDN: https://elibrary.ru/VYCSOV
5. Klimanova, O. A., & Telnova, N. O. (2008). Natural and historical-cultural potential of the region as the basis for forming the tourist image of the territory. *Modern Problems of Service and Tourism*, *(4)*, pp. 49–55. EDN: https://elibrary.ru/JVTDYD
6. Mediascope Conference 2025 — Outcomes and Materials. *Mediascope* [Electronic resource]. https://mediascope.net/news/3216980/?sphrase_id=299587 (Retrieved: January 12, 2026).
7. Marshall McLuhan: Main Ideas and Theories. *Art for Introvert* [Electronic resource]. https://artforintrovert.ru/magazine/tpost/aldtj5rvj1-marshall-maklyuen-glavnie-idei-i-teorii (Retrieved: January 12, 2026).
8. Novak, L. V., Anikina, L. A., & Belyakovsky, B. Yu. (2025). Social networks as a way to promote tourism services. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. Section: Economic Sciences*, *(4)*(1), pp. 111–116. https://sciup.org/socseti-kak-

sposob-prodvizhenija-uslug-v-turizme-142244584 (Retrieved: January 12, 2026). https://doi.org/10.17513/vaael.4082. EDN: https://elibrary.ru/SPUICX

9. Sarafanova, A. G., & Sarafanov, A. A. (2022). The influence of social networks on tourism consumers. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*, *(1)*, pp. 28–35. https://journals.vsu.ru/geo/article/view/9083/9161 (Retrieved: December 13, 2025). https://doi.org/10.17308/geo.2022.1/9083. EDN: https://elibrary.ru/FLEZUB
10. *Svoim Khodom — Vitalik and Liza*. VKontakte [Electronic resource]. https://vk.com/svoimxodom?ysclid=mjhyjvm8r897729654 (Retrieved: January 12, 2026).
11. *Look. Get Inspired. Travel*. VKontakte [Electronic resource]. https://vk.com/trip_mydream?ysclid=mjhyne5y5w620060247 (Retrieved: January 12, 2026).
12. Travel content in social networks motivates every fifth Russian to travel. *Adindex* [Electronic resource]. https://adindex.ru/news/researches/2025/07/9/335201.phtml (Retrieved: January 12, 2026).
13. Chumakova, V. P. (2015). The role of Herbert Marshall McLuhan in media sociology and the formation of the scientific field of "media ecology". *Electronic Scientific Journal "Mediascope"*, *(1)*. http://www.mediascope.ru/1695 (Retrieved: January 12, 2026). EDN: https://elibrary.ru/TNIBQH
14. Yandex Travel. Social networks influence every tenth Russian when choosing a travel destination, Yandex Travel found out. *Yandex Travel* [Electronic resource]. https://travel.yandex.ru/journal/socseti-vliyayut-na-kazhdogo-desyatogo-rossiyanina-pri-vybore-mesta-dlya-poezdki-uznali-yandeks-puteshestviya/ (Retrieved: January 12, 2026).
15. Aboalganam, K. M., AlFraihat, S. F., & Tarabieh, S. (2025). The impact of user-generated content on tourist visit intentions: The mediating role of destination imagery. *MDPI*. https://www.mdpi.com/2076-3387/15/4/117?utm_source
16. Barichello, E. M. da R., & Carvalho, L. M. (2013). Understanding the digital social media from McLuhan's idea of medium-ambience. *MATRIZes, 7*(1), pp. 235–246. https://doi.org/10.11606/issn.1982-8160.v7i1p235-246
17. Joseph, A., Vasundhara, T. P., & Thomas, T. (2024). How social media influences travel decisions: The effect of user-generated content, visual appeal, and storytelling on destination intentions. *South India Journal of Social Sciences*. https://doi.org/10.62656/sijss.v22i4.1413. EDN: https://elibrary.ru/HHBZPD

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Гусарова Вероника Андреевна, обучающийся

ФГБОУ ВО Дальневосточный государственный университет путей сообщения

ул. Серышева, 47, г. Хабаровск, 680021, Российская Федерация

gusarovaveronika2006@mail.ru

Кулян-Козионова Мария Эдуардовна, старший преподаватель
ФГБОУ ВО Дальневосточный государственный университет путей сообщения
ул. Серышева, 47, г. Хабаровск, 680021, Российская Федерация
kulyan.mari@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Veronika A. Gusarova, Student
Far Eastern State University of Transport
47, Serysheva Str., Khabarovsk, 680021, Russian Federation
gusarovaveronika2006@mail.ru

Maria E. Kulyan-Kozionova, Senior Lecturer
Far Eastern State University of Transport
47, Serysheva Str., Khabarovsk, 680021, Russian Federation
kulyan.mari@mail.ru

Поступила 28.01.2026
После рецензирования 25.02.2026
Принята 05.03.2026

Received 28.01.2026
Revised 25.02.2026
Accepted 05.03.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья
Original article
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-306
EDN: JWCNOC
УДК 72.03(3):111

Тело, дом, саркофаг: онтологический цикл в архитектуре древности

С.В. Архипова
Москва, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Исследование строительных и погребальных практик архаических культур раскрывает архитектуру в качестве физического медиатора фундаментальной связи человека с местом. В фокусе анализа – жилище и погребальное сооружение, образующие единый онтологический цикл, где различные пространственные формы материализуют последовательные фазы этой связи. Семиотика этих форм, их ориентация и использование локальных материалов раскрывают культурную логику отождествления пространств жизни и смерти. Доказывается, что жилище и погребальное сооружение материализуют различные фазы единого процесса резонансного взаимодействия между человеческой телесностью и минеральной субстанцией места.

В исследовании архитектурных практик архаических культур сохраняется разрыв между философскими концепциями места и анализом строительных и погребальных форм. Существующие подходы рассматривают жилище и домовину изолированно либо интерпретируют их символику вне связи с материальной природой используемых локальных ресурсов. Это обуславливает необходимость разработки инструментария, позволяющего рассматривать архитектурные формы как последовательные фазы единого процесса взаимодействия человека с веществом места обитания.

Цель – выявить и проанализировать семиотические и материальные механизмы, посредством которых жилище и погребальное сооружение объективируют связь человека с минеральной субстанцией места, образуя замкнутый онтологический цикл.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили археологические данные палеолитических и неолитических памятников (Сунгирь, Чатал-Хуюк), лингвистические данные (славянская, латинская терминология жилища и погребения), а также типологические обзоры погребальной керамики. Методологическую базу

составляют семиотический анализ архитектурных форм, сравнительно-исторический метод и элементы иконологического анализа, позволяющие реконструировать культурную логику отождествления пространств жизни и смерти.

Результаты исследования. Установлено, что архитектурная пара «жилище – домовина» представляет собой звенья единого цикла, материализующего интуицию вещественного родства человека и земли. Выявлены три уровня семантической интеграции: лингвистический (терминологическое тождество дома и гробницы), вещественный (использование идентичных локальных материалов) и ритуальный (охра как общий медиатор очага и погребения). На примере погребальных урн продемонстрирована трехуровневая семантика глиняного сосуда как вещества, архитектурного вместилища и телесного лона, что позволяет интерпретировать урну как микрокосм, замыкающий онтологический цикл «тело – дом – земля». Показано, что архаическая архитектура функционирует как непосредственный носитель и медиатор резонансной связи наделяемый символическим значением.

Практическая значимость. Предложенный подход создает методологическую основу для преодоления дихотомии утилитарного и символического в интерпретации древней архитектуры. Выявленные закономерности формирования онтологического цикла могут быть применены для диагностики сохранения, разрыва или трансформации связи человека с местом в архитектурной среде последующих эпох.

Ключевые слова: гео-хроматический резонанс; онтологический цикл; дом; домовина; погребальная архитектура; внешний скелет; био-гео-химическое единство

Для цитирования. Архипова, С. В. (2026). Тело, дом, саркофаг: онтологический цикл в архитектуре древности. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 94-112. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-306

Body, house, sarcophagus: the ontological cycle in the architecture of antiquity

S.V. Arkhipova
Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. It argues that the dwelling and the burial structure materialize different phases of a single resonant interaction between human corporeality and the mineral substance of a place. Drawing on archaic building practices and funerary rites, the study reveals how architecture becomes a physical expression of the deep bio-geo-chemical identity shared by humans and the earth.

Research on architectural practices in archaic cultures reveals a persistent gap between philosophical concepts of place and the concrete analysis of construction and funerary forms. Existing approaches tend to examine dwellings and burial structures in isolation or interpret their symbolism separately from the material nature of locally sourced resources. This necessitates the development of analytical tools that allow architectural forms to be understood as successive phases of a unified process of human interaction with the substance of place.

Purpose. To identify and analyze the semiotic and material mechanisms through which dwellings and funerary structures objectify the connection between the human body and the mineral substance of place, thereby forming a closed ontological cycle.

Materials and methods. The study draws on archaeological data from Paleolithic and Neolithic sites (Sungir, Çatalhöyük), linguistic evidence (Slavic and Latin terminology for dwelling and burial), and typological surveys of funerary ceramics. The methodological framework comprises semiotic analysis of architectural forms, comparative-historical analysis, and elements of iconological analysis, enabling the reconstruction of the cultural logic underlying the identification of the spaces of life and death.

Results. The architectural pair "dwelling – burial chamber" is shown to constitute not two isolated types of structures but successive stages of a single cycle that materializes the intuition of substantial kinship between human beings and the earth. Three levels of semantic integration are identified: linguistic (terminological identity of house and tomb), material (use of identical local materials), and ritual (ochre as a shared mediator of hearth and burial). Through the case of funerary urns, the threefold semantics of the clay vessel is demonstrated – as substance, architectural container, and bodily womb – allowing the urn to be interpreted as a microcosm that completes the ontological cycle "body-house-earth." Archaic architecture is shown to function not as a utilitarian structure secondarily endowed with symbolic meaning, but as a direct carrier and mediator of resonant connection.

Practical implications. The proposed approach provides a methodological framework for overcoming the traditional dichotomy of the utilitarian and the symbolic in the interpretation of ancient architecture. The identified patterns in the formation of the ontological cycle can be applied to diagnose the preservation, rupture, or transformation of the human – place connection in the architectural environments of subsequent eras.

Keywords: geo-chromatic resonance; ontological cycle; house; burial structure; funerary architecture; external skeleton; bio-geo-chemical unity

For citation. Arkhipova, S. V. (2026). Body, house, sarcophagus: the ontological cycle in the architecture of antiquity. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 94-112. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-306

Введение

Исследование архаических способов взаимодействия человека с окружающей средой неизбежно сталкивается с проблемой пространственной локализации этой связи. Ритуальные действия и мифологические нарративы, сколь бы глубокими ни были, представляют собой дискретные, хоть и повторяющиеся, события во времени. Однако культура стремится не только периодически воспроизводить сакральные акты, но и закреплять их результаты в устойчивых, долговременных формах, которые становятся неотъемлемой частью повседневного и сакрального пространства.

Настоящая работа представляет собой этап в развитии концепции, исследующей глубинные материально-смысловые связи человека и места – переход от анализа локальных практик к исследованию их распространения и воплощения в архитектурном пространстве. Если предшествующие исследования позволили выявить механизм этой связи на уровне оперативных действий (таких как ритуальное использование охры) и вербальных кодов (мифов о творении), то данное исследование осуществляет необходимое масштабирование [1, p. 191].

Оно направлено на демонстрацию того, как изначальный, интуитивно ощущаемый резонанс с земной субстанцией кристаллизуется и объективируется в долговременных, структурных формах человеческого обитания. Архитектура в этом контексте перестаёт быть лишь ответом на климатические или социальные потребности; она предстаёт как система, переводящая онтологические отношения в язык пространства, объёма и материала.

В рамках данной работы архитектура рассматривается как кульминационная фаза единого онтологического цикла, условно обозначаемого формулой «тело–дом–саркофаг». Эта формула описывает систему взаимопревращений и взаимоподобий, где человеческая телесность, пространство жилища и форма погребального сооружения оказываются связанными отношениями глубокой аналогии. Каждое звено цикла является отражением и продолжением другого через общую причастность к земной субстанции.

Жилище и погребальное сооружение предстают не просто как утилитарные постройки, а как архитектонические медиаторы. Их функция заключается в том, чтобы переводить глубинное, био-геохимическое тождество человека и земли из регистра ритуального действия в план постоянной пространственной организации бытия. Они создают среду, которая окружает человека от рождения до смерти, обеспечивая непрерывность и стабильность фундаментальной связи с местом.

Целью исследования является синтез ранее выявленных закономерностей в целостную архитектурно-антропологическую парадигму. Этот синтез необходим для преодоления фрагментарности в изучении культур, где жилая, погребальная и сакральная архитектура часто анализируются изолированно, вне единой мировоззренческой рамки.

Через комплексный семиотический анализ строительных и погребальных практик, подкреплённый лингвистическими и археологическими данными, в работе доказывается, что архитектурные формы являются прямым продолжением и логическим развитием принципов, заложенных в архаических ритуалах работы с материей. Архитектура осмысляется как «застывший» или «институционализированный» резонанс.

Данный синтез выполняет двоякую задачу. Во-первых, он подтверждает универсальность и объяснительную силу предложенной теоретической модели, демонстрируя её работу на принципиально новом – пространственно-структурном – уровне. Во-вторых, он создаёт прочный концептуальный фундамент, который позволяет применять этот аналитический инструментарий к изучению архитектуры более поздних, вплоть до современных, эпох, выявляя в ней следы и трансформации древнейших архетипов связи с местом.

1. Дом как внешний скелет: архитектура живого тела

Архаическое жилище представляет собой семиотически насыщенную систему, чья функция выходит далеко за рамки утилитарного укрытия. В своей сущности оно функционирует как внешний скелет, проекция и продолжение человеческой телесности в пространство,

создающая защитную оболочку, упорядочивающую связь индивида с окружающим миром. Эта оболочка не противопоставляет внутреннее внешнему, а устанавливает между ними отношения глубокого резонанса.

Конструкция жилища, сформированная из материалов гео-резонансной палитры – древесины, глины, камня, – создает пространство, находящееся в состоянии био-гео-резонанса одновременно с человеческим телом и окружающим ландшафтом [2, p. 6]. Материал дома является тем же веществом, что и тело человека (в свете архаических представлений о творении из глины и архетипической связью человека и «матери-земли») и почва под ним. Архитектура материализует уже существующую связь, переводя её из плана мифа и ритуала в план повседневного, постоянного обитания.

Эта связь осознается в психологической рефлексии XX века. К.Г. Юнг в автобиографических заметках приходит к выводу, что «дом – это в каком-то смысле образ души», где этажи и подвалы соответствуют различным слоям психики, а самые глубинные уровни содержат «остатки примитивной культуры» [3, p. 162]. В этом контексте жилище предстает материализованной моделью человеческой психики, укорененной в коллективном опыте вида столь же глубоко, как и в веществе земли.

Генезис этой глубокой связи прослеживается в доисторический период, когда человечество существовало в состоянии симбиоза с геологическим окружением. На протяжении тысячелетий естественные образования – пещеры, гроты, скальные навесы – функционировали как готовые архитектурные оболочки, буквально являющиеся продолжением телесности. Обитание в них было опытом прямого, непосредственного взаимодействия с «плотью земли», что сформировало архетипический образ дома как укрытия-утробы.

Неолитическая революция и переход к активному строительству не разорвали эту органическую связь, а трансформировали её. Протоархитектура сознательно воспроизводила принципы естественного убежища: первые искусственные жилища возводились из земли (землянки, полуземлянки) или плотно интегрировались в геологический

субстрат. Как отмечал Витрувий, когнитивный прорыв первобытных сообществ заключался именно в осознании конструктивных возможностей окружающей среды: «Будучи от природы одарены тем преимуществом... начали в этом сборище одни – делать шалаши из зеленых ветвей, другие – рыть в горах пещеры, а иные... – делать себе убежище из глины и веток» [4, p. 37].

Витрувий, анализируя генезис архитектуры, возводит её к природным элементам, где первичным актом выступает огонь, а базовым материалом – кирпич, трактуемый как «обожжённая земля». Его приоритетное внимание к материалам вулканического происхождения (пепел, пемза) указывает на архаическое осознание строительного вещества как продукта глубинных геологических сил, тем самым фиксируя связь между строительным искусством и тектоникой (земным пластом). Эта интуиция подчёркивает, что изначально архитектура мыслилась не как преодоление, а как продолжение и культурная артикуляция резонанса с субстанцией земли.

Эволюция строительной практики, при всей её региональной вариативности, долгое время сохраняла эту парадигму. Европейские города, формируясь из материалов-эндемиков (дерево, глина, местный камень), создавали визуально и тактильно целостную архитектурную экосистему, интегрированную в ландшафт. Монохромность античной и византийской архитектуры, основанная на использовании натурального камня, туфа или кирпича, не была эстетическим дефицитом, а выступала прямым выражением гео-хроматического кода места. Даже при межкультурных заимствованиях (как в Крыму под византийским влиянием) доминирующим оставался принцип локальности: известняк, дерево или керамический кирпич служили не просто утилитарным решением, но материальными носителями устойчивой резонансной связи. Как отмечал Тацит [5], описывая германцев, их исключительное использование дерева закрепляло архетипическую связь «племя – лес», где архитектура становилась прямым продолжением среды обитания. Доиндустриальная архитектура выступала как кристаллизованный ландшафт, где выбор материала и колористическая сдержанность были не следствием технологической простоты,

а формой поддержания непрерывного диалога между человеческим обитанием и минеральной субстанцией места.

Возводимая конструкция становилась диалектической структурной единицей. С одной стороны, она противостояла стихиям, обеспечивая защиту от хаоса внешнего мира. С другой – сохраняла генетическое, субстанциальное родство с природой через использование аутентичных, «живых» материалов. Это родство постоянно актуализировалось и подтверждалось традицией.

Участие в строительстве всегда в той или иной форме вовлекало ритуальные действия, призванные «освятить» место, включить его в космический порядок и разместить обитателей в правильных отношениях с мирозданием. Этот ритуальный аспект превращал дом из набора материалов в сложную семиотическую систему, модель универсума, укоренённую в коллективном бессознательном. Как отмечал Мартин Хайдеггер: «Когда мы размышляем о попытках установить связь между местом и пространством, а также об отношениях между человеком и пространством, свет падает на сущность вещей, которые являются местами и которые мы называем зданиями» [6, p. 169].

«Таким образом, архитектура указывает на точку отсчета в пространстве, позволяет человеку ориентироваться и отделить себя от внешнего мира. Но, как и ритуалы перехода, действие архитектуры заключает в себе двойную природу: не только разделяет, но одновременно связывает здешнее с потусторонним, далекое и близкое, „здесь“ и „там“» [7, p. 229].

Архитектура выполняла роль медиатора, она устанавливала диалог между человеческим и природным, переводя естественное в культурное, но не отменяя их фундаментального родства. Дом становился точкой сборки, где внешний ландшафт встречался с внутренним миром человека.

В этой перспективе социальное пространство кристаллизовалось как «символ борьбы человека с природой, символ его победы над ней» [8, p. 25], но борьбы парадоксальной. Архаическое искусственное жилище представляет собой диалектическую конструктивную

единицу. С одной стороны, оно выступает как защитная оболочка, противостоящая хаотическим силам внешней среды. С другой – сохраняет глубинное субстанциальное родство с природным контекстом, будучи возведённым из аутентичных материалов гео-резонансной палитры (глина, дерево, камень) [9-11]. Акт строительства знаменовал собой не разрыв с естественным порядком, а его культурную артикуляцию: переход от пассивного обитания в ландшафте к активному формированию среды, где антагонизм между человеческим («искусственным») и природным («естественным») преодолевается через их вещественное тождество.

Эволюция данной парадигмы находит своё закономерное развитие в процессе урбанизации. Колористическая и текстурная характеристика ранних городских образований детерминировалась использованием локальных материалов-эндемиков – известняка, песчаника, кирпича-сырца, пород дерева. Это формировало специфическую архитектурную экосистему, где отдельные сооружения складывались в целостную тектоническую структуру, визуально и материально интегрированную в окружающий ландшафт.

В результате возникал уникальный хроматико-фактурный код, неотделимый от региона: охристые монохромы средиземноморских полисов, серо-зелёная гамма городов, построенных из вулканического туфа, или полихромия деревянной застройки. Данный код следует интерпретировать не как следствие технологической ограниченности, а как манифестацию принципа гео-хроматического резонанса, масштабированного до уровня целого поселения. Городская среда становилась кристаллизованной формой ландшафта, а архитектура – материальной фиксацией онтологической связи с местом, достигшей своей максимальной пространственной сложности и социальной оформленности.

2. Домовина как завершающая оболочка: лингвистика последнего пристанища

Архитектоника погребального сооружения представляет собой кульминационную фазу в развертывании онтологического цикла

«тело – дом – земля». Данный цикл, находит свое материальное завершение в структурах, семиотически и вещественно замыкающих связь человеческой телесности с минеральной субстанцией места. Погребальная архитектура, таким образом, не маркирует разрыв, но осуществляет переход и фиксацию, переводя интуитивное единство в план сакральной топографии.

Первичным свидетельством глубины этой связи выступает лингвистический универсум, где термины, обозначающие жилище и последнее пристанище, обнаруживают структурное родство. Лингвистический анализ демонстрирует универсальность этой связи: славянская «домовина» (от «дом»), латинское «domus aeterna» (вечный дом), немецкое «letzte Heimstätte» (последнее пристанище) и английский эвфемизм «house of the dead», образуют устойчивый межкультурный код. Эта терминологическая конвергенция указывает не на случайную метафору, а на архетипическое отождествление функций: и дом, и домовина суть защитные, сакрализованные оболочки, последовательно вмещающие человеческое бытие в его динамике.

Археология доаграрных обществ демонстрирует ранние формы ритуального оформления этого перехода. На примере верхнепалеолитической стоянки Сунгирь прослеживается использование охры как универсального медиатора. Охра выступала единым медиатором, связывающим пространство жизни (очаг) и пространство смерти (погребение), что демонстрирует изначальную неразрывность этих состояний в рамках единой вещественной среды [12, p. 38]. Подобная практика свидетельствует о формировании концепции, согласно которой смерть есть трансформация в рамках непрерывной вещественной среды.

С переходом к оседлости и домостроительству в неолите данная концепция кристаллизуется в стабильных архитектурных формах. Феномен интрамуральных захоронений, наиболее ярко представленный в Чатал-Хююке, где погребения осуществлялись под платформами жилых помещений, знаменует радикальное включение смерти в сакральную топографию дома [13, p. 156]. Жилище становится

тотальным контейнером онтологического цикла, а пространство жизни и пространство посмертного пребывания оказываются не просто соседними, но структурно сочлененными.

Эволюцией данной логики, проецирующей ее из приватной сферы семьи в публичное, родовое и территориальное поле, выступает курганная архитектура. Курган, вероятно, можно интерпретировать как целенаправленно возводимое искусственное геологическое тело. Его конструкция из местного грунта, дерна и камня есть акт буквального «впластывания» покойного в плоть ландшафта, создания для него постоянного вместилища, соразмерного социальному статусу и тождественного субстанции места. В этом качестве курган выступает не только как место упокоения, но и как жилище для души, где сакральные функции неотделимы от материальной конструкции.

Курган выполняет двоякую семиотическую функцию. Во-первых, он является монументальным «домом» предка, видимым и неоспоримым. Во-вторых, через акт насыпания он трансформирует саму территорию, становясь ее доминантной точкой и, следовательно, материальным доказательством укорененности рода в данной земле. Он превращает индивидуальную смерть в коллективный пространственный символ.

Ключевым для понимания кургана как именно «дома» является анализ связанных с ним ритуальных практик. Археологические свидетельства – остатки поминальных пиршеств (тризн) у подножия, следы регулярного посещения внутренних камер, находки посуды, пищи и вторичных захоронений – однозначно указывают на его восприятие как обитаемого пространства. Это была не инертная могила, но активный полюс социального взаимодействия [14; 15].

Родственники приходили в этот «дом» к предку, чтобы совершить подношения, разделить ритуальную трапезу, укрепить связь поколений и легитимизировать право на землю. Погребальная архитектура в форме кургана становилась, соответственно, институционализированным местом коммуникации живых и мертвых, материальным якорем коллективной памяти и идентичности.

Дифференциация погребальной архитектуры внутри одной культуры также подчиняется логике гео-хроматического резонан-

са. Выбор материала для домовины – дерево, камень, глина – часто коррелировал с материалом основного жилища и спецификой локального ландшафта. Деревянные срубные гробницы в регионах лесной зоны, каменные цисты в горных местностях или плетеные из лозы конструкции в соответствующих ареалах демонстрируют, как принцип вещественного тождества определял архитектурную форму последнего пристанища, замыкая круг «почва-тело-дом-почва».

Семиотика архитектурной формы домовины часто реплицировала или трансформировала семиотику жилища. Скругленные углы погребальных камер, имитирующие форму землянки, двускатная конструкция деревянных гробов, отсылающая к крыше дома, или вертикальная стела как символический центр и «дверь» в иной мир – все эти элементы указывают на работу с архитектурным кодом как средством обеспечения непрерывности существования. Погребальное сооружение – домовина, саркофаг, погребальная камера – представляет собой кульминационную точку онтологического цикла.

Наконец, сам ритуал погребения может быть рассмотрен как акт архитектонического замыкания. Укладка тела в позе сна или эмбриона, ориентация по сторонам света, совпадающая с ориентацией жилища, окружение предметами быта – все это операции по созданию из тела умершего подобия «интерьера» его вечного дома. Тело становится одновременно и содержимым, и архитектурным ядром домовины, а совокупность погребального инвентаря моделирует среду его посмертного обитания.

Комплекс архитектурных и ритуальных практик, связанных с погребением, предстает как системная деятельность по поддержанию гео-хроматического резонанса на его терминальной стадии.

Сопутствующая погребальной практике архитектура формирует завершающую фазу в цикле отношений между сообществом и территорией его обитания. Использование местных материалов, воспроизведение форм жилого пространства и организация системных кодов ритуального поведения в коммуникационной связи с усопшими служат механизмами объективации представления о неразрывном единстве человеческого коллектива и земли. Завершая

индивидуальное существование, практика погребения переводит эту связь в иное состояние – из сферы повседневного взаимодействия в регистр сакральной памяти, навсегда фиксируя её в физической структуре ландшафта.

Ритуальные погребальные практики, предстают как логическое завершение гео-хроматического резонанса, через использование тех же материалов, что и в жилище. Через ассоциирование дома и домовины, культура воспроизводила и закрепляла идею связи человека с веществом места. Этот комплекс представлений, прослеживаемый от палеолитических охряных практик до неолитических домовых захоронений, формирует целостную картину онтологического цикла, где архитектура выступает средством оформления практиками культурных кодов, перехода между различными состояниями человеческого бытия в их неразрывной связи с землей.

3. Погребальная урна как архетип трансформации

Феномен захоронения праха в глиняных сосудах представляет собой наиболее концентрированное выражение онтологического цикла гео-хроматического резонанса. В этой практике сходятся ключевые аспекты связи человека с землей: вещественное тождество (прах, помещенный в глину), пространственная семантика (сосуд как ритуальное вместилище) и телесная символика (поза эмбриона). Глиняная урна становится микрокосмом, воспроизводящим как форму материнского лона, так и сакральную геометрию жилища, замыкая архитектурно-телесную метафору в единый символический универсум.

Сосуд, выполненный из того же минерального вещества, что и тело умершего, функционирует как последнее, сакрализованное вместилище телесности. Поза человеческих останков, имитирующая эмбриональное положение, ритуально воспроизводит акт вторичного рождения уже в инобытийном качестве. Этот комплекс представлений материализует идею вторичного рождения человеческого вещества через земную субстанцию и форму, приближенную к символическе архетипа материнского начала.

Сравнительный анализ погребальных практик демонстрирует устойчивость традиции. От античных урн-оссуариев, обрядовых практик захоронений центральной Азии [16] до славянских погребальных сосудов [17, p. 158] прослеживается логика сакрализации керамического пространства. Ритуальный сосуд выступает одновременно как архитектурное сооружение (миниатюрный дом) и человеческое тело, синтезируя все уровни бытия в едином предмете. Эта многозначность подтверждает универсальность архетипа, где граница между телом, жилищем и сакральным пространством становится проницаемой.

Погребальная урна представляет собой квинтэссенцию гео-хроматического резонанса, аккумулируя в своей форме все фазы онтологического цикла. Через вещественное тождество глины и праха, пространственную метафору лона и телесную символику возвращения к первоистокам культура воспроизводила фундаментальный принцип единства человеческого и земного.

Логика вещественного возвращения может быть понята через более широкую антропологическую модель, где тело умершего уподобляется субстанции, проходящей через ритуальную трансформацию. Б.А. Рыбаков, анализируя славянскую погребальную обрядность, реконструирует представление, согласно которому прах, помещенный в урну, подобен веществу, прошедшему через огонь и обретшему новое качество – подобно тому, как зерно через приготовление становится пищей. Тело через кремацию трансформируется, переходя из одного состояния бытия в другое, и помещается в сосуд как в новую, окончательную форму. При этом происходит то, что Б.А. Рыбаков называет «бифуркацией магической силы»: душа, освобожденная огнем, восходит к небу, а вещественный остаток, прах, возвращается в землю, откуда человек вышел. Урна оказывается точкой схождения двух векторов – трансцендентного и имманентного, местом, где завершается земной цикл и начинается посмертное существование, неразрывно связанное с той же земной субстанцией [18, p. 75].

Этот комплекс представлений завершает архитектурно-антропологическую парадигму, демонстрируя, как через простейшие мате-

риальные формы выражались наиболее глубокие экзистенциальные интуиции о связи человека с веществом его планеты.

Через тройное соответствие материала (глина/прах), формы (вместилище/лоно) и содержания (останки/зародыш) культура объективирует идею фундаментального единства человеческого и земного. Данный комплекс представлений иллюстрирует способность архаического сознания кодировать наиболее сложные экзистенциальные интуиции в лаконичных материальных формах.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать архитектурную оппозицию «жилище – погребальное сооружение» как материализованную форму онтологической связи человека с местом. Последовательность «дом – домовина» образует замкнутый цикл, в котором архитектура выступает медиатором, переводящим интуицию вещественного родства с землей в устойчивые пространственные формы. От первого укрытия, возведенного из локальных материалов, до последнего вместилища человек пребывает внутри архитектурно оформленной среды, которая последовательно объективирует различные фазы его сопричастности субстанции места.

Семиотический анализ подтверждает архетипический характер данной модели. Лингвистические схождения в обозначении жилища и гробницы, а также анализ археологических исследований на примерах погребений Чатал-Хуюка и Сунгирь указывают на культурную логику, в рамках которой пространства жизни и смерти мыслятся в едином вещественно-пространственном континууме. Ритуальное использование охры в качестве общего медиатора очага и погребения демонстрирует, что интеграция этих состояний осуществлялась через работу с цвето-вещественными кодами, маркирующими принадлежность к земной субстанции.

Предложенная концепция гео-хроматического резонанса обнаруживает эвристический потенциал при анализе архитектурных практик. Разработанный подход позволяет интерпретировать архитектурную форму как систему закрепления фундаментального

тождества человека и среды его обитания. Тем самым преодолевается характерная для искусствоведческой традиции дихотомия утилитарного и символического: материал и конструкция предстают как носители этого смысла.

Дальнейшее исследование предполагает применение разработанной методологии к анализу архитектуры Нового и Новейшего времени. Выявленная логика онтологического цикла формирует теоретическую рамку, позволяющую диагностировать различные стадии трансформации гео-хроматического резонанса – от его сознательного разрыва в авангардных проектах Модерна до рефлексивных попыток восстановления связи в современных биомиметических и биофильных практиках.

Список литературы

1. Архипова, С. В. (2025). Феномен охры в палеолите: материальный медиатор сакральной связи. *Культура и цивилизация, 15*(12А), с. 183–191. https://doi.org/10.34670/AR.2025.92.79.018. EDN: https://elibrary.ru/FEGCZS
2. Колосова, И. И., & Вадяева, Д. А. (2020). Этапы развития, становления и совершенствования конструктивных особенностей дерева в архитектуре стран древнего мира до н. э. *Вестник ТГАСУ, (4)*.
3. Юнг, К. Г. *Воспоминания, сновидения, размышления*. Минск: Харвест, 2003.
4. Витрувий. *Десять книг об архитектуре* / пер. Ф. А. Петровского. Москва: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1936.
5. Тацит, К. *Сочинения в двух томах. Том I: Анналы. Малые произведения*. Москва: Научно-издательский центр «Ладомир», 1993.
6. Хайдеггер, М. (2020). Строительство, жительствование, мышление. *Журнал фронтирных исследований, (1)* (17). https://doi.org/10.24411/2500-0225-2020-10011. EDN: https://elibrary.ru/MLFJJE
7. Невлютов, М. Р. (2018). Ритуальные истоки архитектуры. *Современная архитектура мира. Санкт-Петербург: «Нестор-История», (11)*, с. 229–241.
8. Ле Корбюзье. *Архитектура XX века*. Москва: Прогресс, 1977.
9. Антипов, И. В. (2023). Художественные аспекты использования природного камня в средневековой новгородской архитектуре. *Актуальные проблемы теории и истории искусства, (13)*. https://doi.org/10.18688/aa2313-3-24. EDN: https://elibrary.ru/FOMBWO
10. Бодэ, А. Б. (2010). Отголоски древнейших традиций в архитектуре деревянных храмов Русского Севера. Подходы к исследованию. *Жилищное строительство, (10)*.

11. Данилов, Г. К. (2021). Морфология наземных жилищ западной Чукотки: от мезолита к современности. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки, (12)*, с. 132–141. https://doi.org/10.37313/2658-4816-2021-3-4-132-141. EDN: https://elibrary.ru/JCTAKS
12. Житенев, В. С., Лаврова, В. Д., Анисовец, Ю. Д., Виноградова, Е. А., & Статкус, М. А. (2024). Красочные пигменты из культурного слоя и мужского погребения Сунгиря: предварительные результаты.
13. Шайдовская, М. М. (2024). Функции искусства в исторической перспективе: архаическое искусство. https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.2.13. EDN: https://elibrary.ru/OQCESX
14. Едемский, Д. Е., Попов, А. В., Прокопович, И. В., Садыков, Т. Р., Каспари, Д., & Блохин, Е. К. (2020). Магнитная съёмка периферийных участков кургана Туннуг-1 в Тыве. *Теория и практика археологических исследований, (1)* (29).
15. Паламарчук, С. В., & Синика, В. С. (2014). Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка. *Stratum plus. Археология и культурная антропология, (3)*.
16. Мухамедов, Ш. (2025). Историография изучения оссуариев Центральной Азии. *Экономика и социум*.
17. Шмидт, Е. А. *Шугайлово: комплекс археологических памятников*. Смоленск: Свиток, 2013.
18. Рыбаков, Б. А. *Язычество древней Руси*. Москва: Наука, 1987.
19. Юнг, К. Г. *Архетипы и коллективное бессознательное*. Москва: АСТ, 2019.
20. Крамер, С. Н. *Шумеры. Первая цивилизация на Земле* / пер. Милосердова. Москва: Центрполиграф, 2002.
21. Лосев, А. Ф. *Мифология греков и римлян*. Москва: Мысль, 1996.
22. Ерофеев, А. В., Михайлов, В. А., & Земцов, Е. С. (2019). Ретроспективный анализ применения натурального камня. *Colloquium-journal, (1)* (25).
23. Живица, В. В. (2014). Строительные технологии периода античности на западном побережье Крымского полуострова. *Строительство и техногенная безопасность, (52)*. EDN: https://elibrary.ru/VQEBVB
24. Кагазежев, Ж. В. (2011). Кабардинские курганные захоронения на территории среднего и нижнего Притеречья. *Вестник Владикавказского НЦ РАН, (4)*. EDN: https://elibrary.ru/OOBWNZ
25. Шафигулин, Р. И., & Рахимова, М. И. (2024). Кремация в истории человечества. *Историческая психология и социология истории, (2)*, с. 146–178. https://doi.org/10.30884/ipsi/2024.02.07. EDN: https://elibrary.ru/AEBBQO
26. Kuijt, I. (2018). Material Geographies of House Societies: Reconsidering Neolithic Çatalhöyük, Turkey. *Cambridge Archaeological Journal, 28*(4), pp. 565–590. https://doi.org/10.1017/S0959774318000240

References

1. Arkhipova, S. V. (2025). The ochre phenomenon in the Paleolithic: A material mediator of sacred connection. *Culture and Civilization*, *15*(12A), pp. 183–191. https://doi.org/10.34670/AR.2025.92.79.018. EDN: https://elibrary.ru/FEGCZS
2. Kolosova, I. I., & Vadyaeva, D. A. (2020). Stages of development, formation and improvement of constructive features of wood in architecture of ancient world countries BC. *Bulletin of TGASU*, *(4)*.
3. Jung, C. G. (2003). *Memories, Dreams, Reflections*. Minsk: Harvest.
4. Vitruvius. (1936). *Ten Books on Architecture* (F. A. Petrovsky, Trans.). Moscow: Publishing House of the All-Union Academy of Architecture.
5. Tacitus, C. (1993). *Works in Two Volumes. Volume I: Annals. Minor Works*. Moscow: Scientific and Publishing Center "Ladomir".
6. Heidegger, M. (2020). Building, dwelling, thinking. *Journal of Frontier Research*, *(1)*(17). https://doi.org/10.24411/2500-0225-2020-10011. EDN: https://elibrary.ru/MLFJJE
7. Nevlyutov, M. R. (2018). Ritual origins of architecture. *Modern Architecture of the World*. Saint Petersburg: "Nestor Istoriya", *(11)*, pp. 229–241.
8. Le Corbusier. (1977). *Architecture of the 20th Century*. Moscow: Progress.
9. Antipov, I. V. (2023). Artistic aspects of using natural stone in medieval Novgorod architecture. *Actual Problems of Theory and History of Art*, *(13)*. https://doi.org/10.18688/aa2313-3-24. EDN: https://elibrary.ru/FOMBWO
10. Bode, A. B. (2010). Echoes of ancient traditions in the architecture of wooden churches of the Russian North: Approaches to research. *Housing Construction*, *(10)*.
11. Danilov, G. K. (2021). Morphology of terrestrial dwellings in western Chukotka: From the Mesolithic to the present. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, *(12)*, pp. 132–141. https://doi.org/10.37313/2658-4816-2021-3-4-132-141. EDN: https://elibrary.ru/JCTAKS
12. Zhitenev, V. S., Lavrova, V. D., Anisovets, Yu. D., Vinogradova, E. A., & Statkus, M. A. (2024). Color pigments from the cultural layer and a male burial at Sungir: Preliminary results.
13. Shaidovskaya, M. M. (2024). Functions of art in historical perspective: Archaic art. https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.2.13. EDN: https://elibrary.ru/OQCESX
14. Edemsky, D. E., Popov, A. V., Prokopovich, I. V., Sadykov, T. R., Kaspari, D., & Blokhin, E. K. (2020). Magnetic survey of peripheral areas of the Tunnug 1 kurgan in Tuva. *Theory and Practice of Archaeological Research*, *(1)*(29).
15. Palamarchuk, S. V., & Sinika, V. S. (2014). Scythian burials from kurgans in Izmail and near Kamyshovka village. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, *(3)*.
16. Mukhamedov, Sh. (2025). Historiography of the study of ossuaries in Central Asia. *Economy and Society*.

17. Schmidt, E. A. (2013). *Shugailovo: A Complex of Archaeological Monuments*. Smolensk: Svitok.
18. Rybakov, B. A. (1987). *Paganism of Ancient Rus*. Moscow: Nauka.
19. Jung, C. G. (2019). *Archetypes and the Collective Unconscious*. Moscow: AST.
20. Kramer, S. N. (2002). *The Sumerians. The First Civilization on Earth* (Miloserdova, Trans.). Moscow: Tsentrpoligraf.
21. Losev, A. F. (1996). *Mythology of Greeks and Romans*. Moscow: Mysl.
22. Erofeev, A. V., Mikhailov, V. A., & Zemtsov, E. S. (2019). Retrospective analysis of natural stone application. *Colloquium Journal*, *(1)*(25).
23. Zhivitsa, V. V. (2014). Construction technologies of the Antiquity period on the western coast of the Crimean Peninsula. *Construction and Technogenic Safety*, *(52)*. EDN: https://elibrary.ru/VQEBVB
24. Kagazezhev, Zh. V. (2011). Kabardian kurgan burials in the middle and lower Terek region. *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS*, *(4)*. EDN: https://elibrary.ru/OOBWNZ
25. Shafigulin, R. I., & Rakhimova, M. I. (2024). Cremation in human history. *Historical Psychology and Sociology of History*, *(2)*, pp. 146–178. https://doi.org/10.30884/ipsi/2024.02.07. EDN: https://elibrary.ru/AEBBQO
26. Kuijt, I. (2018). Material geographies of house societies: Reconsidering Neolithic Çatalhöyük, Turkey. *Cambridge Archaeological Journal*, *28*(4), pp. 565–590. https://doi.org/10.1017/S0959774318000240

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Архипова Светлана Вячеславовна, преподаватель-исследователь, культуролог
svetara.ru@yandex.ru
г. Москва, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Arkhipova, Lecturer and Researcher, Cultural Studies Scholar
Moscow, Russian Federation
svetara.ru@yandex.ru
SPIN-code: 6019-7617

Поступила 28.01.2026
После рецензирования 25.02.2026
Принята 03.03.2026

Received 28.01.2026
Revised 25.02.2026
Accepted 03.03.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-314 **EDN: GJAKCL**
УДК 7.03 (082)

Икона «Спас в силах» последней четверти XV в. из собрания ЦМИАР: особенности композиции

Р.А. Суслова
Казанский национальный исследовательский технологический университет; Казанский государственный институт культуры, Казань, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья принадлежит актуальному современному направлению визуальной семиотики, которое провозглашает междисциплинарный подход в исследовании памятников культуры, рассматривая их как отражение ментальных и антропологических практик. Новизной данного исследования является попытка проанализировать построение иконы «Спас в Силах» из коллекции Центрального музея древнерусской культуры и искусства им.Андрея Рублева в аспекте богословско-символического подхода, заложенного создателем иконы в композицию произведения.

Цель. Автор ставит целью дать геометрический анализ композиции иконы. Этот анализ позволяет предположить, что под «слоем» образной красоты «фигуративного» изображения таится еще один уровень познания мира. Речь идет о строгой, выверенной, математической композиции, заложенной в основу произведения, которая может отражать догматическое учение христианства.

Метод и методология проведения работы. Основу исследования составляет метод формального анализа произведения искусства, направленный на аналитику и описание художественной формы, а также принцип историко-философской реконструкции.

Результаты. В результате анализа делается вывод о возможном применении создателями иконы геометрических принципов построения композиции. При этом выдвигается гипотеза, что геометрические построения и поиск решения трех великих задач древности на построение не являются самоцелью, а могут нести символический и богословский смысл. Делается предположение, что для христианского миропонимания и богословия математика (геометрия) могли стать доказательством и выражением христианских догматов.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере культурно-исторической и искусствоведческой проблематики.

Ключевые слова: иконопись; Спас в Силах; композиция; геометрия; квадратура круга; задачи на построение

Для цитирования. Суслова, Р. А. (2026). Икона «Спас в силах» последней четверти XV в. из собрания ЦМИАР: особенности композиции. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 113-133. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-314

The icon “Saviour in powers” of the last quarter of the XV century from the collection of the Central Museum of Ancient Russian Culture and Art named after Andrey Rublev: features of the composition

R.A. Suslova
Kazan National Research Technological University; Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russian Federation

Abstract

Background. The article belongs to the current modern field of visual semiotics. Within the framework of this approach, an interdisciplinary view of cultural monuments is proclaimed: they are viewed as a reflection of mental and anthropological practices. This study analyzes the construction of the icon “Saviour in Powers” from the collection of the Central Museum of Ancient Russian Culture and Art named after Andrey Rublev. The article considers the theological and symbolic approach laid down by the creator of the icon in the composition of the work.

Purpose. The author aims to provide a geometric analysis of the icon’s composition. This analysis suggests that under the “layer” of the figurative beauty of the image lies another level of knowledge of the world. We are talking about a strict, verified, mathematical composition, laid down in the basis of the work, which can reflect the dogmatic teaching of Christianity.

Method. The research is based on the method of formal analysis of a work of art aimed at analyzing and describing the art form, as well as the principle of historical and philosophical reconstruction.

Results. As a result of the analysis, a conclusion is drawn about the possible application of mathematical (geometric) principles of construction by the creators. At the same time, the hypothesis is put forward that geometric constructions and the search for solutions to the three great problems of antiquity are not an end in themselves, but may carry symbolic and theological meanings. It is suggested that mathematics (geometry)

could become a proof and expression of Christian dogmas for the Christian worldview and theology.

Practical implications. The results of the research can be applied in the field of cultural, historical and art criticism issues.

Keywords: icon painting; Saviour in Powers; composition; geometry; squaring a circle; construction tasks

For citation. Suslova, R. A. (2026). The icon "Saviour in powers" of the last quarter of the XV century from the collection of the Central Museum of Ancient Russian Culture and Art named after Andrey Rublev: features of the composition. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 113-133. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-314

Введение

Формально-геометрический анализ произведений византийского и древнерусского искусства первоначально связывался с исследованием перспективных построений в пространстве иконы. Возникновение термина «обратная перспектива» связано с именем Д.В. Айналова (1900 г., диссертация «Эллинистические основы византийского искусства»). Впоследствии этот термин разрабатывает Оскар Вульф, видя в нем особенность средневекового мышления. В этом ключе его используют о. Павел Флоренский и П.П.Муратов. Важным исследованием на эту тему стала работа Э. Панофски «Перспектива как "символическая форма"» (1924 г.), где автор отмечает появление научной перспективы в позднем средневековье как приоритет пространства над объектами.

Иную трактовку проблемы предлагает Б.В. Раушенбах: он изучает «геометрический строй древнерусского искусства» и рассматривает понятие «обратная перспектива» не как особенность религиозного мышления, а как психологию зрительного восприятия и оптические закономерности: «Усложненная по своим целям и художественным мотивам, религиозная средневековая живопись парадоксально обнаружила свою близость к естественному зрительному восприятию, которому интуитивно доверялся художник» [10, с. 6]. Исследователь вводит понятие «перцептивной перспективы», которое пытается объединить своеобразие восприятия ближнего, среднего и дальнего планов изображения, однако, при таком взгляде на средневековое искусство ускользает его глубочайший символизм.

Методы

Среди современных исследователей геометрических закономерностей в древнерусском искусстве следует выделить имена А.Н. Овчинникова, прот. А. Салтыкова, архитекторов М.Э. Венгерову, М.Н. Городову. Они обращают внимание именно на мировоззренческий, религиозный аспект подобных построений.

Как пишет знаменитый реставратор икон А.Н. Овчинников, геометрическая основа характерна почти для всего древнего искусства и является ключом для его сложного, символического языка. Рассуждая о пропорциях и соотношении частей в композиции иконы А.Н. Овчинников отмечает: «Так называемые «золотые сечения» в явлениях природы представляют собой единственное и самое рациональное решение. Инженерные идеи, наблюдаемые в конструкции раковин, растений и кристаллов, поражают своей неопровержимой ясностью, и потому геометрические построения в древнем искусстве не следует считать числовыми фокусами - в этих построениях выражен созерцательный опыт многих поколений, их стремление к духовному совершенству и вера в гармоническое единство мира» [6, с. 152].

Прот. А. Салтыков называет метод геометризма важной чертой средневекового творчества, «…когда наука и искусство еще не размежевались между собой, а совместно служили выражению высшего, то есть религиозного знания, они создавали произведения высшего художественного творчества» [12, с. 108]. В своем ценнейшем исследовании «К изучению геометрической традиции в древнерусском искусстве…» он анализирует как историю, так и историографию метода геометризма, и приходит к важнейшему выводу о том, что вопреки сложившейся точке зрения о забвении «геометрической философии Платона» (термин М. Гика) в средние века, «…на самом деле, «геометрическая философия» всегда продолжала жить в византийском искусстве, сливая науку, искусство и архитектуру в неразрывное целое» [12, с. 120].

Один из ранних примеров формального анализа русской иконописи XV в. мы встречаем в исследованиях Ю.А. Олсуфьева. Анализируя особенности русской иконописи XIV-XV вв., он писал: «…реша-

ющим признаком настоящего периода будет гибкая линия, доселе известная лишь античному искусству» [7, с. 85]. Ю.А. Олсуфьев говорит о возможном подчинении рисунка геометрическим построениям (параболам, синусоидам) и делает вывод, что икона отказывается от натурализма и иллюзионизма, свойственных живописи, и обращается к Первообразу, «…абстрагируя натуралистические возможности последовательным деформированием и сведением их к простоте изначального их смысла» [7, с. 172]. Среди таких простых форм автор называет параллельность и концентричность, которым подчинена композиция как любого иконостаса, так и отдельной иконы (в линиях контура, разделках, пробелах). «Линейная организованность икон XV века сосредоточила в себе как в фокусе, все достижения прежних эпох и завершила собою ту многовековую цепь деформаций «естественного» во имя реальности высоких обобщений, составляющую суть иконописи» [7, с. 180]. Возможно, именно геометрия помогала мастерам прошлого осуществить принцип абстрагирования, чтобы направить творчество «…к реальным высотам онтологического» [7, с. 180].

Возникновение иконографии «Спас в Силах» отразило глубокий богословский и образный синтез, который происходил в московской иконописной школе в начале 15в. Эта иконография объединила в себе отличительные и обязательные черты нового Образа: Пантократор на престоле, мандорла, колеса-Престолы, херувимы, символы евангелистов, ромбы. По отдельности все они встречались и прежде в иконографии Спасителя, но в своем единстве они выражают все аспекты учения о Триединстве Бога, соединяют пророческое и эсхатологическое богословие. Именно поэтому этот Образ становится смысловым центром Деисусного чина и всего иконостаса. Как пишет В.Г. Пуцко: «Иконографическая схема «Спаса в силах», по-видимому, приобрела окончательную формулу именно в творчестве Андрея Рублева, произведение которого послужило протографом для позднейших икон, созданных московскими художниками» [9, с. 242].

Одним из выразительных примеров данной иконографии является икона Спас в Силах из деисусного ряда иконостаса последней

четверти XV века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (137,0 × 91,0 см, КП 323, дерево, темпера), Ростов [12]. В данной статье делается попытка анализа композиционного построения этой иконы на основе формального метода. Композиция иконы рассматривается в аспекте планиметрии, т.е. двухмерном, одноплоскостном измерении, которое не затрагивает вопросы перспективы. Основы планиметрии были описаны в «Началах» Евклида и являлись неотъемлемой частью византийского образования, а оттуда, вероятно, эти знания приходят и к русским мастерам.

Результаты

Икона была найдена в Покровской деревянной церкви села Чернокулова Юрьев-Польского района Владимирской области. Реставрирована в 1966 году в мастерской музея имени Андрея Рублева А.В. Кириковым. По мнению исследователей музея «…высокий уровень исполнения позволяет отнести деисусные иконы к произведениям ведущего ростовского мастера. Четкий рисунок, правильные пропорции, свободное композиционное построение, ритмическая ясность, сложная колористическая гармония свидетельствуют о незаурядном мастерстве иконописца. Художник работал в русле главного художественного направления того времени, связанного с Москвой, при этом он сохранял в своем творчестве индивидуальность и характерные черты ростовской иконописи» [4].

По мнению прот. Александра Салтыкова, образ Спасителя наполнен «необычайной эсхатологической напряженностью», а «своей красочной гармонией икона превосходит, пожалуй, все известные иконы этого типа XV века…». При этом исследователь обращает внимание на четкую линеарность в построении фигуры Спасителя и делает вывод: «Строй фигуры говорит о хорошо усвоенных и творчески переработанных уроках византийского наследия и выражает величие» [11, с. 30-31].

Эта мысль столь авторитетного автора позволяет попытаться глубже проанализировать композицию иконы. При этом основной

акцент сделать на предполагаемой византийской традиции соединять в иконе образные и геометрические закономерности.

В результате анализа композиции иконы обнаруживается, что высота и ширина мандорлы определяется двумя равносторонними треугольниками (Рис. 1). Правильный (равносторонний) треугольник в геометрии – символ гармонии: его стороны и углы равны, а биссектрисы медианы и высоты совпадают. Хорошо заметно, что контуры фигуры Спасителя (очертание головы, правый локоть (для зрителя – левый), правая согнутая в колене нога, стопа левой ноги) как бы подчинены линиям этих двух треугольников.

Рис. 1. Спас в Силах. Пропорции мандорлы
Fig. 1. Christ in Glory. Proportions of the mandorla

Вершины этих треугольников позволяют установить геометрический центр и достроить нижний контур иконы, т.к. иконная доска снизу обрезана. Высота иконы (вертикаль по центру), отложенная по горизонтали, образует с вертикалью крайние точки. Расстояние между ними (пунктир) – радиус для построения двух дуг из крайних точек по горизонтали. Получившаяся линза идеально описывает

фигуру: нимб укладывается внутри, линия правой ноги Спасителя подчинена контуру линзы (Рис. 2).

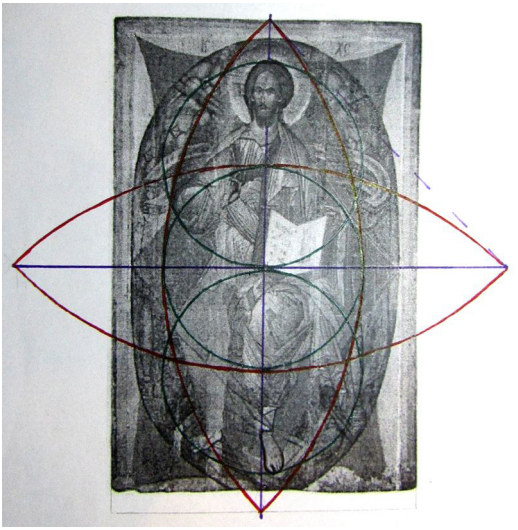

Рис. 2. Горизонтальная и вертикальная «линзы»
Fig. 2. Horizontal and vertical “lenses”

Если две дуги построить из крайних точек по вертикали получится горизонтальная линза. Внутри двух линз выстраивается окружность. Из ее верхней и нижней точек выстраиваются две окружности того же радиуса, которые касаются вершины головы Спасителя и крайних точек ног. Таким образом, фигура идеально укладывается в две окружности. Центр фигуры (точка соприкосновения окружностей) совпадает с геометрическим центром иконы (Рис. 2).

Следующий этап построений так же связан с высотой иконной доски. Можно предположить, что в основу композиции положены два встречных Золотых треугольника (основания треугольников выходят за пределы иконной доски) (Рис. 3). Золотой треугольник — это равнобедренный треугольник, в котором две боковые стороны находятся в золотой пропорции с основанием (т.е. отношение боковой стороны к основанию равно числу Фидия = 1,618…). Биссектриса любого угла при основании равна самому основанию и образуют

внутри первого новый Золотой треугольник, что можно продолжить до бесконечности. Красота и гармония этого геометрического построения, основанного на золотой пропорции, были известны на протяжении тысячелетий от эпохи древнеегипетских жрецов и античных математиков, хотя термин «золотое сечение» принадлежит Леонардо да Винчи. Как пишет современный исследователь Ю.И. Пилясов: «Принцип золотого сечения - высшее проявление структурного и функционального совершенства целого и его частей в искусстве, науке, технике и природе. Идея такого единства, основанная на проявлении одних и тех же закономерностей в разнородных явлениях природы, в том числе, и строении человека, сохраняет свою актуальность от Пифагора до наших дней» [8].

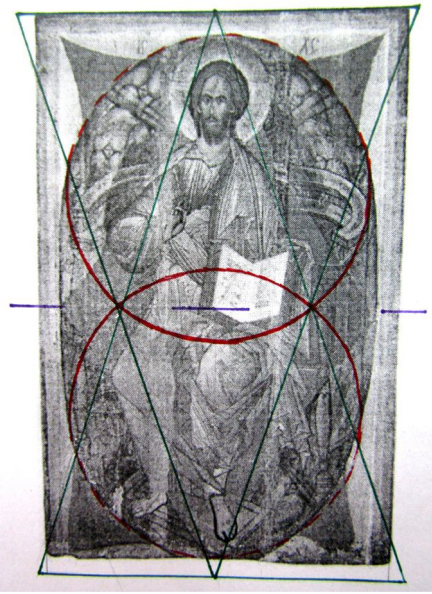

Рис. 3. Встречные Золотые треугольники
Fig. 3. Opposing Golden Triangles

Тайна Золотого сечения, которое в Древней Греции называлось гармоническим отношением, не одно тысячелетие волновало ученых, а в средние века и богословов. Возможно, Золотой треугольник стал

для средневекового искусства еще и символом непостижимого и неизмеримого (иррационального) божественного начала, воплощенного в математике. Как пишет исследователь А.Н. Липов: «Как следствие этого его иррационального свойства - неравенство сопрягающихся элементов целого, соединенных законом подобия выражает собой заключенную в золотом сечении меру симметрии и ассиметрии. Такая совершенно необыкновенная особенность «золотого сечения» позволяет возвести это математическое и геометрическое сокровище в ряд инвариантных сущностей гармонии и красоты не только в произведениях, созданных матушкой природой, но и рукой человека в многочисленных произведениях искусства в истории человеческой культуры» [5].

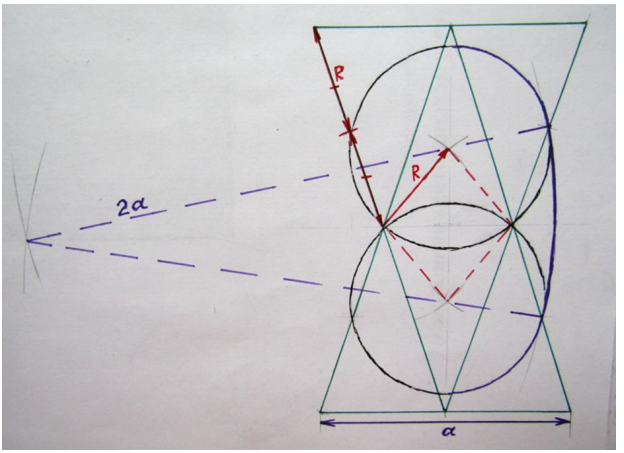

Рис. 4. Схема построения контура мандорлы
Fig. 4. Diagram of the mandorla outline

В точках пересечения боковые стороны треугольников делятся пополам. Четверть стороны Золотого треугольника становится радиусом для двух окружностей, которые проходят через точки пересечения сторон (рис.4). Получившиеся окружности частично накладываются друг на друга и при этом совпадают с верхним и нижним контуром мандорлы.

Если длину основания Золотого треугольника (а) дважды отложить из точек, где окружности пересекаются со сторонами Золотых

треугольников в противоположную сторону (поверх Золотых треугольников), то точка их пересечения станет центром окружности с радиусом 2a и выстроит боковую линию мандорлы (Рис. 4).

Следующий этап построения связан с нимбом Спасителя. Размер нимба не был произвольным, а соотносился с размером иконы. Виктор Бычков в труде о византийской эстетике пишет, что нимбы создают свою систему «гравитации» в пространстве иконы [1]. В данном случае размер нимба позволяет описать окружность из центра книги, и она касается всех ее крайних точек (Рис. 5).

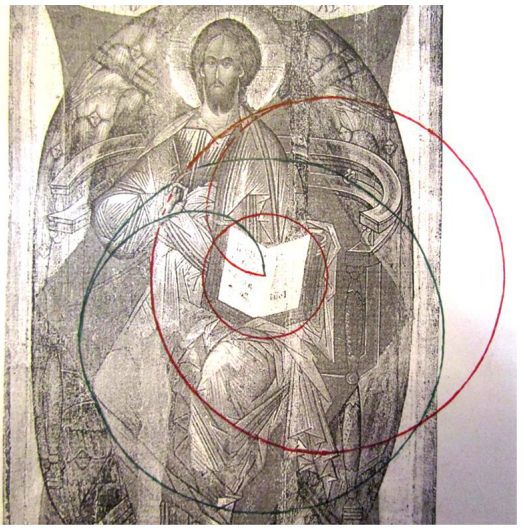

Рис. 5. Две окружности с тройным радиусом нимба
Fig. 5. Two circles with a triple halo radius

Радиус окружности нимба можно принять за единицу. Из центра получившейся окружности одинарным, двойным и тройным радиусом строится спираль (влево вверх) и замыкается в круг. То же делается в другом направлении (влево вниз). Получившиеся спирали являются началом знаменитой Спирали Золотого сечения или спирали Фибоначчи. При этом одна окружность с тройным радиусом совпадает с линией среднего пальца правой руки, а друга – с линией указательного пальца. Через Византию подобные построения могли

прийти в русское искусство. Для самой же Византии образцом использования в искусстве спирали Золотого сечения и квадратуры круга послужили античные произведения [14. с. 7-30].

В иконе центр композиции несколько смещен влево от геометрического центра: вертикальная ось композиции проходит через выемку (углубление, складка) хитона на груди Спасителя. От этой выемки как бы намечаются линиями рисунка два расходящихся луча. Найденную окружность с тройным радиусом можно выстроить из центра оси и окружность проходит через точку выемки (складки) хитона (Рис. 6).

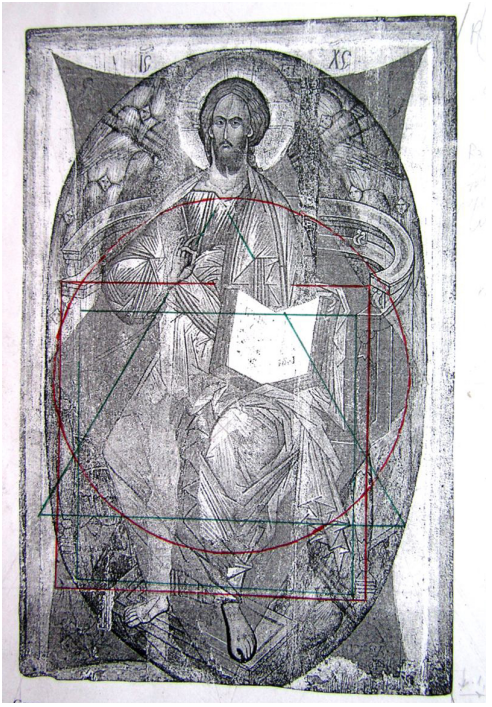

Рис. 6. Элементы композиции иконы
Fig. 6. Elements of Icon Composition

Для этой окружности выстраивается квадрат от углов спинки престола (справа - угол верхнего яруса спинки, слева - угол нижнего

яруса), причем площадь этого квадрата равна площади круга. Можно предположить, что автор закладывает в композицию решение задачи о квадратуре круга и подчеркивает это построение намеченными горизонтальными штрихами складок одежд.

Если построить другой квадрат (справа - угол нижнего яруса спинки, слева - внутренняя грань спинки), то его периметр будет равен длине найденной окружности с тройным радиусом нимба (Рис. 6).

Если от точки выемки хитона, лежащей на окружности продолжить намеченные расходящиеся линии (угол между ними составляет 60 градусов) и построить треугольник, то получится равносторонний или Правильный треугольник. Его правая сторона красиво проходит через кисть поднятой руки спасителя и доходит до линии лузги. Левая сторона треугольника (поддержана линией складки гиматия над книгой) доходит до линии мандорлы. Длина сторон данного треугольника равна длине окружности с тройным радиусом нимба.

Присутствие выемки (углубления) хитона позволяет предположить наличие более сложной геометрической конструкции в основе композиции. Два встречных Золотых треугольника, построенных по оси через выемку хитона, могут быть дополнены двумя Правильными треугольниками, причем их площади равны, а основания проходят по верхнему и нижнему краю иконной доски (Рис. 7). Внутри каждого Правильного треугольника выстраивается вписанная окружность. Ее радиус оказывается тройным радиусом нимба и повторяет размер окружности, полученной из центра книги при построении спирали Фибоначчи. Таким образом, высота иконы (с учетом утраченной нижней части) составляет 12 радиусов нимба.

Вероятно, композиция из встречных Золотых и Правильных треугольников равной площади не случайно положена в основу иконы, т.к. может содержать замечательные закономерности: речь идет о трех знаменитых с древности задачах на построение с помощью циркуля и рейки (линейки без разметки) - задачи о квадратуре круга, трисекции угла и удвоении куба.

Построение квадрата, равного по площади заданному кругу без измерений, а только с помощью циркуля и рейки (линейки без

делений), является задачей с четырехтысячелетней историей. Сам термин «квадратура круга» стал понятием нарицательным и приобрел значение желаемого, но недостижимого результата, сродни вечному двигателю или философскому камню. Как пишет профессор В. А. Успенский, «не одно тысячелетие она оставалась костью в горле математики: ни решить, ни доказать, что это невозможно… Наконец, на исходе XIX в. вопрос был закрыт: развитие математики позволило доказать, что решения и в самом деле не существует» [15].

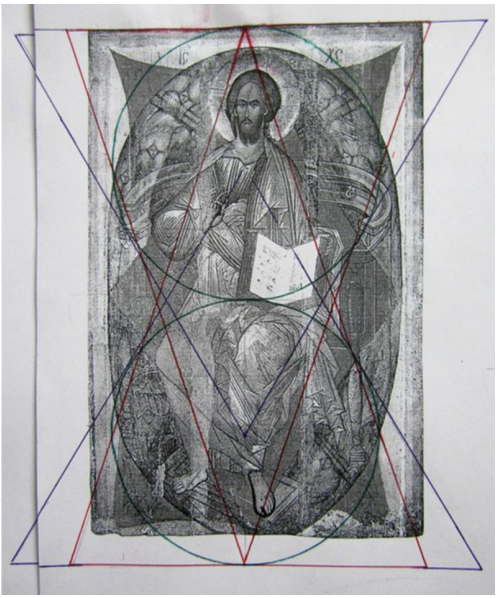

Рис. 7. Наложение Золотых и Правильных треугольников
Fig. 7. Overlay of the Golden and Right Triangles

При этом поиск решения данной задачи мог иметь и символический смысл. Перед христианскими богословами и Отцами Церкви IV в. стояла задача создать новую, пронизанную христианским смыслом культуру. Опираясь на слова из Книги премудрости Соломона, что Бог «…все расположил мерою, числом и весом» (Прем. 11:21), христианские богословы апеллируют к высокой интеллектуальной эллинистической традиции, являвшейся базой для образованных

людей того времени. Отбросить знаменитый Пифагорейско-Платоновский музыкально-математико-астрономический синтез, заклеймив его языческим пантеизмом, недостойным христианина, было невозможно. Это противоречило, во-первых, истине о божественном творении и красоте мироздания, и, во-вторых, это требовало отказа от собственной образованности. Задачу по переосмыслению античного наследия предстояло выполнить знаменитым богословам от священномученика Дионисия Ареопагита и отцов-каппадокийцев до Максима Исповедника со схематичным изложением тайны Троичности и Иоанна Дамаскина с музыкально-математической системой октоиха.

При этом три великие задачи древности на построение (квадратура круга, трисекция угла и удвоение куба) именно своей неразрешимостью могли привлечь богословов, т.к. подразумевали идею бесконечного, непостижимого человеческим разумом Божественного присутствия. Как пишет исследователь древнерусской храмовой архитектуры М.Н. Городова: ««Coincidentia oppositorum» - эта парадигма представляет уникальную задачу, которая всегда стояла перед культовым искусством, занимающимся преображением мира невидимого в мир видимый средствами символа, образа, аналогии. Основой геометрии храма стали две фигуры - круг и квадрат - воплотившие значение вечности и цикличности неба - первая, и стабильности и фундаментальности земли – вторая» [3].

Эту тему развивает исследователь средневековой архитектуры М.Э Венгерова, предполагая, что можно говорить о «языке геометрии» в разных древних культурах как о символическом выражении соотношения земного и Небесного начал: «…в рамках христианской традиции наблюдается последовательный архитектурный рассказ о богословии, транслирующийся геометрическими формами, схемами и задачами…, при которых суть соотнесения земного и вечного, рассказанная квадратами и кругами в схемах и задачах, остаётся неизменной…»[2].

На рис. 8 представлена предполагаемая схема построения квадратуры круга: сторона квадрата с площадью, равной вписанной в

правильный треугольник окружности, составляет половину стороны этого треугольника. В иконе этот квадрат подчеркнут горизонтальными линиями складок на груди Спасителя.

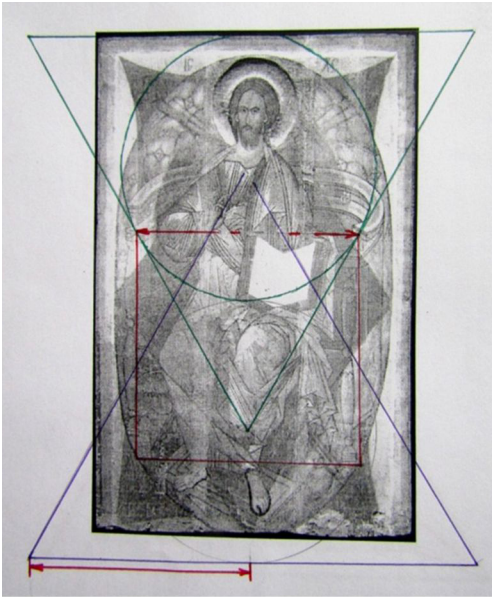

Рис. 8. Схема нахождения квадратуры круга
Fig. 8. Diagram illustrating the method for squaring the circle

Задача о трисекции угла решается при помощи точки пересечения сторон Золотых треугольников (луч из угла Правильного треугольника к этой точке отсекает угол в 20 градусов – отрезок продублирован верхним точечным пунктиром на Рис.9). Аналогичный отрезок с нижнего конца стороны дает еще один угол в 20 градусов.

Задача об удвоении куба так же находит подтверждение в линиях рисунка: расстояние от угла до вершины Правильного треугольника, возведенное в куб, в два раза меньше расстояния от того же угла до вершины Золотого треугольника, возведенного в куб (Рис. 10: линии, продублированные точечным пунктиром). Это решение подчеркнуто в рисунке прямым отрезком линии, очерчивающей руку Спасителя, лежащую на книге.

Рис. 9. Схема решения задачи о трисекции угла
Fig. 9. Diagram illustrating the solution to the problem of trisecting an angle

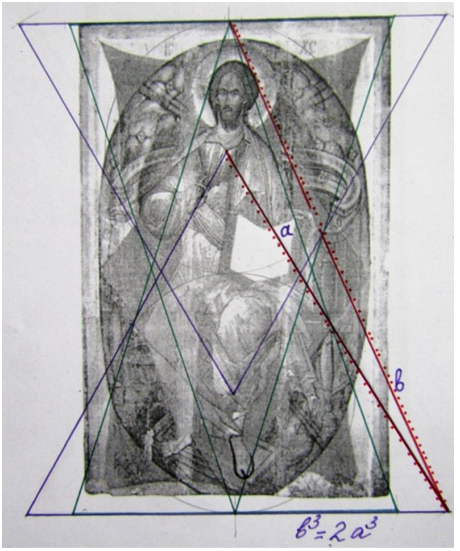

Рис. 10. Схема решения задачи об удвоении куба
Fig. 10. Diagram illustrating the solution to the problem of doubling a cube

Заключение

В композиции иконы обнаруживаются строгие геометрические построения. Сегодня мы знаем, что задачи на посторенние не имеют решения (одна из причин - присутствие иррациональных чисел при вычислении), однако для средневекового мастера именно присутствие иррациональной составляющей могло быть важным аргументом, чтобы заложить вариант решения в композицию иконы. Это позволяло увидеть в геометрии своеобразную возможность размышления о непостижимой тайне Божественного присутствия: «Возможно, геометрические закономерности согласовывались с догматическим учением христианства: догмат о Триединстве Бога находил отражение в гармонии Правильного треугольника или задаче о трисекции угла, догмат о равенстве Божественной и человеческой природы Спасителя согласовывался с поиском квадратуры круга, а учение о Третьем Лице Троицы - Духе Святом, могло отразиться в таинственных закономерностях Золотого треугольника и красоте спирали Золотого сечения» [14, с. 168].

Применительно к исследуемой иконе, подобный анализ композиции помогает увидеть в ней выдающийся пример русской иконописи XV века, наследницу Московской иконописной школы. Вероятно, можно говорить, что икона из собрания ГМиАР принадлежит к числу «выстроенных», а не «списанных» икон (возможный вариант классификации икон этого времени). Помимо потрясающей духовной глубины Образа Спасителя и художественных достоинств, икона несет в себе наследие античной математики, которая через Византию приходит в русскую иконопись и получает расцвет в XV веке.

Список литературы

1. Бычков, В. В. *Феномен иконы: История. Богословие. Эстетика. Искусство*. Москва: ВРС, 2008, 630 с. https://azbyka.ru/otechnik/ikona/fenomen-ikony/6
2. Венгерова, М. Э. (2023). Генезис геометрических форм и задач в архитектуре как запись меняющегося мировоззрения. *AMIT, (2)* (63), с. 130–143. https://doi.org/10.24412/1998-4839-2023-2-130-143. EDN: https://elibrary.ru/IHCMVO

3. Городова, М. Н. (2011). «Яко на небеси и на земли», или размышления о круге и квадрате. *AMIT, (2)* (15). https://marhi.ru/AMIT/2011/2kvart11/gorodova/gorodova.pdf
4. *Иконы XIII–XVI веков в собрании музея имени Андрея Рублёва*. Москва: Северный Паломник, 2007. https://icons.pstgu.ru/icon/2144
5. Липов, А. Н. (2010). Золотое сечение как основной морфологический закон. *Философия и культура, (9)* (33), с. 96–109. https://iphras.ru/uplfile/aesthet/zolotoe.pdf. EDN: https://elibrary.ru/QBYWFB
6. Овчинников, А. (1993). Из опыта реконструкции древних икон. В: *Реставрация икон: Методические рекомендации* / под ред. и с ил. М. В. Наумовой (с. 226). Москва: Издательство ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря.
7. Олсуфьев, Ю. А. (2006). Вопросы форм древнерусской живописи. В: *Олсуфьев Ю. А. Икона в музейном фонде* (с. 400). Москва: Паломник.
8. Пилясов, Ю. И. (2012). Антропометричность пропорции «Золотого сечения». *Известия Самарского научного центра РАН, (2-2)*, с. 532–536. EDN: https://elibrary.ru/PKOUMX
9. Пуцко, В. Г. (1997). Византийское наследие в искусстве Московской Руси («Спас в силах» в русской живописи XIV–XV вв.). *Византийский временник, 57*(82), с. 234–245. Москва.
10. Раушенбах, Б. В. *Пространственные построения в древнерусской живописи*. Москва: Наука, 1975, 185 с.
11. Салтыков, А. А. *Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублёва*. Ленинград: Художник РСФСР, 1989, 264 с.
12. Салтыков, Александр, прот. (2000). К изучению геометрической традиции в древнерусском искусстве («Ярославская Оранта» и «Святая Троица» преподобного Андрея Рублёва). *Искусство христианского мира, (4)*, с. 108–121. Москва: ПСТБИ.
13. *Спас в Силах. Икона из деисусного ряда иконостаса, последняя четверть XV века, Ростов*. ЦМиАР. https://www.rublev-museum.ru/collection/icons
14. Суслова, Р. А. *Диалог образного и геометрического в искусстве Византии и Древней Руси*. Москва: Перо, 2025, 181 с.
15. Успенский, В. А. *Апология математики*. Москва: Амфора, 2009. https://postnauka.ru/longreads/79850. ISBN: 978-5-367-00689-6. EDN: https://elibrary.ru/QJVPZN

References

1. Bychkov, V. V. (2008). *The Phenomenon of the Icon: History. Theology. Aesthetics. Art*. Moscow: VRS, 630 pp. https://azbyka.ru/otechnik/ikona/fenomen-ikony/6
2. Vengerova, M. E. (2023). Genesis of geometric forms and tasks in architecture as a record of a changing worldview. *AMIT*, *(2)*(63), pp. 130–143. https://doi.org/10.24412/1998-4839-2023-2-130-143. EDN: https://elibrary.ru/IHCMVO

3. Gorodova, M. N. (2011). "As in heaven and on earth", or reflections on the circle and the square. *AMIT*, *(2)*(15). https://marhi.ru/AMIT/2011/2kvart11/gorodova/gorodova.pdf
4. *Icons of the 13th–16th Centuries in the Collection of the Andrey Rublev Museum*. Moscow: Severny Palomnik, 2007. https://icons.pstgu.ru/icon/2144
5. Lipov, A. N. (2010). The golden ratio as the main morphological law. *Philosophy and Culture*, *(9)*(33), pp. 96–109. https://iphras.ru/uplfile/aesthet/zolotoe.pdf. EDN: https://elibrary.ru/QBYWFB
6. Ovchinnikov, A. (1993). From the experience of reconstructing ancient icons. In: *Restoration of Icons: Methodological Recommendations* (M. V. Naumova, Ed. & Ill., p. 226). Moscow: Publishing House of the All-Russian Art Restoration Center named after Academician I. E. Grabar.
7. Olsufyev, Yu. A. (2006). Questions of forms in Old Russian painting. In: Olsufyev Yu. A., *Icon in the Museum Collection* (p. 400). Moscow: Palomnik.
8. Pilyasov, Yu. I. (2012). Anthropometric nature of the "golden ratio" proportion. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, *(2)*(2), pp. 532–536. EDN: https://elibrary.ru/PKOUMX
9. Putsko, V. G. (1997). Byzantine heritage in the art of Muscovite Rus' ("The Savior in Power" in Russian painting of the 14th–15th centuries). *Byzantine Annals*, *57*(82), pp. 234–245. Moscow.
10. Raushenbach, B. V. (1975). *Spatial Constructions in Old Russian Painting*. Moscow: Nauka, 185 pp.
11. Saltykov, A. A. (1989). *Museum of Old Russian Art named after Andrey Rublev*. Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 264 pp.
12. Saltykov, Alexander, Archpriest. (2000). Towards the study of geometric tradition in Old Russian art ("The Yaroslavl Oranta" and "The Holy Trinity" by St. Andrey Rublev). *Art of the Christian World*, *(4)*, pp. 108–121. Moscow: PSTBI.
13. *The Savior in Power. Icon from the Deesis Row of the Iconostasis, Last Quarter of the 15th Century, Rostov*. Central Museum of Ancient Russian Art. https://www.rublev-museum.ru/collection/icons
14. Suslova, R. A. (2025). *Dialogue of the Figurative and Geometric in the Art of Byzantium and Old Rus'*. Moscow: Pero, 181 pp.
15. Uspensky, V. A. (2009). *Apology of Mathematics*. Moscow: Amphora. https://postnauka.ru/longreads/79850. ISBN: 978-5-367-00689-6. EDN: https://elibrary.ru/QJVPZN

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Суслова Раиса Анваровна, канд. ист. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет; Казанский государственный институт культуры

ул. Карла Маркса, 68, г. Казань, 420015, Российская Федерация; Оренбургский тракт, 3, г. Казань, 420059, Российская Федерация
tamias1@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Raisa A. Suslova, PhD in History
Kazan National Research Technological University; Kazan State Institute of Culture
68, Karl Marx Str., Kazan, 420015, Russian Federation; 3, Orenburgsky Trakt, Kazan, 420059, Russian Federation
tamias1@yandex.ru

Поступила 28.02.2026 Received 28.02.2026
После рецензирования 25.03.2026 Revised 25.03.2026
Принята 27.03.2026 Accepted 27.03.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья
Original article
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-327
EDN: GNZDUT
УДК 82.09+008(510)

Роль литературного наследия Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо в формировании культурной памяти современного Китая

Хуанькоу Чжан
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена проблеме соотношения культурной памяти и литературного наследия в современном Китае. В условиях глобализации и активного пересмотра национальной идентичности именно литература первой половины XX в. становится важным инструментом сохранения духовных ценностей. Предметом анализа выступает наследие трёх ключевых писателей – Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо, чьи произведения не только отражают исторический опыт, но и формируют основу коллективной памяти.

Цель. Цель работы состоит в выявлении роли литературного наследия Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо в конструировании культурной памяти современного Китая, а также в анализе механизмов его институционализации и популяризации.

Методология. В исследовании применяются культурологический и литературоведческий анализ, а также сравнительно-исторический и герменевтический методы. Используется принцип междисциплинарного подхода, сочетающего инструменты культурологии, истории литературы и социологии памяти.

Результаты. Показано, что произведения Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо закреплены в культурной памяти посредством образовательных программ, музейных практик, медийных репрезентаций и государственной культурной политики. Их тексты выполняют функции символического ресурса, объединяющего общество, и служат проводником национальных ценностей. Особое значение имеет сохранение гуманистических и революционных идей этих авторов, что способствует укреплению культурной идентичности Китая в XXI в.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы в сфере гуманитарных наук, в образовательных практиках, в культурной

политике и в исследованиях национальной идентичности. Они также представляют интерес для межкультурных сравнительных исследований, посвящённых проблемам памяти и литературы.

Ключевые слова: культурная память; литературное наследие; Лу Синь; Чжу Цзицин; Го Можо; национальная идентичность; культурная политика Китая

Для цитирования. Чжан, Хуанькоу (2026). Роль литературного наследия Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо в формировании культурной памяти современного Китая. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 134-146. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-327

The role of the literary heritage of Lu Xun, Zhu Ziqing, and Guo Moruo in the formation of China's cultural memory

Huankou Zhan
Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract

Background. The article addresses the problem of the relationship between cultural memory and literary heritage in contemporary China. In the context of globalization and the active rethinking of national identity, the literature of the first half of the twentieth century becomes an important tool for preserving spiritual values. The subject of analysis is the legacy of three key writers – Lu Xun, Zhu Ziqing, and Guo Moruo – whose works not only reflect historical experience, but also form the basis of collective memory.

Purpose. The purpose of this study is to identify the role of the literary heritage of Lu Xun, Zhu Ziqing, and Guo Moruo in constructing China's cultural memory and to analyze the mechanisms of its institutionalization and popularization.

Methodology. The research employs cultural and literary analysis, as well as comparative-historical and hermeneutic methods. An interdisciplinary approach is used, combining the tools of cultural studies, literary history, and the sociology of memory.

Results. The study demonstrates that the works of Lu Xun, Zhu Ziqing, and Guo Moruo are firmly embedded in cultural memory through educational curricula, museum practices, media representations, and state cultural policy. Their texts function as symbolic resources uniting society and serve as transmitters of national values. The preservation of the humanistic and revolutionary ideas of these authors plays a significant role in strengthening China's cultural identity in the twenty-first century.

Practical implications. The results of the study can be applied in the field of the humanities, in educational practices, cultural policy, and research on national identity.

They are also relevant for cross-cultural comparative studies devoted to the problems of memory and literature.

Keywords: cultural memory; literary heritage; Lu Xun; Zhu Ziqing; Guo Moruo; national identity; cultural policy of China

For citation. Zhan, Huankou (2026). The role of the literary heritage of Lu Xun, Zhu Ziqing, and Guo Moruo in the formation of China's cultural memory. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 134-146. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-327

Введение

Проблема культурной памяти в современном гуманитарном знании занимает особое место, поскольку именно память становится связующим звеном между прошлым и настоящим, формируя идентичность общества и определяя направления его будущего развития [4]. В условиях глобализационных процессов и ускоренной модернизации вопрос о сохранении национальных традиций и духовных оснований приобретает особую актуальность. Китайская культура, обладающая тысячелетней историей и богатым письменным наследием, в XX в. пережила кардинальные трансформации: от падения империи и кризиса традиционного миропорядка – до революционных преобразований и утверждения новой культурной политики. В этой связи литературное наследие первой половины XX в. становится не только художественным феноменом, но и важным инструментом культурной памяти.

Особое внимание в научном дискурсе уделяется понятию «культурная память», разработанному Я. Ассманом и А. Ассман, а также более ранним социологическим концепциям М. Хальбвакса и исследованиям П. Нора о «местах памяти» [1; 2; 3; 15]. Согласно этим теориям, память общества не является простой фиксацией фактов, а выступает активным конструктом, который формируется через тексты, образы, ритуалы и символы. Литература в данном случае играет ключевую роль, так как она способна не только сохранять опыт прошлого, но и задавать систему ценностей и представлений, которые становятся основой для самоидентификации нации.

Современный Китай активно использует литературное наследие первой половины XX в. в качестве одного из механизмов сохранения

культурной памяти. Среди множества авторов особое место занимают Лу Синь, Чжу Цзицин и Го Можо. Их произведения представляют собой не только яркие образцы художественного творчества, но и символические тексты, которые фиксируют драматический опыт китайского общества эпохи модернизации. Лу Синь выступает как писатель, подвергший критике традиционное сознание и призвавший к духовному обновлению нации. Чжу Цзицин известен как автор, выразивший гуманистические ценности и переживания личности в условиях социальных перемен. Го Можо в своей поэзии и публицистике соединял революционный пафос с идеями культурного возрождения.

Обзор отечественных и зарубежных исследований показывает, что внимание к феномену культурной памяти в последние десятилетия значительно возросло. В российской гуманитаристике активно переводятся и осваиваются работы Я. Ассманна, М. Хальбвакса и других исследователей, в китайском научном дискурсе развивается концепция «национальной культурной памяти» (国家文化记忆), а западные синологи рассматривают литературу Китая первой половины XX в. как часть глобального процесса модернизации [5; 6; 10; 11; 12; 13; 14]. Однако системный анализ роли именно литературного наследия Лу Синя, Чжу Цзицзина и Го Можо в формировании культурной памяти современного Китая остаётся недостаточно разработанным.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить и проанализировать, каким образом литературное наследие трёх упомянутых писателей участвует в конструировании культурной памяти современного Китая. Для достижения поставленной цели решаются следующие *задачи*:

1. Определить теоретические основания изучения культурной памяти в гуманитарных науках и её связь с литературой.
2. Рассмотреть социокультурный контекст Китая первой половины XX в. и показать специфику творчества Лу Синя, Чжу Цзицзина и Го Можо.
3. Проанализировать современные механизмы сохранения и институционализации их литературного наследия в культурной политике, образовании и медийных практиках.

4. Выявить значение этого наследия для формирования национальной идентичности Китая в XXI в.

Научная новизна исследования состоит в том, что в статье предлагается междисциплинарный анализ литературного наследия трёх крупнейших китайских писателей первой половины XX в. как элемента культурной памяти. В отличие от исследований, ограничивающихся литературоведческим описанием их творчества, данная работа рассматривает тексты Лу Синя, Чжу Цзицзина и Го Можо в широком культурологическом и социологическом контексте, что позволяет выявить их современное значение в процессах сохранения национальной идентичности.

Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью осмысления механизмов сохранения и трансляции культурных ценностей в условиях глобализации, а также задачей показать роль классической литературы XX в. в укреплении культурной памяти Китая. Статья исходит из гипотезы о том, что литературное наследие Лу Синя, Чжу Цзицзина и Го Можо не только отражает исторический опыт эпохи модернизации, но и продолжает активно функционировать в современном обществе как ценностный ресурс и символический капитал нации.

Материалы и методы

Объектом настоящего исследования является литературное наследие Лу Синя (鲁迅, 1881–1936), Чжу Цзицина (朱自清, 1898–1948) и Го Можо (郭沫若, 1892–1978) – авторов, чьи произведения первой половины XX в. стали ключевыми текстами китайской национальной литературы. Их творчество вошло в школьные и университетские программы, стало предметом научного анализа и одновременно приобрело статус символического ресурса, определяющего культурную память современного Китая.

Материалами исследования выступают:

- художественные произведения Лу Синя («呐喊» / «Клич», «彷徨» / «Скитания»), в которых формируется образ кризиса национального сознания и призыв к обновлению [7];

- эссеистическое наследие Чжу Цзицина («背影» / «Тень отца», «荷塘月色» / «Лунный свет над прудом с лотосами»), выражающее гуманистические ценности и интимное измерение национальной памяти [8];
- поэтические и публицистические тексты Го Можо («女神» / «Богиня», революционная поэзия 1920-х гг.), отражающие пафос социального переустройства и идеи культурного возрождения [9].

В дополнение к художественным текстам в анализ включаются вторичные источники: монографии и статьи отечественных и зарубежных исследователей (Я. Ассманн, А. Ассманн, М. Хальбвакс, П. Нора; L.O. Lee, K. Denton, C. Laughlin), китайские литературоведческие работы (王瑶, 陈平原), а также документы культурной политики Китая, учебные программы и музейные материалы, фиксирующие актуальные формы институционализации литературного наследия.

Методологическую основу исследования составляют:

1. Культурологический анализ, позволяющий рассматривать литературу как часть системы культурной памяти и выявлять её идентификационные функции.
2. Литературоведческий метод, ориентированный на интерпретацию текстов и выявление художественных механизмов сохранения ценностей.
3. Сравнительно-исторический подход, позволяющий сопоставить развитие китайской литературы первой половины XX в. с процессами модернизации в других странах.
4. Герменевтический анализ, применяемый для выявления смыслов в текстах и их последующей рецепции в современной культуре.
5. Междисциплинарный синтез, объединяющий подходы культурологии, социологии памяти и литературоведения для более комплексного понимания исследуемого феномена.

Выбор указанных методов обусловлен необходимостью комплексного подхода к изучению феномена культурной памяти, который не может быть сведен исключительно к литературоведческому

или историческому анализу. Литература рассматривается как часть культурного канона, где текст функционирует не только как художественное произведение, но и как элемент символического пространства общества.

Таким образом, методология исследования позволяет соединить анализ художественного текста с исследованием социальных и культурных механизмов памяти. Это дает возможность выявить как внутренние ценностные и эстетические коды произведений Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо, так и внешние институциональные формы их сохранения и репрезентации в современной китайской культуре.

Результаты и обсуждение

1. Литература как инструмент формирования культурной памяти

Результаты анализа показывают, что литература первой половины XX в. в Китае выполняет роль не только художественного высказывания, но и социально-культурного механизма. В соответствии с концепцией культурной памяти Я. Ассманна, текст становится «носителем смыслов», способным соединять индивидуальные переживания и коллективный опыт. В китайском контексте данная функция литературы усиливается тем, что модернизация сопровождалась кризисом традиционной культуры и поиском новых ценностных ориентиров.

Произведения Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо не только отражают индивидуальное авторское мировоззрение, но и воплощают ключевые коллективные переживания своего времени: боль за судьбу нации, необходимость преобразований, стремление к культурному возрождению. В этом смысле литература выступает «местом памяти» в норовском понимании: она не просто хранит информацию о прошлом, а превращает её в символический ресурс, определяющий идентичность современного общества.

2. Китайский контекст: национальная память и культурная политика

Одним из важных результатов исследования стало выявление того, что культурная память в современном Китае формируется не только «снизу» – через индивидуальное и коллективное чтение, но

и «сверху» – посредством государственной культурной политики. Включение произведений Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо в школьные программы, университетские курсы, музейные экспозиции и официальные юбилейные мероприятия демонстрирует институционализацию их наследия как части национального канона.

Так, Лу Синь занимает особое место как символ критического отношения к традиции. Его тексты не только изучаются в школе, но и цитируются в современных культурных и политических дискуссиях как образцы национального самоанализа. Чжу Цзицин известен в первую очередь как автор эссе, формирующих эмоционально-нравственный аспект культурной памяти; его образ «отца» в эссе «Тень отца» стал универсальным символом человеческих отношений и ценности семейных уз. Го Можо, в свою очередь, активно включается в государственный нарратив как поэт-революционер и деятель, соединивший искусство с политической практикой.

Таким образом, культурная память современного Китая формируется как результат взаимодействия трёх уровней:

– художественного текста как «носителя смыслов»;
– институциональных механизмов (образование, музеи, государственная политика);
– общественного восприятия и массовой культуры.

3. Литературное наследие как «память о революции»

Рассмотрение текстов Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо показывает, что их произведения выполняют функцию «памяти о революции». Лу Синь, критикуя традиционные устои, призывал к духовному освобождению, что стало частью революционного дискурса. Го Можо в своей поэзии воспевал идеалы борьбы и обновления, связывая личное творчество с задачами общественного переустройства. Чжу Цзицин, хотя и не был прямым идеологом революции, тем не менее в своих эссе формировал образ «человеческого измерения» революционных перемен – через описание частной жизни, ценности повседневности, сохранение гуманистических основ культуры.

Таким образом, литературное наследие трёх писателей формирует многослойное представление о революционной эпохе: от критики

традиции (Лу Синь) через гуманистическую рефлексию (Чжу Цзицин) к революционному пафосу и политической активности (Го Можо). Эти три линии в совокупности создают целостный образ культурной памяти о первой половине XX в.

4. Механизмы сохранения и популяризации наследия

Результаты исследования также выявили современные механизмы сохранения и популяризации литературного наследия. К ним относятся:

- музеефикация (мемориальные дома-музеи Лу Синя, Чжу Цзицина, Го Можо);
- образовательные практики (включение произведений в обязательные учебные курсы, подготовка специальных методических материалов);
- медиа-репрезентации (экранизации, документальные фильмы, публикации в интернет-пространстве, цифровые архивы);
- государственные инициативы (юбилеи, государственные награды, памятные мероприятия).

Все эти практики позволяют не только сохранять тексты, но и поддерживать их актуальность для современного общества. Более того, в условиях цифровизации литература получает новые формы существования: электронные библиотеки, онлайн-архивы, цифровые выставки обеспечивают доступность наследия молодым поколениям и интеграцию классических текстов в современное медиапространство.

5. Сравнительный аспект и дискуссия

Сопоставление китайского опыта с западными теориями памяти (Я. Ассманн, М. Хальбвакс, П. Нора) показывает, что культурная память в Китае имеет двойственный характер: с одной стороны, она ориентирована на сохранение традиций и национальных ценностей, с другой – активно используется государством как инструмент формирования идентичности. В отличие от западных культур, где «места памяти» часто формируются в гражданском обществе, в Китае ведущая роль принадлежит государству и образовательным институтам.

Тем не менее, именно соединение «снизу» и «сверху» – личного восприятия текстов и их институциональной поддержки – обеспечивает устойчивость литературного наследия Лу Синя, Чжу Цзицина

и Го Можо. Их творчество сохраняет актуальность и продолжает выполнять функцию «живой памяти», в которой прошлое не только сохраняется, но и активно переосмысляется в соответствии с задачами современности.

Заключение

В ходе исследования была поставлена задача выявить роль литературного наследия Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо в формировании культурной памяти современного Китая. Анализ позволил сделать следующие выводы:

1. Литературное наследие первой половины XX в. в Китае выполняет функцию не только художественного свидетельства, но и социального механизма сохранения и трансляции культурной памяти.
2. Произведения Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо формируют многослойный образ эпохи: критика традиции и поиск нового культурного пути (Лу Синь), гуманистическая рефлексия и акцент на личностных ценностях (Чжу Цзицин), революционный пафос и активное участие в общественном переустройстве (Го Можо).
3. Культурная память современного Китая институционализируется через образование, музеи, медиа и государственные инициативы, что обеспечивает не только сохранение, но и актуализацию наследия в новых исторических условиях.
4. Механизмы популяризации (музеефикация, образовательные практики, медиа-репрезентации) играют ключевую роль в закреплении текстов в массовом сознании и в поддержании их значения как символических ресурсов национальной идентичности.
5. Сравнительный анализ показывает, что китайский опыт отличается сочетанием «снизу» и «сверху»: личного восприятия произведений и институциональной поддержки. Это обеспечивает особую устойчивость культурной памяти, в отличие от западных моделей, где акцент делается преимущественно на инициативе гражданского общества.

Таким образом, наследие Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо выступает в качестве важного ресурса современной культурной политики Китая, обеспечивая преемственность традиций и ценностей, а также способствуя укреплению национальной идентичности в условиях глобализации.

Список литературы

1. Ассман, Я. *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры (ЯСК), 2004, 368 с.
2. Хальбвакс, М. *Социальные рамки памяти* / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. Москва: Новое издательство, 2007, 348 с. ISBN: 978-5-98379-088-9. EDN: https://elibrary.ru/QXSOXF
3. Nora, P. (1989). Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations, (26)* (Special Issue: Memory and Counter-Memory), p. 7. Berkeley, CA.
4. Эткинд, А.[1] *Кривое горе: Память о непогребённых* / авториз. пер. с англ. В. Макарова. Москва: Новое литературное обозрение, 2016, 328 с.
5. 王瑶. 中国新文学史. 北京: 人民文学出版社, 2009, 546 页.
6. 陈平原. 中国现代文学三十年. 北京: 北京大学出版社, 2011, 420 页.
7. 鲁迅. 呐喊. 北京: 人民文学出版社, 2002, 325 页.
8. 朱自清. 经典散文选. 北京: 人民教育出版社, 2008, 210 页.
9. 郭沫若. 女神. 上海: 上海文艺出版社, 2010, 415 页.
10. Lee, L. O. *Voices from the Iron House: A Study of Lu Xun*. Bloomington: Indiana University Press, 1987, 266 p.
11. Denton, K. A. *Modern Chinese Literary Thought: Writings on Literature, 1893–1945*. Stanford: Stanford University Press, 1996, 554 p. https://doi.org/10.1515/9781503615830
12. Laughlin, C. A. *The Literature of Leisure and Chinese Modernity*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2008, 256 p. https://doi.org/10.21313/hawaii/9780824831257.001.0001
13. Barme, G. R. *An Artistic Exile: A Life of Feng Zikai (1898–1975)*. Berkeley: University of California Press, 2002, 482 p.
14. Doležel, L. *Possible Worlds of Fiction and History: The Postmodern Stage*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010, 184 p.
15. Assmann, A. *Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*. München: Beck, 2018, 424 S.

[1] Александр Маркович Эткинд признан иноагентом (27 сентября 2024 года его имя внесено в реестр иностранных агентов на сайте Министерства юстиции Российской Федерации).

References

1. Assmann, J. (2004). *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in High Cultures of Antiquity* (M. M. Sokolskaya, Trans.). Moscow: Languages of Slavic Cultures (YaSK), 368 pp.
2. Halbwachs, M. (2007). *Social Frameworks of Memory* (S. N. Zenkin, Trans. & Introductory Article). Moscow: Novoe Izdatelstvo, 348 pp. ISBN: 978-5-98379-088-9. EDN: https://elibrary.ru/QXSOXF
3. Nora, P. (1989). Between memory and history: Les lieux de mémoire. *Representations*, *(26)*(Special Issue: Memory and Counter-Memory), p. 7. Berkeley, CA.
4. Etkind, A. (2016). *Crooked Grief: Memory of the Unburied* (V. Makarov, Auth. Trans.). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 328 pp.
5. Wang Yao (2009). *Zhongguo Xin Wenxue Shi* [A History of Modern Chinese Literature]. Beijing: Renmin Wenxue Chubanshe, 546 pp.
6. Chen Pingyuan (2011). *Zhongguo Xiandai Wenxue Sanshi Nian* [Thirty Years of Modern Chinese Literature]. Beijing: Beijing Daxue Chubanshe, 420 pp.
7. Lu Xun (2002). *Na Han* [Call to Arms]. Beijing: Renmin Wenxue Chubanshe, 325 pp.
8. Zhu Ziqing (2008). *Jingdian Sanwen Xuan* [Selected Classical Prose]. Beijing: Renmin Jiaoyu Chubanshe, 210 pp.
9. Guo Moruo (2010). *Nu Shen* [Goddess]. Shanghai: Shanghai Wenyi Chubanshe, 415 pp.
10. Lee, L. O. (1987). *Voices from the Iron House: A Study of Lu Xun*. Bloomington: Indiana University Press, 266 pp.
11. Denton, K. A. (1996). *Modern Chinese Literary Thought: Writings on Literature, 1893–1945*. Stanford: Stanford University Press, 554 pp. https://doi.org/10.1515/9781503615830
12. Laughlin, C. A. (2008). *The Literature of Leisure and Chinese Modernity*. Honolulu: University of Hawaii Press, 256 pp. https://doi.org/10.21313/hawaii/9780824831257.001.0001
13. Barme, G. R. (2002). *An Artistic Exile: A Life of Feng Zikai (1898–1975)*. Berkeley: University of California Press, 482 pp.
14. Doležel, L. (2010). *Possible Possible Worlds of Fiction and History: The Postmodern Stage*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 184 pp.
15. Assmann, A. (2018). *Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*. München: Beck, 424 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чжан Хуанькоу, аспирант кафедры всемирного культурного наследия Института международных отношений
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлевская, 18, г. Казан, Республика Татарстан, 420008, Российская Федерация
khuachzhan@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Huankou Zhang, Postgraduate Student, Department of World Cultural Heritage, Institute of International Relations
Kazan (Volga) Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation
khuachzhan@gmail.com
SPIN-code: 1907-9606
ORCID: https://orcid.org/0009-0002-3085-9361
ResearcherID: OKS-9128-2025

Поступила 01.10.2025
После рецензирования 20.11.2025
Принята 15.03.2026

Received 01.10.2025
Revised 20.11.2025
Accepted 15.03.2026

Музееведение / Museum Studies

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-329 **EDN:** CGHJFI
УДК 7.025:7.036

Консервация, реставрация и реинсталляция произведений современного искусства: проблемы и стратегии сохранения эфемерного

Цзябэй Юй
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена актуальной проблеме кризиса традиционных подходов к сохранению культурного наследия в условиях трансформации музейных коллекций. Предметом анализа выступают проблемы и стратегии консервации, реставрации и реинсталляции произведений современного искусства.

Цель. Автор ставит целью выявление комплекса проблем, возникающих при консервации, реставрации и реинсталляции произведений современного искусства, и систематизацию стратегии их решения, применяемых в международной музейной практике.

Метод и методология проведения работы. Основу исследования составляют сравнительный анализ реставрационных парадигм и case-study подход. Теоретическую базу формируют труды Ч. Бранди и зарубежные исследования, эмпирическую – кейсы реинсталляции произведений А.Б. Гейгер, Т. Бёрра и Э. Келли.

Результаты. В результате исследования устанавливается, что ключевая проблема заключается в необходимом переносе фокуса с сохранения материального объекта на сохранение концептуальной идентичности произведения. Выявлены три стратегии реинсталляции: строгое воспроизведение, адаптация к новому пространству с согласия художника и принципиальная вариабельность. Оптимальной моделью признано междисциплинарное сотрудничество реставраторов, кураторов и художников.

Область применения результатов. Результаты могут быть использованы музеями, реставрационными мастерскими и архивами при разработке регламентов работы с инсталляциями и медиа-объектами, в кураторской практике, образовательных программах и адаптации международного опыта к российской музейной практике.

Ключевые слова: консервация современного искусства; реставрация; реинсталляция; сайт-специфик арт; инсталляция; нестабильные материалы; идентичность произведения; Ч. Бранди; музейное хранение; этика реставрации

Для цитирования. Юй, Цзябэй (2026). Консервация, реставрация и реинсталляция произведений современного искусства: проблемы и стратегии сохранения эфемерного. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 147-159. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-329

Conservation, restoration and re-installation of contemporary art: problems and strategies for preserving the ephemeral

Jiabei Yu
M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. The article is devoted to the actual problem of the crisis of traditional approaches to the preservation of cultural heritage in the context of the transformation of museum collections. The subject of analysis is the problems and strategies of conservation, restoration and re-installation of contemporary art.

Purpose. The author aims to reveal the complex of problems arising in the conservation, restoration and re-installation of contemporary art and to systematize the strategies for addressing them as applied in international museum practice.

Methodology. The basis of the research based on a comparative analysis of conservation paradigms and a case-study approach. The theoretical framework draws on the works of C. Brandi and international research, the empirical framework – on the re-installation case studies of works by A. B. Geiger, T. Burr, and E. Kelly.

Results. The research reveals that the core problem lies in shifting the focus from preserving the material object to preserving the conceptual identity of the artwork. Three main re-installation strategies are identified: strict reproduction, adaptation to a new space with the artist's consent and fundamental variability. Interdisciplinary collaboration among conservators, curators and artists is recognized as the optimal model.

Practical implications. The results can be used by museums, conservation studios and archives in developing guidelines for working with installations and media objects, as well as in curatorial practice, educational programs and adapting international experience to Russian museum practice.

Keywords: contemporary art conservation; restoration; re-installation; site-specific art; installation; unstable materials; artwork identity; C. Brandi; museum storage; restoration ethics

For citation. Yu, Jiabei (2026). Conservation, restoration and re-installation of contemporary art: problems and strategies for preserving the ephemeral. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 147-159. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-329

Введение

Современное искусство бросает вызов традиционным представлениям о музейном предмете. Произведения, созданные во второй половине XX – начале XXI века, часто выполняются из материалов, изначально не предназначенных для длительного существования: пластик, подверженный деградации, органические вещества, электронные компоненты с ограниченным сроком службы. Более того, меняется сама форма бытования искусства: инсталляции, перформансы, концептуальные проекты существуют не как стабильные объекты, а как процессы или инструкции [1].

Это ставит перед хранителями и реставраторами беспрецедентные задачи. Как отмечают специалисты Getty Conservation Institute, «современное искусство представляет сложные практические, этические и философские проблемы консервации. Кажущийся безграничным диапазон материалов, используемых художниками, ставит реставратора перед необходимостью находить хорошо зарекомендовавшие себя материалы для обработки, и реставраторам часто приходится проводить корректирующие обработки, которые не были полностью оценены» [1]. Проблема усугубляется тем, что многие материалы принципиально нестабильны, а ожидания владельцев или самих художников в отношении «вечной молодости» произведения вступают в противоречие с объективными законами старения материалов.

Новизна данного исследования заключается в комплексном рассмотрении трех взаимосвязанных аспектов бытования современного искусства: консервации (обеспечения физической сохранности), реставрации (вмешательства в материальную структуру) и реинсталляции (повторного экспонирования, часто в иных пространственных условиях). В отечественном искусствознании эта проблематика освещена фрагментарно, тогда как зарубежная литература послед-

них лет демонстрирует активный поиск новых методологических оснований [5; 7].

Обзор литературы показывает, что теоретической рамкой дискуссий остается «Теория реставрации» Чезаре Бранди (1963), согласно которой реставрация понимается как вмешательство в физическую материю произведения с целью передачи в будущее единства его эстетической и исторической ценности [2]. Однако, как справедливо отмечают исследователи, в случаях, когда художник еще жив и отвергает идею неизменности своего творения, или когда мы имеем дело с инсталляциями из «антиматериалов», теория Бранди сталкивается с серьезными ограничениями [2]. Возникает вопрос: применима ли классическая теория к артефактам современности, и если да, то в какой степени?

Цель исследования заключается в анализе комплекса проблем, возникающих при консервации, реставрации и реинсталляции произведений современного искусства, и выявлении основных стратегий, позволяющих сохранить не только материальный субстрат, но и концептуальную идентичность произведения.

Задачи исследования:

1) систематизировать типы уязвимости современного искусства;
2) рассмотреть этические дилеммы, связанные с заменой компонентов и реконфигурацией инсталляций;
3) проанализировать практики реинсталляции на конкретных примерах;
4) определить роль документации как основного инструмента сохранения.

Материалы и методы

Теоретической базой исследования послужили труды по философии и этике реставрации, прежде всего работа Чезаре Бранди, а также современные коллективные монографии, в частности издание «Conservation of Contemporary Art: Bridging the Gap Between Theory and Practice» под редакцией Рене ван де Валль и Вивиан ван Саазе [5; 7]. Этот фундаментальный труд, вышедший в 2024 году,

представляет результаты многолетнего сотрудничества музеев и университетов и содержит как теоретические разделы, так и анализ конкретных случаев сохранения инсталляций, перформансов и концептуальных произведений.

Эмпирическую базу составили описания реставрационных и выставочных проектов, опубликованные в открытых источниках. В частности, проанализированы реинсталляции произведения Анны Беллы Гейгер «Circumambulatio» (1972/2024) в Музее современного искусства Университета Сан-Паулу, где конфигурация работы была изменена по сравнению с оригинальной экспозицией 1972 года [3]. Также рассмотрен опыт реинсталляции работы Тома Бёрра «The Railings (May, 1970)», приобретенной Чикагским институтом искусств и установленной в новой пространственной конфигурации, что позволило актуализировать иные смысловые аспекты произведения [8]. Особый интерес представляет кейс с переносом монументальной работы Эллсворта Келли «Sculpture for a Large Wall» (1957) из заброшенного автобусного терминала в коллекцию Музея современного искусства (MoMA) в Нью-Йорке [8].

Методология исследования опирается на сравнительный анализ традиционной и современной реставрационных парадигм, а также на метод кейс-стади, позволяющий выявить специфику принятия решений в каждом конкретном случае. Важно отметить, что в задачи исследования не входит формулирование универсальных технических рекомендаций; цель – очертить проблемное поле и систематизировать существующие подходы.

Результаты и обсуждение

Проблема нестабильности материалов. Первая и наиболее очевидная группа проблем связана с физической деградацией материалов, изначально не рассчитанных на долговременное существование. Пластмассы, входившие в художественный обиход с 1960-х годов, сегодня представляют серьезную проблему для музеев. Международные исследовательские проекты уже обратились к техническим вопросам идентификации материалов и их быстрого разрушения,

разрабатывая инструменты определения и стратегии превентивной консервации [9]. Однако, как подчеркивается в современных исследованиях, недооцененным оставался аспект художественного замысла и значения материала: искусствоведческий и философский аспект в науке о консервации [9].

Показателен пример с видеоработами, созданными для воспроизведения на электронно-лучевых мониторах (ЭЛТ). Бразильская художница Анна Белла Гейгер, отвечая на вопрос о возможности замены ламповых телевизоров в своей инсталляции «Mesa, friso e vídeo macios» (1981) на современные плоские экраны, ответила категорически: «Экспонирование на плоских экранах было бы очень странным... в инсталляции я закладывала идею мягкости, которая также относилась к округлым экранам, этим мягким поверхностям» [3]. Художница осознает, что сегодня ламповый телевизор воспринимается зрителем иначе – не как знакомый предмет быта, а как музейный артефакт, – но формальное соотношение с другими элементами работы делает замену невозможной. Консерватор в данном случае оказывается перед дилеммой: сохранить функциональность (заменив монитор) или сохранить формальную целостность авторского замысла (оставив оригинальный объект, который может выйти из строя).

Этические дилеммы и теория Бранди. Ситуации, подобные описанной выше, требуют пересмотра классических принципов реставрации. Чезаре Бранди определял реставрацию как вмешательство, направленное на восстановление потенциального единства произведения при условии неподдельности материала и сохранении следов времени [2]. Однако в случае, когда художник требует воссоздать произведение заново, чтобы вернуть ему «первоначальный» облик (как это иногда бывает с работами, выполненными из быстро стареющих материалов), принцип обратимости и сохранения оригинального материала вступает в противоречие с волей автора.

Как отмечают эксперты, «желание художника воссоздать испорченное произведение, чтобы вернуть объекту его первоначальный облик, бросает вызов реставрационной этике в отношении обрати-

мости и сохранения оригинальных материалов» [1]. Аналогичным образом, замена устаревших технологических элементов в произведениях, основанных на использовании техники, ставит вопрос о том, насколько такое произведение теперь соответствует оригиналу как материально, так и интеллектуально, и какую роль в этом определении играет реставрация [1].

Современные исследователи предлагают рассматривать реставрационную практику как форму рефлексии, а теоретическое осмысление как форму практики [5; 7]. Это означает отказ от жесткого разделения на «техническую» и «концептуальную» составляющие сохранения. В случае с инсталляциями, концептуальным искусством или произведениями, включающими перформанс, решение о том, что именно подлежит сохранению, требует совместной работы реставраторов, кураторов, искусствоведов и, по возможности, самих художников или их наследников.

Реинсталляция как проблема и как возможность. Наиболее сложные вопросы возникают при повторном экспонировании инсталляций, особенно тех, которые изначально создавались как сайт-специфичные (site-specific), то есть неразрывно связанные с конкретным пространством. «Сохранение инсталляций всегда было темой, преследующей современное искусство. В конце концов, спустя годы после первой презентации проекта, как можно повторно экспонировать масштабную инсталляцию, не уменьшая ее первоначального воздействия и контекста?» – задаются вопросом кураторы [3].

Анализ конкретных примеров показывает, что практика выработала несколько стратегий реинсталляции:

1) первая стратегия – максимально точное воспроизведение оригинальной конфигурации. Так была реинсталлирована работа Анны Беллы Гейгер «Mesa, friso e vídeo macios» в 2024 году, когда кураторы стремились сохранить расположение элементов, заданное автором на XVI Биеннале в Сан-Паулу в 1981 году [3].

2) вторая стратегия – адаптация к новому пространству с согласия художника. Та же Гейгер, комментируя реинсталляцию своей ранней работы «Circumambulatio» (1972) в Музее современного искусства

Университета Сан-Паулу, отметила, что изначально панели не были изогнуты, но она расположила их по спирали в соответствии с идеями работы. В новой экспозиции монтаж получился более прямолинейным, в виде коридоров. Художница предположила, что это связано с восприятием кураторов, которые, возможно, видят инсталляцию как «свидетельство ее работы, перенесенное в настоящее» [3]. Важно, что художница допускает такую адаптацию, признавая право произведения на трансформацию во времени.

3) третья стратегия – принципиальная вариабельность, заложенная в природу произведения. Дуэт художников Jonas Van & Juno B. описывает свою инсталляцию «Visage» (2024) как своего рода пазл, который может собираться по-разному. «У нас там много элементов, но мы проводили исследования, прежде чем прийти к этому результату, так что действительно существуют другие возможности для работы... всегда есть новая возможность, в зависимости от пространства и предложения», комментирует – Джуно Б. [3]. В этом случае задача музея – зафиксировать не единственную «правильную» конфигурацию, а диапазон возможных, документируя принципы, которыми руководствуются художники при адаптации.

Наиболее радикальный пример гибкого подхода к сайт-специфичности демонстрирует история с работой Тома Бёрра «The Railings (May, 1970)». Созданная как часть инсталляции в здании Марселя Бройера в Нью-Хейвене, работа была продиктована условиями этого пространства (необходимость оградить углубление в полу), локальной историей (речь Жана Жене в защиту Бобби Силла) и местными отсылками (Х-образная форма, повторяющая ограждения Йельского кампуса). Когда Чикагский институт искусств приобрел работу, она была установлена на открытом воздухе в иной конфигурации. Как отметил куратор, Жан Жене впервые встретился с Black Panthers именно в Чикаго, что позволило работе обрести новое, но не менее значимое смысловое измерение [8]. Сам Бёрр пишет о способности работы «вечно находить новые точки и места восприятия, новые вещи, с которыми можно столкнуться» [8].

Роль документации. Во всех рассмотренных случаях ключевую роль играет документация. Если традиционное искусство предполагает сохранение физического объекта, то для современного искусства все большее значение приобретает сохранение «инструкции» или «партитуры» произведения. Это сближает практику консервации с практикой исполнения музыкального произведения или театральной пьесы: нотная запись остается неизменной, но каждое исполнение уникально.

Для инсталляций, в особенности тех, которые используют найденные объекты, эфемерные материалы или видеокомпоненты, документация должна включать не только традиционную фотофиксацию, но и интервью с художником, описание его интенций, допусков по вариативности, перечень критических элементов, замена которых недопустима, и элементов, которые могут быть воссозданы заново. Как отмечается в современной литературе, «документирование гибридных смешанных медиа-форм искусства: роль зрителя», которая становится отдельной областью исследований [5; 7]. Более того, цифровые технологии и платформы открывают новые возможности для создания «живых» архивов, которые могут дополняться и актуализироваться по мере изменения контекстов бытования произведения.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Консервация, реставрация и реинсталляция современного искусства требуют принципиального пересмотра классической реставрационной парадигмы, ориентированной на сохранение материального субстрата как носителя подлинности. В центре внимания оказывается не столько материя, сколько идентичность произведения, понимаемая как единство концептуального замысла, формальных характеристик и исторического контекста.

2. Материальная нестабильность многих современных материалов (пластмасс, электроники, органических веществ) создает ситуацию, при которой пассивное сохранение часто невозможно,

а активное вмешательство (замена компонентов, реконфигурация) требует этического обоснования и, по возможности, согласования с автором.

3. Практика реинсталляции инсталляций и сайт-специфичных произведений демонстрирует широкий спектр стратегий: от строгого воспроизведения оригинальной конфигурации до принципиальной вариабельности, заложенной в природу произведения. Выбор стратегии зависит от позиции художника, характера материала и институционального контекста.

4. Документация приобретает значение, сопоставимое со значением самого физического объекта. Исчерпывающее описание интенций художника, допустимых пределов вариативности, критических и заменяемых элементов является обязательным условием передачи произведений современного искусства будущим поколениям.

5. Оптимальной моделью представляется междисциплинарное сотрудничество реставраторов, кураторов, искусствоведов и самих художников, позволяющее принимать взвешенные решения в каждом конкретном случае, избегая как догматического следования устаревшим принципам, так и неоправданного волюнтаризма в обращении с авторским замыслом.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой типологии стратегий сохранения для различных видов современного искусства (перформанс, видеоарт, сетевые произведения), а также с адаптацией зарубежного опыта к практике российских музеев, сталкивающихся с аналогичными проблемами.

Список литературы

1. *Modern and Contemporary Art*. Getty Conservation Institute [Электронный ресурс]. https://www.getty.edu/conservation-institute/collections/modern-and-contemporary-art/ (дата обращения: 10.03.2026).
2. 保存・修復におけるコンテンポラリー・アート: チェーザレ・ブランディの理論とその「現代性」. CiNii Research [Электронный ресурс]. https://cir.nii.ac.jp/crid/1390001205831314176 (дата обращения: 10.03.2026).
3. *How to re-display an installation?* SP-Arte [Электронный ресурс]. https://www.sp-arte.com/editorial/how-to-re-display-an-installation (дата обращения: 10.03.2026).

4. *Art in Eco-Fragile Zones: Challenge for Art Installation Companies*. Fine Art Shippers [Электронный ресурс]. https://fineartshippers.com/how-do-art-installation-companies-handle-projects-in-eco-fragile-zones/ (дата обращения: 10.03.2026).
5. *Conservation of Contemporary Art: Bridging the Gap Between Theory and Practice* / ed. by R. van de Vall, V. van Saaze. Cham: Springer International Publishing, 2024, 393 p.
6. *37 | 2024 Reanimating Modernisms (I): Embracing Neophilia, Neophobia, and the Modernists' Renaissances*. OpenEdition Journals [Электронный ресурс]. https://journals.openedition.org/sillagescritiques/16201 (дата обращения: 10.03.2026).
7. *Conservation of Contemporary Art: Bridging the Gap Between Theory and Practice* / ed. by R. van de Vall, V. van Saaze. Cham: Springer International Publishing, 2024, 401 p.
8. *What Happens When Site-Specific Art Outlasts Its Surroundings?* David Nolan Gallery [Электронный ресурс]. https://www.davidnolangallery.com/news/148-what-happens-when-site-specific-art-outlasts-its-surroundings-zoe-lescaze-t-magazine/ (дата обращения: 10.03.2026).
9. *Plastics in Modern and Contemporary Art: A Holistic Approach in Preservation*. FRIS Onderzoekportaal [Электронный ресурс]. https://www.researchportal.be/en/project/plastics-modern-and-contemporary-art-holistic-approach-preservation (дата обращения: 10.03.2026).
10. *Exploration of the Method of Deconstruction and Reassembly as a Tool of Transformation*. Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. https://www.hse.ru/en/edu/vkr/1045748857 (дата обращения: 10.03.2026).
11. Brandi, C. *Theory of Restoration*. Rome: Istituto Centrale per il Restauro, 1963, 148 p.
12. Muñoz Viñas, S. *Contemporary Theory of Conservation*. Oxford: Elsevier Butterworth-Heinemann, 2005, 239 p.
13. Hummelen, I., & Sillé, D. *Modern Art: Who Cares?* Amsterdam: Foundation for the Conservation of Modern Art, 1999, 432 p.
14. Laurenson, P. (2006). Authenticity, Change and Loss in the Conservation of Time-Based Media Installations. *Tate Papers, (6)*. https://www.tate.org.uk/research/tate-papers/06/authenticity-change-and-loss-conservation-of-time-based-media-installations (дата обращения: 10.03.2026).
15. Wharton, G. (2018). The Challenges of Conserving Contemporary Art. *Smithsonian Contributions to Museum Conservation, (5)*, pp. 1–8.
16. Saaze, V. van. *Installation Art and the Museum: Presentation and Conservation of Changing Artworks*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2013, 213 p. https://doi.org/10.26530/OAPEN_449202
17. Scholte, T., & Wharton, G. *Inside Installations: Theory and Practice in the Care of Complex Artworks*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011, 287 p.

18. Rivenc, R. (2018). Keep It Moving? Conserving Kinetic Art. *Journal of the American Institute for Conservation, 57*(4), pp. 167–180.
19. Stringari, C. (2017). Beyond "Conventional" Restoration: The Conservation of Contemporary Art. *Cuadernos de Música, Artes Visuales y Artes Escénicas, 12*(2), pp. 33–48.
20. Chiantore, O., & Rava, A. *Conserving Contemporary Art: Issues, Methods, Materials, and Research*. Los Angeles: Getty Conservation Institute, 2012, 348 p.

References

1. *Modern and Contemporary Art*. Getty Conservation Institute [Electronic resource]. https://www.getty.edu/conservation-institute/collections/modern-and-contemporary-art/ (Retrieved: March 10, 2026).
2. *Hozon · Shūfuku ni okeru Kontemporarī Āto: Chēzare Burandi no riron to sono "gendai-sei"* [Contemporary Art in Conservation and Restoration: Cesare Brandi's Theory and Its "Modernity"]. CiNii Research [Electronic resource]. https://cir.nii.ac.jp/crid/1390001205831314176 (Retrieved: March 10, 2026).
3. How to re-display an installation? *SP-Arte* [Electronic resource]. https://www.sp-arte.com/editorial/how-to-re-display-an-installation (Retrieved: March 10, 2026).
4. Art in eco-fragile zones: Challenge for art installation companies. *Fine Art Shippers* [Electronic resource]. https://fineartshippers.com/how-do-art-installation-companies-handle-projects-in-eco-fragile-zones/ (Retrieved: March 10, 2026).
5. *Conservation of Contemporary Art: Bridging the Gap Between Theory and Practice* (R. van de Vall & V. van Saaze, Eds.). Cham: Springer International Publishing, 2024, 393 pp.
6. 37 | 2024. Reanimating modernisms (I): Embracing neophilia, neophobia, and the modernists' renaissances. *OpenEdition Journals* [Electronic resource]. https://journals.openedition.org/sillagescritiques/16201 (Retrieved: March 10, 2026).
7. *Conservation of Contemporary Art: Bridging the Gap Between Theory and Practice* (R. van de Vall & V. van Saaze, Eds.). Cham: Springer International Publishing, 2024, 401 pp.
8. What happens when site-specific art outlasts its surroundings? *David Nolan Gallery* [Electronic resource]. https://www.davidnolangallery.com/news/148-what-happens-when-site-specific-art-outlasts-its-surroundings-zoe-lescaze-t-magazine/ (Retrieved: March 10, 2026).
9. *Plastics in Modern and Contemporary Art: A Holistic Approach in Preservation*. FRIS Onderzoekportaal [Electronic resource]. https://www.researchportal.be/en/project/plastics-modern-and-contemporary-art-holistic-approach-preservation (Retrieved: March 10, 2026).
10. Exploration of the method of deconstruction and reassembly as a tool of transformation. *Higher School of Economics* [Electronic resource]. https://www.hse.ru/en/edu/vkr/1045748857 (Retrieved: March 10, 2026).

11. Brandi, C. (1963). *Theory of Restoration*. Rome: Istituto Centrale per il Restauro, 148 pp.
12. Muñoz Viñas, S. (2005). *Contemporary Theory of Conservation*. Oxford: Elsevier Butterworth-Heinemann, 239 pp.
13. Hummelen, I., & Sillé, D. (1999). *Modern Art: Who Cares?* Amsterdam: Foundation for the Conservation of Modern Art, 432 pp.
14. Laurenson, P. (2006). Authenticity, change and loss in the conservation of time-based media installations. *Tate Papers*, *(6)*. https://www.tate.org.uk/research/tate-papers/06/authenticity-change-and-loss-conservation-of-time-based-media-installations (Retrieved: March 10, 2026).
15. Wharton, G. (2018). The challenges of conserving contemporary art. *Smithsonian Contributions to Museum Conservation*, *(5)*, pp. 1–8.
16. Saaze, V. van. (2013). *Installation Art and the Museum: Presentation and Conservation of Changing Artworks*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 213 pp. https://doi.org/10.26530/OAPEN_449202
17. Scholte, T., & Wharton, G. (2011). *Inside Installations: Theory and Practice in the Care of Complex Artworks*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 287 pp.
18. Rivenc, R. (2018). Keep it moving? Conserving kinetic art. *Journal of the American Institute for Conservation*, *57*(4), pp. 167–180.
19. Stringari, C. (2017). Beyond "conventional" restoration: The conservation of contemporary art. *Cuadernos de Música, Artes Visuales y Artes Escénicas*, *12*(2), pp. 33–48.
20. Chiantore, O., & Rava, A. (2012). *Conserving Contemporary Art: Issues, Methods, Materials, and Research*. Los Angeles: Getty Conservation Institute, 348 pp.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Юй Цзябэй, аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, 1, г. Москва, 119991, Российская Федерация
jiabeiyu78@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Jiabei Yu, postgraduate student

M. V. Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory Str., Moscow, 119991, Russian Federation
jiabeiyu78@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0009-0005-1537-1570

Поступила 04.03.2026
После рецензирования 21.03.2026
Принята 27.03.2026

Received 04.03.2026
Revised 21.03.2026
Accepted 27.03.2026

Музееведение / Museum Studies

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-328 **EDN:** SYVJEQ
УДК 75(092)

«Радость праведных»: религиозная живопись и графика В.М. Васнецова в Нижегородском государственном художественном музее

Д.В. Кирюхин
Нижегородский государственный агротехнологический университет им. Л.Я. Флорентьева, Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. На момент создания своих известнейших росписей и работ по украшению православных храмов В.М. Васнецов считался признанным мастером и получал множество восторженных отзывов от современников, но позднее его произведения стали воспринимать более критично, а после революции картины на религиозную тематику много лет были в забвении. В.М. Васнецов не принял новую власть, но продолжил плодотворно трудиться над сказочными сюжетами, которые входили в хрестоматии и темы для школьных сочинений, не оставлял и религиозную тематику. Поскольку значимость религиозного искусства в традиционной культуре России несомненна, формы его популяризации представляют интерес не только для организаторов выставочной деятельности, но и всех интересующихся историей отечественной живописи.

Цель исследования – анализ экспозиции религиозной живописи и графики Василия Михайловича Васнецова (1848–1926) «Радость праведных», которая проходила в Нижегородском государственном художественном музее с 25 октября 2025 г. по 25 января 2026 г., как формы распространения опыта ознакомления регионов России с малоизвестными сторонами творчества художника.

Методы исследования. Для достижения этой цели с помощью проблемно-хронологического, сравнительно-исторического, историко-культурного, биографического и описательного научных методов решаются задачи анализа разнообразных работ мастера (картин маслом и акварельных эскизов) и их расположения в музейном пространстве и опубликованном к открытию выставке каталоге.

Результаты. Автором с искусствоведческих позиций проанализирована экспозиция выставки: ее содержание, оформление, представление в печатной про-

дукции. Ряд замечаний будет полезен менеджерам выставок в дальнейшей работе. Хотя нижегородская выставка является сокращенным вариантом экспозиции работ В.М. Васнецова в 2024 г. в Москве, она стала значимым событием для Нижнего Новгорода, познакомившим посетителей с религиозным творчеством ярчайшего представителя русской живописи.

Ключевые слова: Васнецов; религиозная живопись; религиозная графика; русское искусство; XIX; XX

Для цитирования. Кирюхин, Д. В. (2026). «Радость праведных»: религиозная живопись и графика В.М. Васнецова в Нижегородском государственном художественном музее. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 160-185. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-328

‘The Joy of the Righteous’: V.M. Vasnetsov’s religious painting and graphics in the Nizhny Novgorod State Art Museum

D.V. Kiryukhin
Nizhny Novgorod State Agrotechnological University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract

Background. At the time of creating his most famous paintings and works on the decoration of Orthodox churches, Vasnetsov was considered a recognized master and received many enthusiastic reviews from his contemporaries, but later his works were perceived more critically, and after the revolution, his religious paintings were forgotten for many years. Vasnetsov did not accept the new government, but he continued to work on fairy-tale themes, which were included in textbooks and topics for school essays, and he also continued to work on religious themes. Since the significance of religious art in the traditional culture of Russia is undeniable, the forms of its popularization are of interest not only to the organizers of exhibition activities, but also to all those interested in the history of Russian painting.

Purpose. The purpose of the study is to analyze the exhibition of religious paintings and graphics by Vasily Mikhailovich Vasnetsov (1848-1926) “The Joy of the Righteous,” which was held at the Nizhny Novgorod State Art Museum from October 25, 2025, to January 25, 2026, as a form of disseminating the experience of introducing the regions of Russia to the lesser-known aspects of the artist’s work.

Methodology. To achieve this goal, the problems of analyzing the master’s diverse works (oil paintings and watercolor sketches) and their arrangement in the museum space and the catalog published for the exhibition are solved using the problem-chronological,

comparative-historical, historical-cultural, biographical, and descriptive scientific methods.

Results. The author analyzes the exhibition's exposition from an art-historical perspective, including its content, design, and presentation in printed materials. Several observations will be useful for exhibition managers in their future work. Although the exhibition in Nizhny Novgorod is a shortened version of the 2024 exhibition of Vasnetsov's works in Moscow, it has become a significant event for Nizhny Novgorod, introducing visitors to the religious art of this prominent Russian painter.

Keywords: Vasnetsov; religious painting; religious graphics; Russian art; XIX; XX

For citation. Kiryukhin, D. V. (2026). 'The Joy of the Righteous': V.M. Vasnetsov's religious painting and graphics in the Nizhny Novgorod State Art Museum. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(1), 160-185. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-1-328

Введение

Имя и творчество последователя «национального романтизма» [15, с. 75] Виктора Михайловича Васнецова (1848–1926) хорошо известны в России. Его живописные полотна, созданные на былинные и сказочные сюжеты, находятся в постоянных экспозициях крупнейших музеев нашей страны («Алёнушка» 1881 г., «Богатыри» 1898 г. и др. – в Государственной Третьяковской галерее в Москве, «Ковер-самолет» 1880 г. – в Нижегородском государственном художественном музее - НГХМ), и др. Произведения, представляющие собой религиозные сюжеты и церковные декорации, менее знакомы массовому зрителю.

Как отмечает И.В. Миронова, при жизни В.М. Васнецова экспозиции, состоявшие полностью из полотен религиозного содержания выставлялись лишь пять раз в Москве и Петербурге в залах Императорского Общества поощрения художеств, Государственного исторического музея и Императорской Академии художеств [10, с. 44–49].

Художник редко участвовал в деятельности творческих объединений и обществ вне столичных городов, но внес большой вклад в оформление выставочных пространств проходившей в Нижнем Новгороде с 28 мая по 1 октября 1896 г. Великой Всероссийской промышленной и художественной выставки. Именно тогда нижегородцы впервые смогли увидеть подлинные работы мастера из коллекции С.И. Мамонтова (1841–1918), представленные картиной

«Ковер-самолет», портретом одного из известнейших русских скульпторов второй половины XIX в. М.М. Антокольского (1843–1902) и этюдом «Голова девушки»).

В 2024 г. к 175-летнему юбилею художника на масштабной выставке «Васнецовы. Связь поколений. Из XIX в XXI век» в Третьяковской галерее почти в полном составе демонстрировались живописные картоны и графические эскизы мастера к росписям храма Святого Владимира в Киеве, приобретенные П.И. Третьяковым и находящиеся в собрании Галереи.

Выставка произведений религиозной живописи и графики художника, проходившая с 25 октября 2025 г. по 25 января 2026 г. в Нижнем Новгороде была организована совместными усилиями Государственной Третьяковской галереи, предоставившей основную часть крупноформатных полотен и экспонатов, Государственного исторического музея, впервые выдавшим из постоянной экспозиции «Евхаристию» В.М. Васнецова, и НГХМ, выделившего под нее здание Манежа Нижегородского кремля. Эта первая персональная выставка В.М. Нестерова в Н.Новгороде стала важным культурным событием не только в масштабе города, о чем свидетельствуют отзывы посетителей.

Цель исследования – анализ экспозиции выставки религиозной живописи и графики В.М. Васнецова «Радость праведных» в Нижегородском государственном художественном музее как формы презентации важнейшего направления творчества художника. Для достижения этой цели решаются следующие *задачи:* выясняется место религии в творчестве художника; анализируются представленные в экспозиции музея работы; оцениваются композиционные решения при их размещении в музейном пространстве; выясняется соответствие экспонатов их описанию в каталоге выставки.

Методы и методология

Методологическую основу данного исследования составили методы искусствоведения – сравнительно-исторический и историко-культурный, позволившие дать оценку своеобразию религиозных

сюжетов в художественном творчестве В.М. Васнецова в контексте его эпохи и с точки зрения современного зрителя, знакомого с такими культурными феноменами последовавших эпох как кинематограф. Историко-генетический метод также необходим для определения пути формирования авторского стиля художника, биографический метод сосредотачивается на ключевых деталях его биографии. Описательный метод позволяет рассказать о представленных в экспозиции работах, оценку композиционного расположения которых возможно дать через использование проблемно-хронологического метода.

Основная часть

Названием для выставки послужило представленное в кульминационной части экспозиции масштабное полотно В.М. Васнецова – «Радость праведных о Господе. Преддверие рая» (1889–1890), представляющего собой картон для росписи барабана главного купола Владимирского собора в Киеве. Общеизвестно, что интерес художника к религиозным сюжетам совершенно не случаен: с раннего детства он рос в глубоко религиозной среде (отец, дед, и прадед мастера были священниками). По семейной традиции в 1858 г. мальчик был отдан на обучение в духовное училище города Вятка, по окончании которого в 1862 г. продолжил образование в духовной семинарии [17, с. 223–237]. Оставив семинарию в предпоследнем классе, В.М. Васнецов поступил в Академию художеств в Петербурге, где познакомился со многими известными впоследствии художниками и проникся идеями Товарищества передвижных художественных выставок. Сказочные сюжеты, сегодня хорошо известные любому школьнику, как иллюстрации в учебной и художественной литературе, принесли В.М. Васнецову известность и любовь, были менее важны для автора. Он работал над ними во время, свободное от главного дела своей жизни – религиозной живописи. «…Я верю, что нет на Руси для русского художника святее и плодотворнее дела – как крашение храма – это уже поистине дело народное, и дело высочайшего искусства» [13, с. 72–73], – писал Виктор Михайлович в письме своему другу и коллеге Василию Дмитриевичу Поленову

(1844–1927). Свои работы по росписи православных храмов сам художник считал важнейшим делом своей жизни. «Мое искусство – свеча, зажженная перед ликом Господа, – писал он. – Я не отвергаю искусство вне церкви. Искусство должно служить всей жизни, всем лучшим сторонам человеческого духа – где оно может. Но в храме художник соприкасается с самой положительной стороной духа – с человеческим идеалом. Нужно заметить, что если человечество до сих пор сделало что-нибудь высокое в области искусства, то только на почве религиозных представлений» [3, с. 73].

Первым серьезным опытом обращения к религиозному искусству для В.М. Васнецова стала работа над проектом церкви в Абрамцеве, недалеко от Москвы, в имении С.И. Мамонтова. Идея постройки храма принадлежала жене московского предпринимателя и мецената Елизавете Григорьевне, свой вариант проекта был предложен и В.Д. Поленовым, однако члены семьи предпочли работу В.М. Васнецова, выполненную в более «московском характере» [7, с. 86]. В течение 1881–1882 гг. было завершено строительство и работы над внутренним убранством храма, кроме эскизов фасада В.М. Васнецов написал для церкви в Абрамцево несколько малых образов, а также небольшой образ «Богоматери». Возможно, именно этот успех художника побудил его взяться за такую сложную работу как росписи Владимирского собора в Киеве, над которыми он трудился долгие десять лет, за эту работу он был удостоен звания профессора живописи [6]. После завершения росписей во Владимирском соборе В.М. Васнецову неоднократно предлагали работы по украшению храмов: с 1896 по 1913 гг. он работал над образами для Георгиевской церкви в Гусь-Хрустальном и храма Александра Невского в Софии, над эскизами мозаик для храма Воскресения в Петербурге, русской церкви в Дармштадте и собора Александра Невского в Варшаве.

Обратимся к структуре представленной в зале Манежа Нижегородского кремля экспозиции. При входе зрителя встречает портрет художника кисти Н.Д. Кузнецова 1891 г. и баннер вдоль всего первого зала с названием выставки, информацией о ней и организаторах - «Летопись жизни и творчества Виктора Васнецова» Последняя

представляет собой закрепленные чуть ниже уровня глаз (вероятно, для того, чтобы с текстом могли ознакомиться не только взрослые посетители, но и дети) фанерные листы с напечатанным текстом, включающим основные даты и события жизни художника. Некоторое удивление вызывают добавленные в подписях к редким фотографиям стрелки, так как сами изобразительные материалы немногочисленны, и спутаться в них едва ли представляется возможным. Стоит отметить и некоторую неравномерность распределения материала – в иных «временных отрезках» фотографии документов и снимки буквально «жмутся друг к другу», а местами мы можем лицезреть лишь пустые белые отрезки незаполненного ничем пространства. Разумеется, это упущения не столько дизайнеров, работавших над созданием экспозиции, сколько научных работников, занимавшихся подготовкой материала и не представивших дополнительных визуальных источников.

Рис. 1. Начало экспозиции. Летопись жизни и творчества В.М. Васнецова. Фотография автора
Fig. 1. The beginning of the exhibition. A chronicle of the life and work of V.M. Vasnetsov. Photo by the author

Важно отметить, что основную структуру представленной выставки хорошо позволяет понять и оценить подготовленный к ее открытию и доступный в продаже для посетителей каталог, содержащий полный перечень произведений В.М. Васнецова, представленных

на выставке. Именно здесь они распределены по тематическим разделам, отражающим работу художника по оформлению соборов и храмов, чего нельзя сказать о экспонированном материале. Последнее обусловлено вполне объективной причиной – бóльшую часть экспозиции представляют живописные и графические работы, связанные с росписями во Владимирском соборе в Киеве (1885–1893) – 87 из 102 представленных полотен В.М. Васнецова, что составляет 85% от общего количества. Если пространство книги позволяет распределить на отдельных листах и в хронологическом порядке немногие эскизы росписей других храмов, то доступное выставочное пространство ограничено и неизбежно требует определенной компоновки материала, которая может иногда сбивать неискушенного зрителя. Эскизы монументальных работ для Георгиевского собора в Гусь-Хрустальном (1896–1904) представлены четырьмя графическими зарисовками, оригиналы и эскизы композиций для Собора святого Александра Невского в Варшаве – тремя работами, по две работы эскизов из Храма-памятника святого Александра Невского в Софии и отдельных произведений («Архангел Михаил» и «Бог Саваоф» 1915 г.), из Церкви Спаса Нерукотворного в Абрамцеве в экспозиции эскиз плащаницы (1901 г.), а Храм Воскресения Христова (Спас на крови) в Санкт-Петербурге представлен одним эскизом мозаики.

Первый выставочный зал открывают примеры живописных полотен для Владимирского Собора в Киеве – это хорошо известные «Крещение Руси», «Крещение князя Владимира» (из собрания Нижегородского художественного музея), «Страшный суд», «Распятый Иисус Христос», «Единородный Сын Слово Божие» и «Бог Саваоф» (все – 1890 г.). В углу небольшого зала представлен общий план Владимирского собора в Киеве и план хоров с указанием расположения выставленных эскизов работ. К сожалению, данная схема никак не соотносится с композиционным расположением самих живописных полотен, восприятию которых, на наш взгляд, мешают массивные золотые рамы, в которых они оформлены. «Крещение князя Владимира», на котором внук княгини Ольги в 988 г. проходит обряд крещения в Херсонесе (Корсуни), полно множества ярких деталей

одежд собравшихся, позади самого князя, находящегося вниз в самом центре, стоят витязи из его дружины в шлемах и кольчугах.

Рис. 2. Первый выставочный зал. Фотография автора
Fig. 2. The first exhibition hall. Photo by the author

Написанная в реалистичной манере работа не вызывает сомнений в исторической достоверности, торжественность момента выражают лишь довольно эмоциональные и застывшие лица присутствовавших во время обряда. В аналогичной узнаваемой манере выполнено и «Крещение Руси», на большей части которого показаны события, происходящие на земле, лишь в самом верху в центре художник изобразил сонм ангелов, наблюдающих за происходящим. Яркие золотые, богато украшенные одежды самого Владимира, простирающего руки над толпой, контрастируют с испуганными и измученными лицами принимающих крещение внизу полотна.

Несомненными достоинствами представленных работ являются композиционные решения и приглушенный фресковый колорит, сочетающийся с использованием ярких контрастных цветов («Страшный суд»); авторский стиль художника, безусловно, узнаваем. Однако

чрезмерно реалистичное изображение неземных существ вызывает у современного зрителя скорее недоумение, нежели чувство благоговейного трепета. Например, на полотне «Единородный Сын Слово Божие» позади фигуры Иисуса Христа в образе Эммануила изображение Тетраморфа – крылатого существа с четырьмя ликами: человека, льва, быка и орла (символы четырех евангелистов Матфея, Марка, Луки и Иоанна) – удивляет: если левая сторона с ангелом и орлом, выступающими из-за облаков, не вызывает вопросов, то, при реалистичном изображении голов тельца и льва, у последних отсутствуют туловища или же объекты, закрывающие их от взора зрителя. Анатомически верные и реалистично изображенные головы животных покоятся на легких проплывающих облаках, при этом крылья, похожие на лебединые, с детально прописанным оперением врастают в шеи изображенных животных.

Рис. 3. Васнецов В.М. Распятый Иисус Христос. 1890. Картон для росписи плафона главного нефа Владимирского собора в Киеве. Фотография автора
Fig. 3. Vasnetsov, V. M. The Crucified Jesus Christ. 1890. Carton for the ceiling painting of the main nave of St. Vladimir's Cathedral in Kyiv. Photo by the author

Далее в зале, ведущем зрителя к кульминационной части выставки, представлены эскизы росписей хоров для Владимирского Собора в Киеве (1890–1893), выполненные В.М. Васнецовым акварелью с использованием белил и гуаши. Это сюжеты «Труды прародителей» с западной стены храма, изображения херувимов, «Блаженство Рая» с северной стены и «Грехопадение. Ева и змий» – южная стена. Не совсем понятно, по какому принципу они представлены в экспозиции (в каталоге – согласно их датировке), с точки зрения хронологии описываемых сюжетов, сначала мы должны обратиться к яркому и гармоничному образу Рая, в котором Адам и Ева стоят вокруг плодоносного древа в окружении многообразия созданных Богом мирно сосуществующих друг с другом животных. Гармоничный колорит, легкие акварельные тона передают атмосферу трогательной наивности первых людей, держащихся за руки. Их окружает множество деталей флоры и фауны: многочисленные цветы под ногами, плоды и голуби в ветвях, павлин и белые зайцы, олень позади Евы, лебеди и утки в озере позади фигур. Изображение льва, стоящего рядом с Адамом и являющегося символом Иисуса Христа (например, согласно текстам средневековых европейских бестиариев, лев воскрешал своим дыханием или рыком новорожденных детенышей [19, с. 14]), поражает своей реалистичностью – зверь выглядит изможденным голодом, он словно ждет скорейшего грехопадения первых людей, чтобы наконец получить возможность приступить к кровожадной трапезе из стоящих рядом с ним барашков и агнцев, с которыми вынужден мирно сосуществовать в Раю.

Невероятно удачно передан В.М. Васнецовым образ змия-искусителя, который словно подталкивает плод в сторону испуганной, но заинтригованной Евы. Основную часть росписи «Труды прародителей» представляет идущий от центра растительный орнамент. Поиск и разработка декоративных элементов и мотивов были не менее важны для художника, создавшего собственный язык декоративного убранства на основе материалов древних памятников. Как справедливо отмечают историки искусства, стилистика росписей имела существенные различия в работах художника 1880-х и 1890-х

гг.: если в изображениях, посвященных образам исторических деятелей Древней Руси, В.М. Васнецов использовал традиции народного искусства, то в сюжетах о жизни первых людей в раю ощущаются тенденции, восходящие к прерафаэлитам [12, с. 72].

Рис. 4. Васнецов В.М. Грехопадение. Ева и змий. Фрагмент. 1891. Фотография автора
Fig. 4. Vasnetsov, V. M. The Fall of Man. Eve and the Serpent. Detail. 1891. Photo by the author

Центральный зал выставки доступен для зрителей в двух вариантах. Для того, чтобы посмотреть кульминационное полотно «Радость праведных о Господе. Преддверие рая» (1889–1890) для Владимирского Собора в Киеве – состоящую из трех частей композицию, выполненную на холсте маслом и представляющую собой авторскую интерпретацию сюжета из Откровения Иоанна Богослова размерами 205х1446, предлагается подняться на специально сооруженную перед ним площадку. К святому граду Иерусалиму, находящемуся в центральной части, перед которым с двух сторон изображены архангелы, движутся праведники. В левой части композиции расположены Вера, Надежда, Любовь и мать их София,

христианские святые, почитаемые в лике мучениц, перед ними – Мария Магдалина с алавастровым сосудом мирра в руках, рядом с ней – Мария Египетская. Над раскаявшимся разбойником, несущим свой крест, мы видим праотца Адама, Еву и Авеля. В правой части триптиха ангелы несут великомученицу Варвару с мечом на груди и Екатерину; их окружают пять мудрых дев со светильниками, а за ними – три отрока в ассирийских одеждах: Анания, Азария и Михаил, живыми вышедшие из огненной печи.

Рис. 5. Центральный зал выставки. Фотография автора
Fig. 5. The main exhibition hall. Photo by the author

Рассматривая это масштабное полотно, ставшее на время выставки доступным для жителей города во всех деталях, нельзя не вспомнить отзыв о нем, составленный православным философом Евгением Николаевичем Трубецким (1863–1920): «У Васнецова полет праведных в рай имеет чересчур естественный характер физического движения: праведники устремляются в рай не только мыслями, но и

всем туловищем: это, а также болезненно-истерическое выражение некоторых лиц, сообщает всему изображению тот слишком реалистический характер, который ослабляет впечатление» [18, с. 204].

Рис. 6. Васнецов В.М. Эскизы орнаментов. Фотография автора
Fig. 6. Vasnetsov, V.M. Sketches of Ornaments. Photo by the author

Нижняя же часть экспозиции под названной работой заполнена многочисленными эскизами для росписей, среди которых есть и элементы орнаментов и украшений, и эскизы образов святых на пилонах главного нефа (1885–1893), и масштабный эскиз неосуществленной росписи «Апокалипсис» (1889). Трехчастная композиция последней, предназначавшаяся для росписи потолка главного нефа Владимирского собора, несколько теряется в композиционном плане по отношению к другим представленным в экспозиции работам. Фигура, расположенная на белом коне в самом центре, в сравнении с общей реалистичной манерой изображения, кажется непропорциональной относительно несущей ее лошади.

Работая над образами святых, В.М. Васнецов мастерски использовал тоновые градации и полупрозрачные слои, разбавляя акварель белилами для плотности ее наложения или прибегая к гуаши для усиления насыщенности цвета; особый контраст придает и применение золота и бронзы, позволяющих имитировать эффект смальты и сусального золота. Все названное служило объединяющим лейтмотивом как внутри одного рисунка, так и в общем восприятии группы эскизов.

Особого интереса заслуживают детали костюмов изображенных: Св. преподобного Нестора Летописца с пером в руках, Св. преподобного Алипия Печерского, первого именованного иконописца и мозаичиста Древней Руси, основательницы храмов и монастырей княгини Евдокии, жены князя Дмитрия Донского, преподобной Ефросинии Полоцкой, учредительнице монастырей, ставших центром просвещения полоцких земель, Св. благоверных князей Михаила Ярославича и Михаила Всеволодовича, Бориса и Глеба, Священномученика Кукши Печерского и блаженного чудотворца Прокопия Устюжского. Каждого из изображенных художник помещает в свой неповторимый интерьер или пейзаж позади фигуры.

Над образами главного иконостаса собора, включавшего образы Христа, Богоматери, восседающих на престоле, Марии Магдалины, Александра Невского, князя Владимира и княгини Ольги, В.М. Васнецов работал в Москве с лета 1893 до весны 1894 гг., на выставке представлены эскизы Св. благоверного князя Александра Невского, прижимающего к груди меч и держащего в руки знамя, и Св. равноапостольной княгини Ольги, чье одеяние полно множества ярких декоративных элементов и деталей.

Завершает зал картон для росписи плафона главного купола «Христос Вседержитель» (1886), находящийся чуть в отдалении в полутьме зала, для наибольшего эффекта на лик изображения направлен луч лампы. Реалистичный образ Христа, осеняющего зрителя крестным знамением с Евангелием в руках, ярко и удачно контрастирует с изображениями символов четырех евангелистов Матфея, Марка, Луки и Иоанна – ангела, льва, тельца и орла, ко-

торые изображены графически в виде обрамляющего полотно орнамента с четырех сторон, что представляется нам гораздо более удачным стилистическим выбором художника, нежели на полотне «Единородный Сын Слово Божие».Биограф, искусствовед и писатель В.Л. Кигн писал об изображении Христа Спасителя в куполе Владимирского собора, что «после византийского Христа нет ни одного изображения, которое передавало бы образ Богочеловека в такой полноте и с таким совершенством...» [5, с. 39]

Рис. 7. Васнецов В.М. Христос Вседержитель. 1886. Картон для росписи плафона главного купола Владимирского собора в Киеве. Фотография автора
Fig. 7. Vasnetsov, V. M. Christ Pantocrator. 1886. Carton for the ceiling painting of the main dome of St. Vladimir's Cathedral in Kyiv. Photo by the author

После осмотра центрального зала зрителю предлагается обратный путь через несколько узких проходов и три небольших зала, основную часть экспонатов которых вновь представляют собой эскизы для Владимирского Собора в Киеве. С двух сторон диптиха «Сретение» размещены эскизы изображений шестикрылых сера-

фимов, выполненных акварелью и гуашью на бумаге, наклеенной на картон, их разноцветные крылья контрастируют с монохромным фоном, выполненным бронзовой краской. Они особенно необычны для зрителей XXI в.: реалистичные головы детей, к которым с хирургическо-реалистичной точностью пришиты разноцветные крылья, напоминают декорации фильмов Джона Карпентера [11, с. 174–181], и скорее пугают, благодаря эффекту так называемой «зловещей долины» [16, с. 649–652]. Неудивительно, что художникам прошлого было довольно непросто найти зрительный образ серафимов, который своими корнями мог иметь множество прообразов, в том числе из сирийских мифов, датированных первым тысячелетием до н.э. или изобразительного искусства Вавилона и Ассирии [20, p. 301].

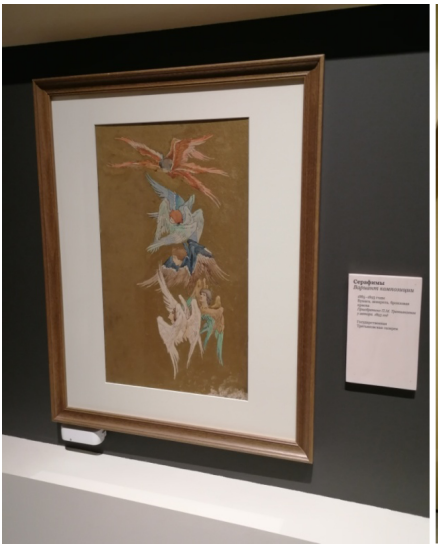

Рис. 8. Васнецов В.М. Серафимы 1885–1886.
Fig. 8. Vasnetsov, V. M. The Seraphim, 1885–1886.

Рис. 9. Васнецов В.М. Богоматерь с младенцем. 1894.
Fig. 9. Vasnetsov, V. M. The Virgin and Child. 1894.

В центре следующего зала зрителя встречает образ Богоматери с Младенцем, представляющий собой композицию росписи в конхе апсиды главного алтаря, справа вниз работа содержит дарствен-

ную надпись: «Павлу Михайловичу Третьякову 1894 г. 25 марта». Авторский неповторимый стиль В.М. Васнецова сразу узнается – традиционные для византийской иконографии подчеркнуто выразительные и широко распахнутые огромные глаза Богоматери и младенца Иисуса обращены к зрителю. Отметим и очень удачное расположение самой картины. С двух сторон ее окружают эскизы коленопреклоненных архангелов Михаила и Гавриила; известно, что они были отвергнуты самим автором. Фон, некоторые детали одежды и крылья так и не были доработаны и не несут в себе оттенок незавершенности, кажется, что ноги архангела Михаила непропорционально малы. Углем и мелом выполнены сдержанные по своем цветовому решению изображения пророков – Гедеона, Илии, Иеремии, Наума, Соломона, Давида – в левой части и Даниила, Моисея, Иакова, Исайи, Аввакума и Иезекииля – в правой. Эскизность подчеркивает видимость нанесенной ранее для разметки изображения сетки. Выражения лиц пророков очень эмоциональны и даже излишне театральны.

Очень удачен эскиз мозаики над южным входом храма Воскресения Христова (Спас на крови) в Санкт-Петербурге «Несение креста» (1897 г.). Художник со всем мастерством использует акварельные полутона и оттенки, добавляя белила и гуашь, благодаря чему приглушенный тон работы не остается лишенным контрастов фигур и их одеяний. Работа по своей манере и безукоризненной технике исполнения напоминает лучшие произведения зарубежных мастеров западноевропейского искусства периода «Золотого века книжной иллюстрации» в Англии [8, с. 204–206]. С 1883 по 1901 г. В.М. Васнецов, как это отмечается на информационных листах, расположенных в экспозиции, выполнил и другие графические эскизы для этого храма: «Серафим», «Распятие» и «Снятие с креста» (над первым вторым западными входами), «Сошествие во ад» (над северным входом), «Христос на престоле», а также мозаичные иконы для главного иконостаса – «Богоматерь с младенцем» и «Спаситель». К сожалению, эти работы в экспозицию выставки вошли лишь в формате кратного упоминания в тексте.

Рис. 10. Васнецов В.М. Несение креста. 1897. Эскиз мозаики над крыльцом храма Вознесения Христова (Спас на крови) в Санкт-Петербурге. Фотография автора
Fig. 10. Vasnetsov, V.M. The Carrying of the Cross. 1897. Sketch for a mosaic above the porch of the Church of the Ascension (Church of the Savior on Spilled Blood) in St. Petersburg. Photo by the author

Собор святого Александра Невского в Варшаве, построенный по проекту Л.Н. Бенуа и освященный в 1912 г., также содержал образы, созданные В.М. Васнецовым, в экспозиции представлен триптих «Евхаристия», выполненный маслом на холсте в качестве эскиза для мозаики. Масштабное полотно сияет сдержанными цветами, темные

синий и фиолетовые оттенки контрастируют с золотом фона, лица Иисуса Христа и апостолов молчаливы и задумчивы, авторский стиль художника в тщательном внимании к подобранным деталям и особенно выразительным глазам изображенных. Совершенно иначе смотрятся расположенные на противоположной стене эскизы для Георгиевского собора в Гусь-Хрустальном (1896–1904), для которых характерна незавершенность и легкость. Завершает зал оригинал для плащаницы, шитой шелками, для церкви Спаса Нерукотворного в селе Абрамцеве (1901 г.), выполненный графитным карандашом, темперой с добавлением бронзовой и серебряной красок на бумаге, наклеенной на холст. Лаконичность, графичность и цветовые контрасты выделяют эту работу, однако образы двух серафимов в виде голов с крылами, парящих над телом Христа, вновь смотрятся несколько странновато.

Рис. 11. Васнецов В.М. Евхаристия. Оригинал для мозаики Собора Св. Александра Невского в Варшаве. Фотография автора.
Fig. 11. Vasnetsov, V. M. The Eucharist. Original design for the mosaic at St. Alexander Nevsky Cathedral in Warsaw. Photo by the author.

Росписи В.М. Васнецова ждала непростая судьба. Первоначальный огромный успех и оценки художника как «гениального провозвестника нового направления в религиозной живописи» [12, с. 73] сменились критикой, что было связано с открытием подлинной древнерусской иконы. Воспоминания современников сохранили мнение самого Виктора Михайловича, в котором нельзя не заметить ноты разочарования: «Я сам думал, что я проник в дух русской иконы… <…> что я постиг… технику этого старого времени. Оказалось, однако, что я глубоко заблуждался… Внутренний мир живописи того времени был гораздо более богатым в духовном смысле, чем дух нашего времени, или лично мой, или Нестерова, и нам далеко до их техники, до их живописного эффекта» [14, с. 60–61]. Однако значение росписей В.М. Васнецова трудно переоценить. Журнал «Мир искусства» писал о Владимирском соборе: «Это – выдержанное, цельное творение, в котором чувствуется живой порыв и большое декоративное чутье» [9, с. 245].

Последняя представленная на выставке работа соответствует хронологическим рамкам; выполненная позднее других, она не является эскизом или частью росписей какого-либо из храмов будучи отдельным произведением на религиозный сюжет. Это «Архангел Михаил» (1915 г.), которая была представлена вместе с работой «Апокалипсис» (1889 г., расположена в центральном зале внизу напротив эскизов образов святых) на 13-й выставке Союза русских художников в 1915–1916 гг. Источником для вдохновения вновь стало «Откровение Иоанна Богослова», что неслучайно в контексте развернувшейся в Европе Первой Мировой войны. Архангел Михаил, полководец небесных сил, во главе своего ангельского воинства поражает копьем-молнией красного многоглавого змея – князя тьмы. Примечательно, что данную работу художник выполнил не на заказ, а исключительно для себя, к теме борьбы с темными силами художник обращается в начале 1910-х гг. несколько раз, создавая полотна, на которых воины-змееборцы ведут бой за Святую Русь. Несмотря на то, что образ поверженного красного змея в советское время мог быть воспринят неоднозначно, произведения В.М. Васнецова входили в школьные хрестоматии, по

ним писали сочинения, выходили почтовые марки с его портретом. Не принявший Октябрьскую революцию убежденный монархист и русофил В.М. Васнецов, категорически отказавшийся от эмиграции, продолжал работу над сказочными сюжетами. Последней религиозной работой художника стал деревянный «Крест-распятие», законченный за несколько дней до его смерти.

Завершает экспозицию выставки информационный стенд с текстом о значении творчества мастера не только в контексте русской, но и общемировой культуры, содержащий цитаты его современников – С.П. Дягилева (1872–1929), Н.А. Прахова (1873–1957) и И.Э. Грабаря (1871–1960) (правда, без ссылок на источники и сносок).

В целом можно отметить не совсем удачную работу организаторов над сопровождающим произведения В.М. Васнецова текстом: выбранный размер шрифта является недостаточным для комфортного прочтения, чему мешают и отсутствие интервалом между абзацами, и выравнивание текста по левому краю, из-за чего правый край произвольно «пляшет», чего можно было бы избежать, выполнив выравнивание «по ширине».

Заключение

В целом представленный в экспозиции материал очень однообразен, доступные фотографии могли бы существенно дополнить и разнообразить его. Едва ли можно согласиться с красивым тезисом о том, что «в основе архитектурно-художественной концепции выставки лежит идея передачи уникальной атмосферы мастерской художника», так как кроме самих эскизов работ, расположенных в непонятном для зрителя порядке, ничто не создает названную атмосферу. Данного эффекта можно было бы добиться, если бы в экспозиция помимо изобразительных произведений включала материалы, с которыми работал художник, – краски, кисти, холсты, подрамники, штативы и т.п. Представляется возможным и создание мультимедийной секции с доступом к фотографиям храмов и выполненных В.М. Васнецовым росписей и мозаик, а также работ, упоминаемых в тексте, но не представленных на выставке.

Открытие и проведение выставки сопровождалось выходом в печать красочного каталога. Немаловажно, что помимо самих ярких и красочных работ художника, книга содержит и сопроводительные материалы научного характера: статьи О.Д. Атрощенко «“Дело нашего спасения”. Монументальные росписи В.М. Васнецова во Владимирском соборе» [1, с. 8–19], С.Д. Горбачевой «Религиозная графика В.М. Васнецова из собрания Третьяковской галереи» [4, с. 20–29], А.О. Васильченко «Композиции В.М. Васнецова для собора Св. Александра Невского в Варшаве» [2, с. 30–43], И.В. Мироновой «Виктор Васнецов и Нижний Новгород» [10, с. 44–49]. Из минусов издания отметим отсутствие информации о самой экспозиции и организаторах, занимавшихся ее архитектурным решением и графическим дизайном, все они указаны лишь на первом информационном стенде в начале выставки (управление проектом – А. Чекмарев, А. Огрызко, архитектура – А. Сорокина, графический дизайн – А. Кульпина, М. Зимин). Несмотря на указанные недочеты, их имена, безусловно, заслуживают упоминания. В завершении хотелось бы отметить, что выставка «Радость праведных»: религиозная живопись и графика В.М. Васнецова она стала важным событием для города в целом, познакомившим нижегородцев и гостей города с ранее малоизвестным религиозным творчеством ярчайшего представителя русского искусства, что нашло отражение в оценках на сайте выставки.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы

1. Атрощенко, О. Д. (2025). «Дело нашего спасения». Монументальные росписи В. М. Васнецова во Владимирском соборе. В: *Виктор Васнецов. «Радость праведных». Религиозная живопись и графика: альбом-каталог* (с. 8–19). Нижний Новгород: ООО «БегемотНН».
2. Васильченко, А. О. (2025). Композиции В. М. Васнецова для собора Св. Александра Невского в Варшаве. В: *Виктор Васнецов. «Радость праведных». Религиозная живопись и графика: альбом-каталог* (с. 30–43). Нижний Новгород: ООО «БегемотНН».

3. *Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников* / сост., вступ. ст. и прим. Н. А. Ярославцевой. Москва: Искусство, 1987, 496 с.
4. Горбачёва, С. Д. (2025). Религиозная графика В. М. Васнецова из собрания Третьяковской галереи. В: *Виктор Васнецов. «Радость праведных». Религиозная живопись и графика: альбом-каталог* (с. 20–29). Нижний Новгород: ООО «БегемотНН».
5. Дедлов, В. Л. *Киевский Владимирский собор и его художественные творцы*. Москва: Гроссман и Кнебель, 1901, 86 с.
6. Евстратова, Е. Н. *Виктор Васнецов*. Москва: Терра Книжный клуб, 2014, 287 с.
7. Ефремова, Л. А. *Васнецов*. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010, 128 с.
8. Кирюхина, Е. М. (2022). Феномен и рецепция Средневековья в период Золотого века книжной иллюстрации в Англии. В: *Современная российская медиевистика = Medieval & Early Modern Studies in Russia: сб. тезисов Всероссийской научной конференции с международным участием (Москва, 27–29 июня 2022 г.)* / отв. ред. Е. В. Казбекова (с. 204–206). Москва: Институт всеобщей истории РАН.
9. Заметки (1900). *Мир искусства, (11–12)*, с. 245–247.
10. Миронова, И. В. (2025). Виктор Васнецов и Нижний Новгород. В: *Виктор Васнецов. «Радость праведных». Религиозная живопись и графика: альбом-каталог* (с. 44–49). Нижний Новгород: ООО «БегемотНН».
11. Новашина, М. С. (2023). Исследование проблемы воздействия фильмов ужасов на психику в процессе изучения дисциплины «Психология кино». *Новое в психолого-педагогических исследованиях, (3)* (70), с. 174–181. https://doi.org/10.51944/20722516_2023_3_174. EDN: https://elibrary.ru/IOHRSW
12. Пастон, Э. В. *Виктор Васнецов*. Москва: Слово, 1996, 96 с.
13. Письмо В. М. Васнецова В. Д. Поленову (31 декабря 1887 г.). В: *Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников* / сост., вступ. ст. и прим. Н. А. Ярославцевой (с. 72–73). Москва: Искусство, 1987.
14. Плотникова, И. В. (1994). О религиозной живописи Васнецова во Владимирском соборе в Киеве. В: *Виктор Михайлович Васнецов (1848–1926): материалы конференции (сентябрь 1990 г.)* / отв. ред. Э. В. Пастон (с. 145). Москва: ГТГ.
15. Полевой, В. М. *Двадцатый век: Изобразительное искусство и архитектура стран и народов мира*. Москва: Советский художник, 1989, 452 с.
16. Ротанин, А. А. (2023). Эффект зловещей долины как фактор страха. В: *Инновационные идеи молодых – десятилетию науки и технологий: сборник материалов Международной научно-практической конференции* (с. 649–652). Пенза: Пензенский ГАУ.
17. Скоробогачёва, Е. А., & Бурова, М. А. (2024). Религиозное творчество В. М. Васнецова (1848–1926): генезис и духовно-художественные влияния. *Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной*

Церкви, (1) (21), с. 223–237. https://doi.org/10.47132/2541-9587_2024_1_223. EDN: https://elibrary.ru/GDOUDI

18. Трубецкой, Е. Н. (1993). Умозрение в красках. В: *Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв.: антология* (с. 195–219). Москва: Прогресс.
19. Уайт, Т. Х. *Средневековый бестиарий. Что думали наши предки об окружающем их мире* / пер. с англ. С. Фёдорова. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2013, 287 с.
20. Giorgi, R. *Angels and Demons in Art*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2005, 384 p.

References

1. Atroshchenko, O. D. (2025). "The Cause of Our Salvation": Monumental murals by V. M. Vasnetsov in the Vladimir Cathedral. In: *Viktor Vasnetsov. "The Joy of the Righteous". Religious Painting and Graphics: An Album-Catalogue* (pp. 8–19). Nizhny Novgorod: OOO "BegemotNN".
2. Vasilchenko, A. O. (2025). V. M. Vasnetsov's compositions for the Cathedral of St. Alexander Nevsky in Warsaw. In: *Viktor Vasnetsov. "The Joy of the Righteous". Religious Painting and Graphics: An Album-Catalogue* (pp. 30–43). Nizhny Novgorod: OOO "BegemotNN".
3. *Viktor Mikhailovich Vasnetsov: Letters. Diaries. Memoirs. Contemporaries' Judgments* (N. A. Yaroslavtseva, Comp., Introductory Article & Notes). Moscow: Iskusstvo, 1987, 496 pp.
4. Gorbacheva, S. D. (2025). Religious graphics by V. M. Vasnetsov from the collection of the Tretyakov Gallery. In: *Viktor Vasnetsov. "The Joy of the Righteous". Religious Painting and Graphics: An Album-Catalogue* (pp. 20–29). Nizhny Novgorod: OOO "BegemotNN".
5. Dedlov, V. L. (1901). *The Kiev Vladimir Cathedral and Its Artistic Creators*. Moscow: Grossman i Knebel, 86 pp.
6. Evstratova, E. N. (2014). *Viktor Vasnetsov*. Moscow: Terra Knizhnyi Klub, 287 pp.
7. Efremova, L. A. (2010). *Vasnetsov*. Moscow: OLMA Media Grupp, 128 pp.
8. Kiryukhina, E. M. (2022). The phenomenon and reception of the Middle Ages during the Golden Age of book illustration in England. In: *Modern Russian Medieval Studies = Medieval & Early Modern Studies in Russia: Collection of Abstracts of the All-Russian Scientific Conference with International Participation* (Moscow, June 27–29, 2022) (E. V. Kazbekova, Ed., pp. 204–206). Moscow: Institute of General History, Russian Academy of Sciences.
9. Notes (1900). *Mir Iskusstva* [World of Art], *(11–12)*, pp. 245–247.
10. Mironova, I. V. (2025). Viktor Vasnetsov and Nizhny Novgorod. In: *Viktor Vasnetsov. "The Joy of the Righteous". Religious Painting and Graphics: An Album-Catalogue* (pp. 44–49). Nizhny Novgorod: OOO "BegemotNN".
11. Novashina, M. S. (2023). A study of the impact of horror films on the psyche in the process of studying the discipline "Psychology of Cinema". *New in Psychological and Pedagogical Research*, *(3)*(70), pp. 174–181. https://doi.org/10.51944/20722516_2023_3_174. EDN: https://elibrary.ru/IOHRSW

12. Paston, E. V. (1996). *Viktor Vasnetsov*. Moscow: Slovo, 96 pp.
13. Letter from V. M. Vasnetsov to V. D. Polenov (December 31, 1887). In: *Viktor Mikhailovich Vasnetsov: Letters. Diaries. Memoirs. Contemporaries' Judgments* (N. A. Yaroslavtseva, Comp., Introductory Article & Notes, pp. 72–73). Moscow: Iskusstvo, 1987.
14. Plotnikova, I. V. (1994). On Vasnetsov's religious painting in the Vladimir Cathedral in Kiev. In: *Viktor Mikhailovich Vasnetsov (1848–1926): Conference Proceedings* (September 1990) (E. V. Paston, Ed., p. 145). Moscow: GTG.
15. Polevoy, V. M. (1989). *Twentieth Century: Visual Art and Architecture of Countries and Peoples of the World*. Moscow: Sovetskii Khudozhnik, 452 pp.
16. Rotanin, A. A. (2023). The uncanny valley effect as a factor of fear. In: *Innovative Ideas of the Young – For the Decade of Science and Technology: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 649–652). Penza: Penza State Agrarian University.
17. Skorobogacheva, E. A., & Burova, M. A. (2024). Religious creativity of V. M. Vasnetsov (1848–1926): Genesis and spiritual-artistic influences. *Scientific Journal of the St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church*, *(1)*(21), pp. 223–237. https://doi.org/10.47132/2541-9587_2024_1_223. EDN: https://elibrary.ru/GDOUDI
18. Trubetskoy, E. N. (1993). Speculation in colors. In: *Philosophy of Russian Religious Art of the 16th–20th Centuries: Anthology* (pp. 195–219). Moscow: Progress.
19. White, T. H. (2013). *Medieval Bestiary: What Our Ancestors Thought About the World Around Them* (S. Fedorov, Trans.). Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 287 pp.
20. Giorgi, R. (2005). *Angels and Demons in Art*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 384 pp.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирюхин Дмитрий Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент
Нижегородский государственный агротехнологический университет им. Л.Я. Флорентьева
пр. Гагарина, 97, г. Нижний Новгород, 603107, Российская Федерация
bagerlock@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Kiryukhin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Nizhny Novgorod State Agrotechnological University
97, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603107, Russian Federation
bagerlock@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6585-497X

Поступила 29.01.2026 Received 29.01.2026
После рецензирования 17.02.2026 Revised 17.02.2026
Принята 21.02.2026 Accepted 21.02.2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(https://csjournal.ru/)

Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество – специализированный академический рецензируемый журнал, посвященный актуальным проблемам социокультурной жизни и социокультурным явлениям, представляющий результаты современных научных исследований явлений социальной реальности ученых постсоветского пространства и зарубежных исследователей.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	15–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания
	ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)
Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Материалы и методы.
3. Результаты и обсуждение.
4. Заключение.
5. Информация о конфликте интересов.
6. Информация о спонсорстве.
7. Благодарности.

Список литературы
Библиографический список по формату APA

References
Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(https://csjournal.ru/)

Russian Studies in Culture and Society is a specialized academic peer-reviewed journal devoted to current problems of the life of society and culture and socio-cultural phenomena, presenting the results of modern scientific researches of social reality phenomena of the post-Soviet scientists and foreign researchers.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	15–24 pages A4 format, including tables, figures, references.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text
	DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)
Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.
2. Materials and methods.
3. Results of the research and Discussion.
4. Conclusion.
5. Conflict of interest information.
6. Sponsorship information.
7. Acknowledgments.

References
References text type should be APA Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМЕЙ: ДОСТУПНОСТЬ, ИНФОРМИРОВАННОСТЬ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)
К.Ю. Ледянкина 4

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР ПРИ ВЫБОРЕ ИНЖЕНЕРНЫХ ПРОФЕССИЙ СОВРЕМЕННЫМИ ЮНОШАМИ И ДЕВУШКАМИ
Е.В. Баранова, Ю.Р. Гуро-Фролова, Е.В. Киселева, Е.Г. Соколова 27

ЦЕННОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ: КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И РАВЕНСТВО
Е.А. Смирнова 48

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТСКИХ ОБРАЗОВ ТЕРРИТОРИИ
В.А. Гусарова, М.Э. Кулян-Козионова 72

ТЕЛО, ДОМ, САРКОФАГ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В АРХИТЕКТУРЕ ДРЕВНОСТИ
С.В. Архипова 94

ИКОНА «СПАС В СИЛАХ» ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV В. ИЗ СОБРАНИЯ ЦМИАР: ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ
Р.А. Суслова 113

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЛУ СИНЯ, ЧЖУ ЦЗИЦИНА И ГО МОЖО В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ
Хуанькоу Чжан 134

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

КОНСЕРВАЦИЯ, РЕСТАВРАЦИЯ И РЕИНСТАЛЛЯЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА: ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ ЭФЕМЕРНОГО
Цзябэй Юй 147

«РАДОСТЬ ПРАВЕДНЫХ»: РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА В.М. ВАСНЕЦОВА В НИЖЕГОРОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ
Д.В. Кирюхин 160

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 186

CONTENTS

THEORY, METHODOLOGY AND HISTORY OF SOCIOLOGY

SOCIAL SUPPORT FOR STUDENT FAMILIES: ACCESSIBILITY, AWARENESS AND INSTITUTIONAL BARRIERS (A CASE STUDY OF THE YAROSLAVL REGION)
K.Y. Ledyankina 4

SOCIOLOGY OF CULTURE

GENDER FACTOR IN THE CHOICE OF ENGINEERING PROFESSIONS BY MODERN YOUNG MEN AND YOUNG WOMEN
E.V. Baranova, Y.R. Guro-Frolova, E.V. Kiseleva, E.G. Sokolova 27

VALUE BASED HEALTH CARE: QUALITY OF LIFE AND EQUALITY
E.Al. Smirnova 48

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

SOCIAL NETWORKS AS A MEDIUM FOR SHAPING TOURIST IMAGES OF TERRITORIES
V.A. Gusarova, M.E. Kulyan-Kozionova 72

BODY, HOUSE, SARCOPHAGUS: THE ONTOLOGICAL CYCLE IN THE ARCHITECTURE OF ANTIQUITY
S.V. Arkhipova 94

THE ICON “SAVIOUR IN POWERS” OF THE LAST QUARTER OF THE XV CENTURY FROM THE COLLECTION OF THE CENTRAL MUSEUM OF ANCIENT RUSSIAN CULTURE AND ART NAMED AFTER ANDREY RUBLEV: FEATURES OF THE COMPOSITION
R.A. Suslova 113

THE ROLE OF THE LITERARY HERITAGE OF LU XUN, ZHU ZIQING, AND GUO MORUO IN THE FORMATION OF CHINA'S CULTURAL MEMORY
Huankou Zhan 134

MUSEUM STUDIES

CONSERVATION, RESTORATION AND RE-INSTALLATION OF CONTEMPORARY ART: PROBLEMS AND STRATEGIES FOR PRESERVING THE EPHEMERAL
Jiabei Yu 147

'THE JOY OF THE RIGHTEOUS': V.M. VASNETSOV'S RELIGIOUS PAINTING AND GRAPHICS IN THE NIZHNY NOVGOROD STATE ART MUSEUM
D.V. Kiryukhin 160

RULES FOR AUTHORS 186